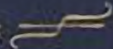

ГЕНДЕРНЫЕ
СТЕРЕОТИПЫ
В
МЕНЯЮЩЕМСЯ
ОБЩЕСТВЕ

ОПЫТ
КОМПЛЕКСНОГО
СОЦИАЛЬНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ПРОБЛЕМАМ
ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ГЕНДЕРНЫЕ
СТЕРЕОТИПЫ
В
МЕНЯЮЩЕМСЯ
ОБЩЕСТВЕ
≈
ОПЫТ
КОМПЛЕКСНОГО
СОЦИАЛЬНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ

Под редакцией
члена-корреспондента РАН
Н.М. РИМАШЕВСКОЙ

МОСКВА НАУКА 2009

УДК 316.3/4

ББК 60.54

Г36

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 08-02-16015д*

Рецензенты:

доктор философских наук *О.А. Воронина*,
кандидат экономических наук *Л.А. Мигранова*

Авторский коллектив:

Введение. Н.М. Римашевская.

Глава I. Е.А. Баллаева; О.М. Здравомыслова; М.Ю. Арутюнян.

Глава II. М.Е. Баскакова; З.А. Хоткина; Х.М. Хаджалова; Е.Б. Мезенцева;
М.М. Малышева; И.Б. Назарова.

Глава III. Е.А. Баллаева; Н.Е. Русанова; В.Г. Доброхлеб; Л.Г. Лунякова.

Заключение. Н.М. Римашевская

Гендерные стереотипы в меняющемся обществе : опыт комплексного социального исследования / ред.-сост.: Н.М. Римашевская (науч. ред.), Л.Г. Лунякова ; Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения РАН ; Науч. совет по проблемам гендерных отношений РАН. – М. : Наука, 2009. – 273 с. – ISBN 978-5-02-036830-9.

В монографии на базе обширного эмпирического материала проанализирован круг проблем, связанных с формированием, функционированием и воспроизводством гендерных стереотипов в современной России. Рассмотрены методологические аспекты, касающиеся понятий гендерных стереотипов, формирующихся на этой базе идеологии и гражданское правосознание. Представлены основные сферы, в которых наиболее ярко проявляется гендерная асимметрия – общественный и домашний труд, миграционные движения, семья и здоровье, репродуктивное поведение.

Для научных сотрудников, преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений социально-экономического профиля, а также ответственных работников, принимающих решения в социальной сфере.

Темплан 2009-I-35

ISBN 978-5-02-036830-9

ISBN 978-5-02-036830-9

9 785020 368309

© Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Научный совет по проблемам гендерных отношений РАН, 2009

© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2009

Введение

СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

Трансформационные процессы в российском обществе, активно начавшиеся с «шоковой терапии» 1992 г., были нацелены на переход от тоталитарной плановой системы к рыночной экономике. Проводимые «сверху» реформы осуществлялись без необходимых социальных амортизаторов, не учитывали их интенсивность и воздействие на состояние основной массы населения, способность восприятия и биологические возможности адаптации людей к переменам. В тугую петлю завязались наиболее опасные общественные проблемы:

- бедность, нищета, эксклюзии, глубоко затронувшие не менее трети населения;

- неравенство и социальная поляризация, сформировавшиеся на основе текущих доходов, накоплений, имущества, жилищной обеспеченности, потребления общественно значимых благ и услуг, состояния здоровья и уровня образования;

- оплата труда, опустившаяся ниже низшего предела, не способная выполнять свои главные функции в экономическом механизме и в процессе эффективной мотивации, тормозящая развитие физического и социального капитала, делающая невыносимыми условия жизни значительной части граждан;

- устойчивая безработица, достигающая огромных размеров на отдельных территориях и в поселениях страны, вызывающая не только риск бедности, но дестабилизацию трудового потенциала, дисквалификацию его в преддверии наступления периода дефицита рабочей силы;

- усиление обездоленности престарелого населения, пенсия которого фактически превратилась в пособие по старости, с риском, угрожающим нищетой;

- кризис в отраслях социальной сферы, препятствующий государству выполнять свои конституционные функции обеспечения важнейших, общественно значимых потребностей населения.

Цена реформ, условия и факторы жизнедеятельности граждан были столь разрушительны, что вызвали не только интенсив-

ные стрессовые ситуации в обществе, но повлекли за собой слом динамического стереотипа высшей нервной деятельности, приведший к ослаблению иммунной защиты фактически каждого человека, спровоцировавший развитие патологических процессов в состоянии здоровья, а также депрессий и психических отклонений. Социальная ситуация в России, характеризующаяся обострением указанных проблем, вызвала чрезвычайно негативное интегральное следствие – демографический кризис, характеризующийся деградацией количественных и качественных показателей населения. Это повлекло за собой не только снижение рождаемости, но и интенсивный рост смертности, а в конечном счете сформировало процесс постепенного вымирания населения. Следствием социально-экономических трансформаций стали глубокие нарушения демографических воспроизводственных процессов.

Неудивительно, что за время реформ 1991–2006 гг. в результате естественной убыли, когда масштабы смертности существенно превышали рождаемость, страна потеряла 12 млн чел. Численность умерших и размеры естественной убыли изменялись нарастающим образом. Половина потерь была компенсирована положительным сальдо миграции, поэтому реальное уменьшение населения за весь период достигло 6 млн чел., что тоже немало, учитывая условия мирного времени. Опасность подобных процессов, кроме всего прочего, состоит в том, что демографическое развитие имеет инерционный характер и негативные явления, сопровождающие рождаемость и смертность 90-х годов прошлого столетия, будут сказываться в России на всем протяжении XXI в., подобно тому, как еще сегодня ощущается «эхо войны» 1941–1945 гг. Если не переломить радикальным образом сформировавшиеся тенденции, то к началу 2025 г. население России сократится до 125–135 млн чел., а к середине текущего столетия (2050 г.) страна может потерять 30–40 млн чел., и в ней останется около 100–110 млн. Несмотря на то что предварительные данные за 2007 г. говорят о росте числа родившихся (на 8,3%), а также о сокращении смертности (на 4%) и соответственно уменьшении естественной убыли населения, принципиальная оценка динамики населения не меняется.

Дальнейшее развитие страны на пути становления цивилизованного рынка практически невозможно без решения накопившихся проблем и противоречий в социальной сфере. Стремление к продвижению лишь на финансово-экономическом участке реформ – либерализации правил хозяйственной жизни без учета всего комплекса общественных реалий – привело к «отставанию социальных тылов». В результате большинство населения не го-

тово эффективно действовать по новым правилам, оно не адаптировалось и ведет себя пассивно, находясь в состоянии апатии.

С точки зрения улучшения качества жизни всех граждан страны как цели социально-экономических трансформаций российское общество, по существу, мало продвинулось в позитивном направлении, пока еще остается не реализованной задача достижения для всех групп населения уровня жизни, доходов и потребления, которое оно имело в дореформенный период (1990). Абсолютно очевидно, что необходим крутой маневр, радикальные преобразования общественной сферы, последовательная модернизация ее на базе рыночных отношений, формирующихся в рамках социального государства. Только комплексная трансформация сделает очевидной бесплодность политики «латания дыр», «введения льгот», «быстрого реагирования» на ежедневно возникающие трудности в жизни людей.

В конце XX в. в мире сформирована новая парадигма общественного развития, исходящая из приоритета человеческой жизни, принципиально по-новому определяющая соотношение экономического роста и человеческого развития. Придавая особое значение экономическому росту, от которого зависят состояние, динамика и будущее общества, в середине прошлого столетия выделяли три основных фактора, воздействующих на него: физический капитал (оборудование, машины, элементы технологии), природный капитал (полезные ископаемые, леса, вода, земля), человеческий капитал (умение, квалификация, профессионализм работника). Новые подходы показали, что экономическая динамика есть лишь условие для совершенствования человека, она значительно расширяет его возможности во всех сферах жизнедеятельности, но люди не являются инструментом для производства благ и услуг. Жизнь ценна сама по себе и отнюдь не потому, что человек обладает способностью производить потребительские блага, как это представляют себе сторонники идеи «экономически эффективного» населения, а фактически проповедники низкой оценки человеческой жизни. Напротив, значение материальных благ и услуг определяется их функцией удовлетворять универсальные потребности населения. А их выбор далеко выходит, и чем дальше, тем больше будет выходить, за рамки экономических границ благосостояния, так как в роли ориентира прогрессивного общественного движения выступает именно человеческое развитие и качество жизни. И пока общество не осознает, что основное богатство — это люди, озабоченность производством материальных благ и услуг будет заслонять конечные цели и ориентиры.

Новая парадигма человеческого развития в принципе исключает рассмотрение людей только как человеческий капитал, хотя и признает его ведущую роль в росте производительности труда. При этом придается особое значение распределительным отношениям и уровню справедливости, так как в цивилизованном обществе гарантии элементарного минимального дохода обеспечивают удовлетворение базового набора потребностей, ибо в противном случае в условиях бедности находится даже не качество жизни, а возникает угроза существования самой жизни. В этом контексте еще более важную роль начинает играть целенаправленное ограничение неравенства и поляризации, чему в то же время должно способствовать и поступательное развитие общества. Главным инструментом деятельности государства в этих условиях становится соответствующая социальная политика как средство устранения всякой дискриминации, включая гендерную, формирующейся на базе дифференциации и глубокой пропасти между людьми.

Уже первые шаги по пути рыночных реформ показали, что социально-экономические трансформации не были и не могли быть гендерно нейтральными. Переход к рынку сопровождается, с одной стороны, свертыванием социальных программ, затрагивающих в большей мере женщин, а с другой – продуцирует повышение новых требований к рабочей силе в контексте инновационного развития современных технологий. В результате значение репродуктивной, воспроизводственной, в широком смысле слова, деятельности женщин, реализующейся преимущественно в семье, возрастает, а продуктивный (производительный) труд, включенный в общественное производство, – снижается. Женская рабочая сила обременена комплексом социальных факторов: женщина рождает, получает оплачиваемый отпуск, нуждается в социальных услугах и социальной помощи. Предприниматели не заинтересованы в работнике, который усложняет организацию труда и функционирование предприятия, требует дополнительных расходов, увеличивает издержки производства. Круг «трудовых льгот» для работающих женщин с детьми широк, а возможности выхода из сферы оплачиваемой занятости становятся совсем легкими. Так меняется социальный статус женщин и гендерные взаимоотношения, проявляющиеся во всех сферах жизнедеятельности человека, но особенно внутри семьи¹.

¹ Римащевская Н., Ванной Д., Малышева М. и др. Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 году. М., 1999.

За прошедшие полтора десятилетия формирования рыночных отношений в положении женщины произошли существенные перемены противоречивого характера. Женщина много потеряла в своей конкурентоспособности, так как ее рабочая сила осложнена социальными льготами – то, что определяется как «позитивная дискриминация». Одновременно наблюдается естественная активность женщин «снизу». Появились сотни реальных женских организаций, возникло движение в области гендерных исследований, сформирована сеть кризисных центров для защиты слабой половины. Более того, в России, как, впрочем, и во всех развитых странах, возникает и все более укрепляется постсовременная, или супружеская, модель семьи, которая отличается эгалитарными семейными отношениями. В современной социологии подобный тип семьи определяется как модель социального либерализма: она формируется на базе развития рыночных отношений и личной независимости каждого из супругов. В первую очередь это касается изменения в положении женщины, стремящейся иметь устойчивый экономический суверенитет. В современных условиях женщина, осознающая высокий риск разводов (а он наглядно отражается в российской статистике), осторожно подходит к выбору супруга, стремясь прежде всего к получению квалификации и профессии, востребованной на рынке труда.

Вместе с тем новым тенденциям развития противостоит гендерный стереотип, в основе которого лежат давно устоявшиеся патриархальные представления о ролевых функциях мужчины и женщины, дополняемые принципиально важными особенностями черт «женственности» и «мужественности», вытекающими из биологических конструкций.

К чему сводится гендерный стереотип? Он прост и, как известно, базируется на «первородстве» мужчины и «естественном предназначении» женщины: первый выполняет функции добытчика, а вторая хранит семейный очаг. Домашняя работа воспринимается как «частная жизнь», менее значимая для общества, чем публичное пространство, в котором существуют профессиональные занятия, экономика и политика. Патриархальные концепции структурно воспроизводят мужскую власть, действуя психологически путем разведения мужчин и женщин по различным доменам. Разделение ролевых функций по половому признаку приводит к серьезной гендерной асимметрии в жизни общества, сопровождаемой всеером негативных последствий и социальных вызовов нового времени, которые в равной мере касаются обоего пола.

Эгалитарная коммунистическая идеология, доминировавшая в России на протяжении большей части XX в., удивительно соче-

талась с жесткими патриархальными традициями, которые дополнились новыми отношениями гендерного свойства, пришедшими в страну вместе со становлением рыночных отношений. Это не могло не вызвать к жизни реалии, сложившиеся в процессе противоречий гендерной практики, зависимые, разумеется, от культурных взглядов и традиций российского общества.

Существуют два устоявшихся мнения относительно гендерных предпочтений работодателей. Первое связано с тем, что женская рабочая сила менее «выгодна» и более затратна. Во многом соответствующий стереотип, помимо исторических традиций и социально-культурных корней, базируется на действующих сегодня правовых льготах и гарантиях, предоставляемых работающим женщинам, что снижает привлекательность женщины, как работника и выступает причиной предпочтительного отношения к использованию мужского труда, подкрепляясь тем, что основную нагрузку по ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей несет в нашей стране женщина. Второе мнение, господствующее среди нанимателей, как и десятилетия ранее, формирует представление об объективной обусловленности существования «женских» и «мужских» профессий, что в свою очередь не может не вызывать гендерной сегрегации.

Гендерные стереотипы не так безобидны, как это кажется на первый взгляд. Они не только нарушают равные права и равные возможности мужчин и женщин вследствие позитивной дискриминации, возникающей из-за установления помощи женщине со стороны общества в виде различного рода привилегий по причине выполнения биологических функций, но препятствуют ее развитию как личности, а главное – ограничивают возможности использовать качественный человеческий капитал женской половины общества и эффективно решать социальные проблемы. Кроме того, и сами женщины сегодня не всегда согласны с тем положением, которое отводят им мужчины, прежде всего в семье. В результате 70% разводов происходит по инициативе «слабой половины».

Весь комплекс условий жизни женщин как в семье, так и в сфере занятости на производстве, определяемый гендерными стереотипами, требует осмысления складывающейся ситуации в конкретных российских реалиях социально-экономических трансформаций. Необходим четкий ответ на вопрос о том, насколько существование гендерной дискриминации и сегрегации опасно не только для женщин, но и для общества в целом. Где та граница, которая отделяет неравенство женщин, вызванное их физиологическими особенностями, от гендерной асиммет-

рии, связанной с гендерными стереотипами? Насколько серьезны возникающие в результате последствия? Опасны ли они и для кого?

Обозначенное разделение ролевых функций женщин и мужчин вызывает гендерные асимметрии в жизни общества, сопровождаемые массой негативных последствий и социальных вызовов нового времени. Вот некоторая цепочка из них, наиболее существенных и обострившихся в условиях рынка, начиная с экономической и политической дискриминации в сфере труда и собственности, вызывающей низкую материальную обеспеченность и бедность женщин, приводящую к дестабилизации внутрисемейных отношений, а затем – к гендерной асимметрии здоровья родителей и детей, которая трансформируется в процессы депопуляции и снижения качества населения.

Первый уровень негативных итогов гендерного свойства состоит в том, что представительница прекрасного пола в силу двойной занятости, обретая семью, быстро теряет свой темп в процессе социальной мобильности. Она в меньшей степени повышает свою квалификацию и становится источником рабочей силы низкого качества, или, как сегодня принято говорить, «второго сорта». Дискриминационные практики на рынке труда, несмотря на более высокое профессиональное образование женщин, включая занятых², приводят к тому, что их статус не только ниже, но он формирует каркас «социальной пирамиды», в соответствии с которой чем выше положение работника, тем ниже доля женщин на этом уровне. Так, среди ректоров вузов 7% женщин и 93% мужчин, а среди старших преподавателей 68% женщин и 31% мужчин³. То же самое наблюдается в учреждениях здравоохранения и культуры, а также в любой другой сфере. Существующие препятствия роста женской карьеры получили метафору «стеклянного потолка»: она видит и чувствует возможности своей вертикальной мобильности, но не может реализоваться, а если все же продвигается вверх, то возникает угроза его разрушения. «Стеклянный потолок» как образное выражение появилось в мировой литературе в 70-е годы XX в. для обозначения невидимых искусственных барьеров в форме предубеждений и организационных преград, мешающих женщинам занимать высшие управленческие должности. Фактически эта формула отражает неравенство полов, особенно на верхних этажах структурной иерархии.

² Высшее профессиональное образование среди занятых имеют 54% женщин и 46% мужчин. См.: Женщины и мужчины России. 2004 / Росстат. М., 2004. С. 97.

³ Там же. С. 84.

Женщины и мужчины имеют разный доступ к ресурсам, возможностям трудоустройства и статусным достижениям.

В обществе складывается и горизонтальная сегрегация («стеклянные стены»), которая отражает различия мужской и женской занятости. В результате мужчины находятся на более квалифицированных, ответственных и лучше оплачиваемых рабочих местах, а женщинам предоставляются менее значимые позиции, они чаще переходят на гибкий режим труда, который позволяет ограничивать их возможности и достижения: Разделение профессий на «женские» и «мужские» по-разному оценивается россиянами. Так, в 2005 г. 33% опрошенных сказали, что подобное деление предопределено природой, половина (51%) склонны думать, что указанная дифференциация есть следствие устройства общества⁴. В результате возникла отраслевая сегрегация, которая сформировала набор «женских» и «мужских» сфер занятости. К «феминизированным» отраслям относятся здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение, образование, где доля женщин составляет 80%; финансы, кредит, страхование, пенсионное обеспечение – с более низким удельным весом женщин – 68%. Динамика отраслевых различий по признаку пола свидетельствует об устойчивом нарастании отраслевой гендерной сегрегации в российской экономике⁵.

В процессе социально-экономических реформ преимущественно мужчины стали собственниками и владельцами предприятий. Обладая большей эмоциональной «силой», они оказались во главе процесса приватизации и сообщества работодателей. Среди предпринимателей лишь 35% женщин, но 65% мужчин⁶. Традиционно занимая основные руководящие посты в правительстве и возглавляя крупные производства (директорат), они получили в свое фактическое владение большую часть государственной собственности. «Сильная половина» все более активно проявляет агрессивный стиль деятельности, рассматривая произвол как эффективное средство достижения цели, добиваясь власти и денег. Вместе с тем часть российских мужчин не смогла выдержать правил конкурентной игры в зарождающейся рыночной среде, часто криминального характера, с неразвитой инфраструктурой, слабым государственным регулированием трудовых процессов, девальвацией образовательного

⁴ Вовк Е. Гендерная асимметрия и женские роли в современной России // Социальная реальность. 2006. № 3. С. 67.

⁵ Там же. С. 94.

⁶ Там же. С. 97.

потенциала. Потеря эффективной трудовой мотивации, вызванная падением оплаты труда, закрытием предприятий, безработицей, повлекла стрессовое состояние мужчин как «кормильцев» семьи, а длительный социальный стресс, переходящий в срыв динамичного стереотипа высшей нервной деятельности, включил патогенетические механизмы в обменные процессы, что приводит к росту инфарктов, инсультов, злокачественных образований и диабета. Это коснулось преимущественно 40-летних мужчин, которые не успели «набрать очков» в советской статусной иерархии и уже не могут вписаться в современные конкурентные отношения на рынке труда.

Меньше женщин вовлечено в негосударственный сектор. Там им предлагается узкий, ниже оплачиваемый круг исполнительских профессий. Предприниматели освобождаются от недостаточно эффективной рабочей силы, т.е. от женщин. В их представлении, трудовые качества работников сильно обусловлены его полом и возрастом, а не конкретными характеристиками образования и квалификации; все более распространенной становится также социально пассивная позиция самих женщин.

Абсолютная и относительная численность безработных женщин меньше, чем безработных мужчин: 7,5% среди женщин и 8,3% среди мужчин⁷. Однако продолжительность поиска работы у женщин длительнее – 8,6 месяцев, у мужчин – 7,9 месяцев⁸; доля не занятых женщин со средним и высшим профессиональным образованием значительнее. Особенность женской безработицы состоит в том, что она имеет «квалифицированный» характер. Потерявшие работу женщины обладают значительно более высоким уровнем подготовки по сравнению с безработными мужчинами. Проявления последствий гендерных стереотипов свидетельствуют о существенной дискриминации женщин по широкому кругу направлений, что особенно очевидно, если сферу экономики дополнить данными об аналогичных процессах в политической сфере.

К чему приводит гендерная дискриминация и сегрегация женщины в экономике, как, впрочем, и в политике? Основное следствие подобных явлений сводится к тому, что человеческий и интеллектуальный потенциал женщин либо используется недостаточно и неэффективно, либо вообще не используется, несмотря на его высокое качество, и общество в связи с этим несет большие потери.

⁷ Там же. С. 127.

⁸ Там же. С. 130.

Поэтому уместно говорить о *втором уровне* последствий, связанных с гендерными стереотипами. Главное здесь – это дискриминация в оплате мужского и женского труда, что обусловлено не столько уровнем их профессиональной занятости, сколько фактором дифференциации заработков межотраслевого характера, который на самом деле не имеет объективной основы. Однако уровень оплаты труда работающих определяет не только пенсионное обеспечение престарелого населения, но и величину общего дохода семьи, материальное положение как женщин, так и мужчин. С изменением уровня оплаты труда в отдельных отраслях сдвигается и доля занятых в них женщин: чем выше среднеотраслевая заработная плата, тем меньше остается женщин на предприятиях этой отрасли, и наоборот. Чем выше становятся заработки, тем интенсивнее туда происходит переток мужчин.

В 2003 г. отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин в экономике страны составляло 64%, что близко к оценкам того же показателя в 90-х годах⁹. Активные экономические реформы усилили отставание темпов роста оплаты труда в «феминизированных» отраслях. Так, самый низкий уровень средней заработной платы в процентах к оплате труда по экономике в целом в 2003 г. составил в сельском хозяйстве – 39%, в лесном хозяйстве – 59, в образовании – 62, в культуре и искусстве – 63, в здравоохранении, физической культуре и социальном обеспечении – 68%¹⁰. Между тем нет серьезных оснований предполагать, что уровень образования и квалификации, необходимый, например, для работы в здравоохранении, ниже, чем требуемый в промышленности и строительстве, как об этом можно судить по оплате труда.

В условиях, когда большая часть занятого населения трудится по найму, именно уровень заработной платы определяет материальное обеспечение индивидов и домохозяйств, а также экономические инвестиции в человеческий капитал. Кроме того, гендерное неравенство заработков во многом формирует внутрисемейные позиции супругов, обеспечивает равный/не равный доступ к семейным расходам, создает/не создает основу для экономической независимости женщин или определяет ее подчиненное положение. В большинстве случаев средний заработок женщин существенно ниже заработка мужчин в рамках одной и той же профессии. Различия в доходах предпринимателей и самозанятых по признаку пола еще выше. Распределение оплаты труда показыва-

⁹ Там же. С. 108.

¹⁰ Там же.

ет, что ниже общей средней получают 32% мужчин (менее трети) и 58% женщин (более половины)¹¹.

Гендерная дифференциация заработной платы имеет двойственную природу. С одной стороны, ее определяют господствующие в обществе патриархальные установки, а с другой – женщины традиционно сосредотачивались в «феминизированных» отраслях промышленности и обслуживания, где труд был дешевле. Исторически сложилось так, что в потребительском комплексе экономики, который еще в советское время рассматривался с меньшей народно-хозяйственной значимостью, существовали более низкие заработки и меньше работало мужчин. Занятыми в этих отраслях становились преимущественно женщины, и низкие заработки на этих производствах легко удерживались, так как они обычно оказывались вторыми работниками семьи. Так создавался «порочный круг» различий в оплате труда по полу, а в социальной инфраструктуре – здравоохранении и образовании – складывалось неоправданно низкое вознаграждение.

В 2004 г. 27% работающего населения получало заработки на уровне и ниже прожиточного минимума¹². А кто эти 27%, которые работают по восемь часов в день и не устаиваются за свой труд даже прожиточного минимума на уровне физиологического выживания? Статистика показывает, что к ним относится половина работников в отраслях культуры и искусства, в образовании, легкой промышленности; в торговле и общественном питании их более 40%. Если использовать статистику занятости в «феминизированных» отраслях по полу и совместить два ряда указанных цифр, то получим оценку низкооплачиваемых и совсем низкооплачиваемых женщин: их около 14 млн чел. С недостойной оплатой труда молодых женщин связаны все формы их асоциального поведения, начиная с роста алкоголизма, наркомании, криминальности и проституции, в том числе проституции «на вывоз»¹³.

Заработная плата органически увязана с уровнем пенсий. Так и должно быть, когда речь идет о государственном социальном страховании. Реальная ситуация свидетельствует о том, что старость в России имеет «женское лицо», так как доля женщин в пенсионном возрасте почти в 3 раза выше доли престарелых мужчин, ведь продолжительность предстоящей жизни у женщин на 12–13 лет больше. В России пенсии определяются оплатой труда лишь в том смысле, что у женщин они такие же низкие, как и за-

¹¹ Статистический бюллетень. 2004. № 9. С. 44.

¹² Там же. С. 49.

¹³ Тюрюканова Е. Женская миграция и насилие // Разорвать круг молчания... О насилии в отношении женщин / под ред. Н.М. Римашиевой. М., 2005.

работки, ведь средняя назначенная пенсия сегодня составляет менее 25% от средней заработной платы. Если речь идет об уровне оформленных в текущем году пенсий, то гендерное соотношение их различается менее чем на 10%.

Данное обстоятельство определяется двумя факторами. Во-первых, в соответствии с существующей системой пенсионирования различия выплат слабо связаны с дифференциацией в оплате труда и стажем трудовой деятельности; они фактически превратились в банальные пособия по старости. Во-вторых, уровень назначенных сегодня пенсий существенно отличается от реально получаемых, среди которых есть установленные 10–20 лет тому назад, когда заработки были существенно ниже и выплаты плохо актуализированы. Следовательно, гендерные различия пенсий всех лет назначения по совокупности составляют около 10–20%, а самые низкие из них получают женщины в возрасте 70 лет и старше. Общая численность таких пенсионеров, по нашим оценкам, составляет около 17 млн чел. У следующего поколения возникает настоятельная обязанность не только опекать престарелых родственников, но и помогать им материально.

Среди женщин из бедных групп решающая доля относится к материнским семьям, где либо мать и дети, либо семьи с детьми-инвалидами. Таких женщин, по нашим оценкам, около 4 млн чел. Таким образом, условно можно считать, что около 35 (14 + 17 + 4) млн женщин находятся в существенно худшем материальном положении, чем их «равноправные мужчины». А это половина всех женщин или около $\frac{2}{3}$, если не считать тех, кто находится в дотрудоспособном возрасте. Цифры угнетающие, которые не могут и не должны никого оставлять равнодушными.

Разумеется, приведенные показатели имеют экспертный характер, а расчеты осуществлены лишь на основе регламентной статистики. Но важен алгоритм, а дополнительная детальная информация позволит получить точные оценки. Однако основной вывод останется неизменным: у бедности «женское лицо», материальное положение женщин значительно хуже¹⁴, чем представителей сильного пола. Реальные причины этого коренятся в гендерных стереотипах, господствующих в нашем обществе и определяющих все, начиная от дискриминации занятости и кончая назначенными пенсиями.

Однако проблема состоит не только в глубокой гендерной асимметрии, отсутствии равенства и возможности реализовать

¹⁴ Овчарова Л.Н. Бедность в гендерной проекции в странах с переходной экономикой // Народонаселение. 2002. № 3. С. 34.

свои права. Важным становится и другой аспект ситуации, который делает особенно актуальным вопрос о том, какое общество мы создаем – социальное или архилиберальное (рыночное)? Если абсолютно рыночное, то бедные (в данном случае женщины) сами должны выживать и по возможности находить необходимые для этого пути. В противном случае у них один выход – пропадать и деградировать, а мужчины и без них проживут. Но Россия (в соответствии с действующей Конституцией) – это социальное государство со всеми его особенностями в рыночных условиях. Следовательно, первостепенная задача состоит в преодолении бедности тех, кто оказался в этом секторе общества по самым разным причинам. И тогда чрезвычайно важной становится борьба с гендерными стереотипами, которые вызывают гендерную асимметрию, дискриминацию и сегрегацию. Кроме социально-экономического они имеют ярко выраженный матримониально-демографический аспект, формируя не только «женское лицо» бедности, но структурируя ее мультипликацию, когда женщина трудится в «феминизированной» отрасли, находится в основании «профессиональной пирамиды», является единственным кормильцем в неполной семье и постепенно перемещается в маргинальные слои общества. А феномен мультипликации ведет к застойной бедности и социальным эксклюзиям.

Третья ступень негативных последствий, определяемых гендерными стереотипами, выступает как результат проникновения принципа дискриминации женщин во внутрисемейные отношения. Следствием экономических различий в положении мужчин и женщин являются три серьезные социально-демографические проблемы: а) высокая бедность женщин; б) более слабые позиции женщин во внутрисемейных отношениях (рост домашнего насилия); в) худшее состояние индивидуального здоровья, которое неизбежно влечет за собой снижающийся уровень здоровья детей при рождении («социальная воронка»)¹⁵.

Гендерное неравенство оплаты труда в сфере занятости во многом регулирует внутрисемейные позиции супругов. Вытеснение женщины из сферы производства в период реформ и более существенное падение ее материальной обеспеченности усиливают гендерную асимметрию внутри домохозяйства за счет увеличения объема бытовых нагрузок, прежде всего на женскую половину. А это неизбежно вносит в семейные отношения излишнюю

¹⁵ Подробное изложение этой проблемы см.: *Римашевская Н.М.* Положение детей и качество человеческого потенциала в России // Народонаселение. 2002. № 3. С. 5.

напряженность и дестабилизирует их. Между тем известно, что выполнение семей своих репродуктивных и в целом воспроизводственных функций зависит в первую очередь от стабильности и устойчивости брака, т.е. от характеристик его состояния.

Исследования показывают, что главный фактор, определяющий качество брака, – это удовлетворенность супругов разделением труда в сфере ведения домашнего хозяйства, в уходе за детьми и престарелыми родственниками. Гендерное разделение труда в России пока что чрезвычайно патриархально: в политической сфере и профессиональной деятельности доминируют мужчины, а основная функция женщин – это «эмоциональная работа» в семье. Следует также учитывать, что семья в новых условиях принимает на себя не только потребительские, но и производственные функции, вызывая дополнительные нагрузки преимущественно на хозяйку дома. Расширяется надомный труд женщин, включая функции недоступной для большинства домохозяйств сферы обслуживания; возникает семейный бизнес и фермерское производство, базирующееся на семейном труде. На женщину фактически ложатся все заботы по воспитанию детей, о чем свидетельствуют феномен «отсутствующего отца» и практическое исчезновение роли «русской бабушки». Зеркальным отражением воспитательной роли женщины в семье является обычай оставления ребенка с матерью (в 95 случаях из 100) при разводе или распаде семьи.

Семейным бюджетом призвана управлять чаще женщина, от которой прежде всего и зависит климат в семье, определяемый в свою очередь ее социальным статусом и трудовой активностью¹⁶. Данные обследования 1995 г. показывают, что более 1/3 состоящих в браке мужчин и женщин предпочитают, чтобы женщина распоряжалась семейным бюджетом. Отчасти это связано с низким уровнем семейных доходов и постоянной необходимостью решать проблемы выживания. Тот же опрос показывает, что около 2/3 мужей и жен, даже среди разведенных, предпочитают, чтобы супруги совместно участвовали в домашних делах. Совсем незначительная часть респондентов думает, что домашним хозяйством должен заниматься муж; 1/3 считает это обязанностью жены.

Явно эгалитарными взглядами характеризуется распределение труда, связанного с уходом за престарелыми родителями: 81,1% жен и 83,0% мужей считают, что оба супруга должны помогать им в равной мере. Исследования свидетельствуют о том, что

¹⁶ Римашевская Н., Ванной Д., Мальшева М. и др. Указ. соч.

в целом мужчины (и почти все женщины) с более низким уровнем образования имеют несколько более либеральные взгляды на внутрисемейные отношения по сравнению с высокообразованными. Исключение составляют женщины, окончившие аспирантуру.

Достигнутое в тоталитарную эпоху «равенство» женщины и мужчины в общественной сфере (имеется в виду преимущественно уровень образования и занятости), а также экономическая независимость женщины, возникшая вследствие всеобщего вовлечения слабой половины в производство, – это то колесо российской истории, которое не только трудно, но практически невозможно безболезненно развернуть вспять. Следствием социально-экономических, ориентированных на формирование рыночных отношений трансформаций фактически является возникновение «ренессанса» патриархальности, усилившего гендерную асимметрию. Ухудшение положения женщины в обществе и семье вызывает нестабильность брака и семейных отношений, падение его качества, когда конечным этапом деструктивных процессов становится развод. Об этом свидетельствует динамика их роста в последнее десятилетие. В 2003–2004 гг. на три брака загсы регистрируют два развода¹⁷. Исследования дают серьезные основания предполагать, что те браки, в которых жены берут на себя роль лидера, менее стабильны, чем браки, где они играют вторую роль. Браки с более чувствительными и менее инструментальными мужьями также менее стабильны. Таким образом, оказывается, что браку сложнее уцелеть при наличии отношений, противостоящих традиционным гендерным стереотипам. Но женщины сегодня не всегда согласны с тем положением, которое отводят им мужчины.

Складывающиеся в этих условиях внутрисемейные отношения вызывают усиление гендерного насилия, особенно домашнего, которое сегодня все более активно выходит на «белый свет»¹⁸. Дестабилизация семейных структур, представляющих собой фундамент любого общества, ведет к разрушению его социальных основ и нормального воспроизводства населения, что в свою очередь сужает базу демографических процессов, приводя к депопуляции и деградации генофонда.

Таким образом, российские супруги убеждены, что забота о воспитании детей и о престарелых родителях должна ложиться на

¹⁷ Женщины и мужчины России. 2004. М., 2004. С. 40.

¹⁸ Разорвать круг молчания. О насилии в отношении женщин / под ред. Н.М. Римашевской. М., 2004.

их плечи поровну. Но большинство уверено, что зарабатывание денег – преимущественно мужская прерогатива, несмотря на явную потребность в двух зарплатах для обеспечения минимального стандарта жизненного уровня. Несколько более сложные отношения возникают при решении вопросов, связанных с ведением домашнего хозяйства, управлением семейным бюджетом и ремонтом дома. В целом представления о способности мужчин и женщин брать на себя различные роли в семейной жизни сегодня более либеральны, чем можно было ожидать. В России нормы гендерной дискриминации и подчиненного положения женщин не всегда осознаются, а в некоторой части социума они даже считаются вполне приемлемыми. В целом взгляды и предпочтения гендерного характера скорее можно определять как традиционные, нежели как эгалитарные.

Социально-экономические трансформации, получающие все большее развитие, оказывают определенное влияние и на поведение граждан в процессе создания семьи и реализации репродуктивных функций, фактически повторяя тенденции, отмеченные в развитых странах за последние 40 лет. Речь идет о так называемом социальном либерализме (другое название этого явления – рефлексивная модернизация)¹⁹, который включает переоценку отдельными лицами или группами лиц некоторых традиционных семейных ценностей (например, модель семьи с основным кормильцем мужчиной). Возросший потенциал человека позволяет ему самостоятельно выстраивать свою личность и делать это вопреки существующим стереотипам.

Рефлексивная модернизация ослабила ограничения, связанные с возможностью развода, который раньше не поощрялся ни обществом, ни государством. Расширилась практика совместного проживания без оформления брака и откладывания рождений детей. Совместное проживание партнеров до заключения брака стало формой близких отношений, позволяющих получить личную независимость, поддерживая брак в более рискованной социальной среде. Возможность контролировать свою фертильность связана с революцией в технологии контрацепции и расширением прав на производство аборт, что позволяет женщинам с большей уверенностью планировать и организовывать свою жизнь. В условиях социального либерализма личные риски в области

¹⁹ Макдональд П. Низкая рождаемость и государство: эффективность политики // Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы. Материалы международного семинара. 14–15 сентября 2006. М.: ИНФПА, 2006. С. 31.

матримониального поведения возрастают как у мужчин, так и у женщин, в большей степени затрагивая последних. Положительной особенностью рефлексивной модернизации считается то, что она предоставила людям возможность создания «чистых взаимоотношений», которые строятся не на ограничениях, установленных обществом, а на основании добровольной близости и взаимных симпатиях.

Наиболее острым следствием «торжества» гендерных стереотипов патриархальности, проявившегося на фоне охватившего все стороны российской жизни кризиса, явилось падение физического, психического и социального здоровья, как на уровне популяции, так и на уровне индивида. Это – *четвертая ступень* воздействия гендерных стереотипов.

Несмотря на то что продолжительность предстоящей жизни у мужчин (популяционное здоровье) сегодня на 12–13 лет меньше, чем у женщин, из которых пять лет жизни они потеряли за последнее десятилетие, индикаторы индивидуального здоровья во всех возрастных группах у женщин ниже – примерно на $\frac{1}{10}$ не только по самооценкам, но и по показателям распространенности хронических болезней, тяжести и множественности патологий²⁰. Объяснение этого парадокса кроется в биологических и социальных причинах. Организм женщин генетически более устойчив к негативным факторам нездоровья и определяется популяционной ролью женщины как продолжательницы человеческого рода. Природа позаботилась о женщине, снабдив ее генотип двумя *x*-хромосомами. В то же время низкие характеристики ее здоровья объясняются высокими нагрузками: рождение и воспитание детей, трудности современного быта, вызванные падением жизненного уровня, значительное число аборт (на 100 рождений сегодня приходится 120 абортов). Отчасти ситуацию компенсирует сравнительно более витальное поведение женщин: они внимательнее относятся к своему состоянию, чаще обращаются к врачам, больше денег тратят на медицину. Мужчины, напротив, лечатся крайне неохотно, ведут патологический образ жизни (алкоголь, курение), у них менее развито самосохранительное поведение. В результате они умирают в более молодом трудоспособном возрасте. Не случайно, что бесплодие сегодня возникает (с этой проблемой сталкиваются 15–17% супружеских пар) чаще (свыше $\frac{2}{3}$) по причине нездоровья мужчин.

²⁰ Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX в. Проект «Таган-рог» / под ред. Н. Римащевской. М., 2001. С. 232.

Индивидуальное нездоровье женщин самым непосредственным образом сказывается на здоровье детей. Основные патологии беременных включают: анемию, болезни почек, поздний токсикоз, различные нозологии системы кровообращения. Динамика их здоровья (в процентах к числу закончивших беременность) свидетельствует о том, что главной опасностью является анемия, которой охвачены около 41,6% беременных (2006 г.). Исследования показывают, что развитие патологических состояний и заболеваний у будущих матерей и их детей находится в жесткой причинно-следственной связи с дефицитом питания²¹. Также установлено, что на начало беременности к категории здоровых относились только 13% женщин. За период с 1990 по 2006 г. рост анемии у беременных составил 3,4 раза – с 12 до 42%. А ухудшение здоровья беременных сопровождается снижением числа нормальных родов, к которым можно отнести менее трети. Но больные женщины воспроизводят больных детей, как бедные женщины – бедных²². Статистика показывает, что вслед за ростом анемии у беременных увеличивается доля рожденных уже больными. Их сегодня 39,8% (2006 г.). Причем они не компенсируют свое здоровье на протяжении жизненного цикла и, вступая в детородный возраст, сами рожают больных. Так общество попадает в «социальную воронку», из которой можно выйти лишь усилиями нескольких поколений.

Гендерные стереотипы находятся в самом центре реальных механизмов, определяющих проблему демографического кризиса в России, который на самом деле аккумулирует весь комплекс существующих в обществе взаимосвязей и влияний – экономических, политических, социальных, государственных и этнических. Они существенным образом влияют на процессы рождаемости, здоровья и смертности населения. Рассмотрение различных аспектов гендерных стереотипов и «четырех ступеней» последствий их влияния на развитие российского социума свидетельствует о том, что наиболее серьезным моментом в данном процессе является возникновение источника дополнительного социального напряжения, социальной «сшибки», когда новые возможности, открывающиеся вместе с демократизацией социальных отношений, приходят в противоречие с реальностью их осуществления. Более того, в условиях социально-экономического кризиса, который переживает Россия, женщины столкнулись с новыми трудностями и

²¹ Каткова И., Андриюшина Е., Катков В. Проблемы рождаемости и совершенствования системы охраны материнства и детства // Народонаселение. 2004. № 4. С. 21.

²² Здоровоохранение в России / ФСГС. М., 2007. С. 112, 120.

проблемами, которые, выступая как вызов эпохи, требуют незамедлительного ответа со стороны общества. Исследования показывают, как гендерные стереотипы воздействуют на социальные отношения, внося негативные коррективы в их структуры, как из, казалось бы, безобидных утверждений патриархальной идеологии возникает экономическая дискриминация в сфере труда и собственности, а затем – низкая материальная обеспеченность и бедность женщин, ведущая к дестабилизации внутрисемейных отношений, к гендерной асимметрии здоровья и процессам депопуляции, попадая в заколдованный круг ослабления качества населения. Если мы хотим разрушить этот порочный круг, то, совершенно очевидно, необходима постоянная, ритмичная, настойчивая деятельность во всех сферах жизни страны с целью изменения не только гендерной идеологии и менталитета народа всеми средствами просвещения, но также реального сдвига в положении женщин, разрушения патриархальной картины мира путем не только законодательной, но фактической перестройки социальных отношений²³. Для достижения поставленных целей гендерными стереотипами не только нельзя пренебрегать, а следует их максимально учитывать, постоянно корректируя.

Основная работа должна проходить «внизу», на уровне жизнедеятельности конкретных людей: при ЖЭКах, в первичных звеньях муниципалитетов и обслуживающих структур (отделы пенсионирования, милиции, текущей регистрации и т.д.). Следует шире использовать существующие сети неправительственных организаций, особенно женских, которые практически составляют фундамент гражданского общества. Активизация общественных организаций позволяет выявить наиболее острые и насущные проблемы населения, локализованные на конкретной территории. Организация подобной деятельности требует специального обучения женщин с целью установления личных контактов, мониторинга служебного роста, наставничества и планирования замещения управленческих позиций. Приемлемой может быть следующая модель:

- каждый субъект федерации проводит обучение в рамках двух-трех сессий применительно к проблемам своего региона;
- ежегодно осуществляется всероссийская сессия по обобщению территориальных результатов по очереди в разных регионах;

²³ Об этом подробно см.: *Здравомыслова О., Кигай Н. Представление о гендере связано с осознанием личности. М., 2005.*

- обучение продолжается в течение двух лет с небольшим отрывом от производства, если привлекается работник, с выдачей специального диплома.

В основу такого обучения должны быть положены новые социальные технологии, которые подлежат специальной разработке и касаются организационно-политической деятельности на самом близком к человеку территориальном уровне в структурах самоуправления. При этом можно эффективно использовать практический опыт отдельных политических деятелей, начиная с их участия в образовательной подготовке. Это в первую очередь может касаться женщин, занимающих положение послов, министров, руководителей крупных административных организаций и учреждений, а также преуспевающих в бизнесе. Разумеется, необходимо соответствующее государственное финансирование, без которого практически невозможно получить какие-либо существенные результаты. Но затраты здесь будут всегда меньше эффекта.

Глава I

К МЕТОДОЛОГИИ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ И ПРАКТИКЕ

Гендерные стереотипы – это упрощенные, кодифицированные в общественном сознании представления о «мужественности» и «женственности» и соответствующие им типы поведения, принятые в данном социуме и передаваемые индивидам в процессе социализации. Гендерные стереотипы являются разновидностями социальных стереотипов и играют важную роль в формировании и поддержании гендерной стратификации как вертикальной (мужчина «выше» на социальной лестнице, женщина «ниже»), а не как горизонтальной (на основе гендерного равенства).

Гендерные стереотипы как инструменты социальной стратификации и идентификации

Социальные стереотипы складываются в процессе общественной коммуникации. Общаясь по поводу разнообразных сфер деятельности, люди формируют представления о социальных связях и отношениях. Эти представления носят преимущественно прикладной характер и в силу этого приобретают форму типизаций – привычных оценок, ожиданий, взглядов и предубеждений. Ожидания и оценки постепенно становятся предписаниями, которые направляют и корректируют поведение, общение и деятельность людей. Социальный конформизм стимулирует выполнение предписанной (ожидаемой) роли, придает ей социальный статус (посредством общественной поддержки и признания) и предопределяет функциональное соответствие его носителя (социальную идентификацию). Под воздействием механизмов социальной идентификации социум распадается на группы, устанавливаются сферы влияния каждой общности, формируются барьеры между ними, которые призваны сохранять социальную дистанцию между гендерными группами.

Гендерные стереотипы формируют *социальную субъектность* мужчин и женщин – как на уровне индивидов, так и в межгрупповых отношениях, поэтому они чрезвычайно устойчивы и консервативны и сравнительно медленно модифицируются под воздействием социально-культурных условий. Согласно данным исследования, проведенного в 28 странах (1982)¹, было установлено наличие сходных гендерных стереотипов во всех культурах, охваченных исследованием. Они имеют отношение к выделению некоторых характерных особенностей того, что называют «женственностью» (преимущественно связанной с эмоциональностью, отзывчивостью, слабостью, жертвенностью и подчиненностью) и образом «мужественности». Последний включает в себя самодостаточность, склонность к риску, независимость, агрессивность, компетентность и рационализм. На стереотипах «мужественности» и «женственности» во многом строится ролевая модель, конструирующая не только образцы «женского» и «мужского» поведения, но и систему социально и культурно определенных ожиданий, норм и ценностей, которые принципиально асимметричны для обоих полов. На институциональном уровне гендерные стереотипы включены в производство *гендерного неравенства*, которое пронизывает структуру и функции всех общественных институтов – от семьи до государства.

Девальвация традиционных социальных и культурных норм, характерная для современной России, почти не затронула гендерные стереотипы. Внедряемые новые социальные образцы поведения, равно как и практикуемые общественные правила в отношениях между полами, не ассимилируются общественным сознанием в качестве значимых социальных нормативов. Гендерная стратификация в общественном сознании по-прежнему остается вертикальной, хотя во многих видах общественной деятельности вертикальное структурирование общественных отношений оказывается бессодержательным. Принципы равноправия между полами внедряются с большим трудом, а возникающие из-за этого гендерные конфликты недооцениваются. В реальной общественной и политической практике устойчивость стереотипов создает условия для неоправданных с точки зрения общественного развития форм контроля и подконтрольности, принуждения, гендерной эксплуатации, регламентации и подчинения, несимметричного взаимовлияния. Как отмечает И. Мостовая, «сходство социальных позиций (“стиля жизни”, по М. Веберу) разбивает социаль-

¹ См.: Гендерные проблемы развития. Научный доклад о политике Всемирного банка. М., 2002.

ный агрегат на “квазигруппы” с выраженными сходными ожиданиями и неосознанностью собственной идентичности. Этот фантом общности может кристаллизоваться в реально действующую группу посредством социальной организации, превращающий ее в субъект структурного конфликта»².

Роль гендерных стереотипов в структурировании социальных противоречий в российском обществе трудно переоценить. Политические институты, отношения в семье, на рынке труда, межличностные взаимодействия испытывают на себе, с одной стороны, влияние новых формирующихся демократических институтов, с другой – неизбежно воспроизводят прежний социальный опыт. Поскольку происходящие социальные процессы весьма динамичны, нормативно-ценностные ориентиры населения пребывают в стохастическом состоянии, возникает интерсубъективная потребность в «незыблемых» ценностях и образцах «социально должного» поведения, и гендерные стереотипы способны выполнить эту функцию.

Гендерное идентификационное пространство в российском социуме сохраняет интенциональные черты, предопределенные социокультурными и историческими факторами. Наличие стереотипов предполагает, что какие-то определенные модели поведения и межсубъектных отношений являются не только распространенными, но и социально приемлемыми. Принадлежность к мужскому или женскому полу предопределяет положение человека в обществе, профессию, его стремления, цели и ценности. Идеи «женственности» и «мужественности» выступают как архетипы его поведения, взаимодействий с другими людьми, социальные ожидания и оценок.

До недавних пор не подвергался сомнению стереотип о материнстве как «естественном предназначении» женщины. При этом общество предосудительно относилось к женщине, воспитывающей ребенка без мужа, а рождение ребенка незамужней женщиной считалось социально аномальным явлением и предосудительным с точки зрения нравственности и морали. И в настоящее время этот стереотип в значительной степени определяет и самоидентификационные стратегии женщин как гендерной группы, и деятельность ряда социальных институтов, начиная с семьи и кончая государством.

Гендерные стереотипы маркируют социальное пространство таким образом, что любые социальные взаимодействия вынужде-

² Мостовая И.В. Российское общество: социальная стратификация и мобильность. М., 1995 (http://www.vusnet.ru/biblio/archive/mostovaja_ros/).

ны мимикрировать под них. Поскольку они постоянно вступают в противоречие с реальной практикой гендерных отношений, возникает социальная напряженность, которая обнаруживает себя иногда самым неожиданным образом. Так, стереотип «сильный мужчина – слабая женщина» фактически оправдывает гендерное насилие как «определенное природой» мужчины. В то же время общество рассматривает насилие как недопустимую форму взаимодействия индивидов, что отражено, в частности, в уголовном законодательстве. И индивиды, и институты (например, суды, органы правопорядка), получая столь противоречивые сигналы со стороны разных форм «социально должного», испытывают фрустрацию, которая негативно влияет на выработку адекватной социальной позиции.

Велика роль гендерных стереотипов в относительно широко распространенных в российском социуме иллюзорных формах социальной символизации. К числу наиболее распространенных гендерных стереотипов в сфере общественного труда относятся деление профессий на «мужские» и «женские», а также представление работодателей, согласно которому женская рабочая сила менее «выгодна» и более затратна, нежели мужская. Основанное на стереотипах распределение женщин и мужчин в профессиональной сфере порождает гендерное неравенство, которое является самовоспроизводящимся. По данным Л. Егоровой, около 67% мужчин и женщин склонны признавать наличие у мужчин каких-то специфических черт, которые обуславливают более высокую эффективность его работы как руководителя³. Характерно, что уровень образования респондентов в ее опросе никак не влиял на согласие с данным стереотипом. В той или иной степени это мнение разделили 32,6% респондентов с высшим образованием⁴.

Занимающие преимущественно низкооплачиваемые рабочие места и рядовые должности женщины практически исключены из процесса принятия решений и имеют ограниченные возможности для защиты своих трудовых интересов и прав. Мужчины же, преобладающие среди руководителей, заинтересованы в сохранении своего привилегированного статуса и готовы и далее распределять ресурсы в свою пользу⁵.

³ Егорова Л.С. Гендерные стереотипы в управлении // Женщина в российском обществе. 2001. № 3–4.

⁴ Там же.

⁵ Социология гендерных отношений. Учеб. пособие для студентов вузов / под ред. З.Х. Саралиевой. М., 2004. С. 106.

Еще один пример иллюзорной социальной символизации связан со стереотипом «неспособности» женщин к политической деятельности. Распространенность и устойчивость этого стереотипа обусловлены амбивалентностью его происхождения. С одной стороны, он имеет реальные основания в экономической и социальной жизни общества, с другой – оценка этих оснований часто носит гипертрофированный характер и порождает мифотворчество, намеренно или ненамеренно ограничивающее вхождение женщин в «большую политику».

Сложность преодоления гендерных стереотипов связана с тем, что они выполняют функцию своеобразного барометра, с помощью которого измеряется возможность или невозможность продвижения альтернативных взглядов на те реалии, из которых стереотипы проистекают. Опасность стереотипного мышления состоит в том, что оно очень часто становится руководством к действию, а гендерные стереотипы, воплощенные в реальные дела, – это уже дискриминация по признаку пола. В результате такого перехода от мнений к фактическому поведению гендерный стереотип «политика – не женское дело» превращается в дискриминацию женщин в сфере политики и принятия решений; стереотип «мужчина – кормилец», а «женщина – хранительница очага» обрачивается дискриминацией на рынке труда и в семье, когда вся тяжелая и бесплатная домашняя работа выполняется женщинами.

Несмотря на то что профессия политика не пользуется в российском обществе престижем, многие мужчины стремятся к политической деятельности. Архетипически это обусловлено сверхзначимой для мужчин ролью официального признания и «приобщения к власти», ситуативно – возможностями обретения символического капитала, который в российских условиях легко трансформируется в собственность и осязаемые материальные блага. Таким образом, под воздействием стереотипа о «неспособности» женщин к политической деятельности, их вытесняют не только из сферы политики, но и из экономики, что существенно снижает их социальный статус и конкурентоспособность на политическом рынке. Неслучайно индекс политического участия женщин (независимо от занимаемых ими идеологических и политических позиций) рассматривается ООН как гендерный показатель развития человеческого потенциала.

Гендерные стереотипы носят социально-демонстративный характер. Мужчина не только представитель «сильного пола», но и эталон лучших человеческих качеств в коммуникативном пространстве, обладающий повышенной ценностью. Презентация «априорных» социальных *отличий* выступает в различных сфе-

рах социального общения нормальной коммуникативной спецификой. Демонстрация гендерных привилегий закрепляется в социальной структуре. Это происходит не только на уровне социальных символов (так, о женщине говорят: «У нее подлинно мужской ум»), но и институционально. Например, в здравоохранении многие методы лечения болезней разрабатывались с учетом реакции только мужского организма. Лишь в последнее время обнаружилось, что проявления ряда общих у женщин и мужчин заболеваний различны, что делает затруднительной их диагностику и лечение. А это в свою очередь подразумевает не только проведение новых биомедицинских исследований, но и изменение учебных моделей подготовки специалистов и т.п.

Гендерные стереотипы и гендерная реальность

Гендерные стереотипы создают своего рода социальную квазиреальность, которая в ряде случаев подменяет собой подлинную. «Рациональное» познание такой реальности оказывается перегруженным гендерными стереотипами и в силу этого – субъективным. Если «рационально мыслящий мужчина» рассматривается как «норма», а «чувственная и эмоциональная женщина» – как нечто особое и специфическое, то возникает вопрос: в какой мере «рациональный» социально-экономический и политический дискурс способен включить в себя сугубо «женские проблемы», а также сложные нюансы гендерных отношений? Дело в том, что степень устойчивости стереотипа зависит не только от внешних условий, но и от когнитивных схематизмов познающего субъекта, его обыденных представлений, эмпирических настроений, преломляющихся через систему экспликаций, выстроенных в целостную научную или политическую картину мира. Отмечая роль гендерных установок исследователя в психологическом эксперименте, И. Клёцина пишет, что «психологи-мужчины чаще получают результаты, подтверждающие мужскую независимость, а исследователи-женщины получают результаты, подтверждающие преимущества женщин в декодировании невербальных сигналов»⁶. Аналогичные наблюдения приводят Е. Здравомыслова и А. Тёмкина⁷.

⁶ Клёцина И.С. Психология половых различий в контексте гендерных исследований (<http://gjacgender.narod.ru/n2t2.htm>).

⁷ Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Социальное конструирование гендера. Критика биодетерминизма (http://smim.ru/proetcontra/doc/2-zdravomyslova_temkina.doc).

Наиболее часто используемой моделью при изучении гендерных отношений выступает концепция методологического «гендерного нейтралитета», которая, однако, также не свободна от гендерных стереотипов андроцентризма. В методологическом плане гендерный нейтралитет базируется на следующих стереотипизированных представлениях:

- гендерные отношения истолковываются преимущественно как *природные*, а не *социальные* или *социально-природные*. Социальная система, согласно этой позиции, базируется на различном «природном предназначении» мужчин и женщин как существ, обладающих разным биологическим полом;

- в отношении институционального и социального статуса социально-экономических и политических проблем гендерные отношения представляются как *несущественные*, поскольку человек как социобиологический вид обладает универсальными характеристиками, отличающими его от других живых существ. Система управления социальными институтами описывается как *универсальная*;

- гендерные интересы интерпретируются в виде особых («специальных») потребностей женщин.

В силу этого гендерный методологический нейтралитет не позволяет адекватно использовать теоретический дискурс в гендерной политике, поскольку идентификация факторов, лежащих в основании категориального аппарата и языка, не очевидна. Человек обладает совокупностью статусных позиций, многие из которых «могут корректировать содержание гендерных стереотипов, причем эта вариативность имеет место и у субъектов, и у объектов стереотипизации. Среди факторов, влияющих на гендерную стереотипизацию, – этническая и расовая принадлежность человека, его возраст, профессиональный статус и ряд других»⁸. Все это затрудняет исследование гендерной реальности и создает почву для столкновения теоретических моделей и концепций. Использование «надежных» информационных источников и детализированных по полуданных также не снимает данную проблему, ибо выбор информации и индикаторов также подвержен воздействию гендерных стереотипов. Так, семья в экономических науках обычно представляется в виде домохозяйства, обладающего единой экономической стратегией. Г. Беккер, например, считал, что решение о браке и разводе, рождении ребенка и др. зависит от

⁸ Рябова Т.Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. V. Вып. 1–2 (15–16).

стоимости и прибыльности каждой альтернативы. Таким образом, методологический гендерный нейтралитет – это мнимое устранение гендерных стереотипов, поскольку, на самом деле, он абсолютизирует «маскулинность» на когнитивном и ценностном уровнях, перемещая «видимые» проблемы гендерного неравенства в область «невидимого».

Гендерные стереотипы и гендерные проблемы

Благодаря стереотипам гендерное неравенство в обществе выступает как системное. Оно обнаруживается в гендерном разделении труда, распределении сфер ответственности, социорольевых характеристиках, ценностных и когнитивных структурах общественного сознания, определяющих социальный статус и иерархию гендерных групп. В этом качестве гендер выступает как макрофактор, который характеризует две взаимодополняющие сферы жизни общества – воспроизводство непосредственных условий жизни и производство как таковое. В конечном счете существование гендерных стереотипов определяется условиями и закономерностями функционирования двух этих сфер, их эволюция зависит от того, насколько кардинальными являются преобразования материальных сил и идейных представлений о социально-экономическом развитии.

Наряду с социально-экономической и этнокультурной дифференциацией, гендер – значимый маркер социальной, экономической и культурной уязвимости, которая обнаруживается в различии позиций мужчин и женщин. В основе многообразных проявлений гендерного неравенства лежат стереотипы, касающиеся преимуществ или, наоборот, лишений, связанных с распределением ответственности, материальной обеспеченности, престижа и т.д., т.е. с атрибутами социальной иерархии. Гендерные проблемы – это объективные социальные противоречия, связанные с различием социальных и иных функций мужчин и женщин, а также совокупность экономических, социокультурных, политических и иных факторов, детерминирующих эти различия. Особый статус гендерных проблем определяется тем, что в силу действия гендерных стереотипов во многих случаях гендерные противоречия не очевидны и нуждаются в экспликации. Таким образом, обоснование наличия проблемы предполагает выявление гендерных стереотипов, препятствующих ее идентификации. Это не означает, что стереотипы сами по себе создают гендерную проблему и для ее реше-

ния необходимо устранить стереотипы. Напротив, гендерные стереотипы маскируют гендерные проблемы, и в этом состоит их главная опасность, поскольку «невидимость» проблем не означает их отсутствие. Более того, стереотипы создают иллюзорное видение проблем и мнимые подходы к их решению. Помимо ненужных затрат социальной энергии, это сказывается на снижении уровня и качества управляемости обществом, провоцирует социальную напряженность и таким образом тормозит общественное развитие. Политическая практика многих стран богата примерами такого рода. Так, руководствуясь стереотипами «традиционных семейных ценностей», в ряде стран вводили ограничения на доступ женщин к рынку труда, лимитировали права женщин на собственность и личностную автономию. Следуя стереотипу о материнстве как «естественном предназначении» женщины, ограничивали их права на аборт и использование контрацепции. Стереотип «слабости» и «болезненности» женщин вызвал к жизни запрет на определенные виды профессиональной деятельности. Решения эти, как правило, оказывались неэффективными. Между тем гендерные стереотипы относительно мужчин как представителей «сильного пола», «защитников и кормильцев» не только не закрепляли их привилегированное положение в обществе, но вызывали массовую маргинализацию и десоциализацию в этой гендерной группе. Эти примеры показывают, что задаваемое гендерными стереотипами «правильное» видение и решение гендерных проблем на самом деле чревато явными и скрытыми гендерными конфликтами.

В настоящей монографии авторы исследуют роль гендерных стереотипов в основных сферах общественной жизни, рассматривая объективные и субъективные факторы их проявления. В целом выделяются две совокупности социальных связей и отношений, выступающих в качестве объекта анализа:

1) индивидуально-значимые модели поведения, привычек, представлений, ожиданий и т.д., которые позволяют рассматривать гендерные отношения с *точки зрения субъекта*, включая *непосредственное* использование опыта респондента (гендерные стереотипы микроуровня);

2) институционализированные формы организации социального опыта гендерных групп, включая семью, рынок труда и другие экономические институты, сферу социальных услуг, а также соответствующие структуры управления и контроля (гендерные стереотипы макроуровня).

Чтобы максимально учесть всю сложность и многообразие воздействия гендерных стереотипов в социальной сфере, необходимо их соотнести с объективными интересами гендерных групп как социальных субъектов⁹. Сугубо оценочный подход к гендерным стереотипам как явлениям социального порядка, конечно, совершенно недостаточен. Главное – понять причины, которые вызывают гендерные стереотипы, актуализируют их в современных условиях, выявить основные их функции, включая положительные, которые, собственно, порождают потребность в стереотипах.

Несмотря на то что многие отечественные авторы признают, что гендерная стереотипизация действует на разных уровнях социального взаимодействия, сами термины «гендерный стереотип» и «гендерная стереотипизация» ассоциируются чаще всего с процессом гендерной социализации и социорольевыми функциями мужчин и женщин. Механизм действия гендерных стереотипов на уровне социальных институтов, их структуры и функций исследуется значительно реже. В самое последнее время ситуация стала меняться. Исследования возможностей интеграции комплексного гендерного подхода в анализ образования, здравоохранения, занятости, доходов и др. позволили выделить микро- и макроуровни гендерной стереотипизации¹⁰. Гендерный анализ социальных услуг связал гендерные стереотипы с социальными потребностями и интересами гендерных групп¹¹, анализ представленности женщин на уровне принятия решений выявил глубинные гендерные стереотипы в структуре политических институтов¹². В результате, во-первых, выяснилось, что гендерные стереотипы отражают некоторые объективные характеристики позиции гендерных групп; во-вторых, гендерные стереотипы в значительной степени приемлемы как для мужчин, так и для женщин. Различие состоит лишь в выраженности критической рефлексии, которая заметно выше у женщин.

⁹ См.: Егорова Л.С. Указ. соч.

¹⁰ Римащевская Н.М. Гендерные стереотипы и логика социальных отношений // Свободная мысль. 2006. № 3.

¹¹ Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России / под ред. Е. Ярской-Смирновой и П. Романова. М., 2002.

¹² См.: Кочкина Е.В., Кириченко М.М., Степанова Н.М. Дестабилизация политических предписаний полу // Гендерная реконструкция политических систем. М., 2003; Малышева М.М. Современный патриархат. М., 2001.

Так, по данным исследований Фонда Института экономико-социальных исследований (ИЭСИ) 70% опрошенных разделяли стереотип о материнстве как «предназначении женщин». Однако если 77% мужчин видят роль женщин именно в этом, то каждая третья женщина не согласна довольствоваться этой ролью. Причем среди молодых женщин в возрасте до 30 лет доля несогласных достигает 45%; среди представительниц старшего поколения (45–60 лет) – 67%, однако, как очевидно, даже среди них сторонниц подобного варианта меньше, чем среди мужчин¹³. По данным ФОМ, треть опрошенных россиян (33%) считает, что разделение профессий на «женские» и «мужские» предопределено природой, иначе говоря, и у мужчин, и у женщин есть свое естественное предназначение, анатомией и биологией заданные склонности и способности. Всего 1% респондентов ответил, что способности не зависят от пола. На вопрос, в чем женщины менее способны, затруднились ответить 33%, и 4% сказали о равенстве способностей. Остальные же $\frac{3}{4}$ в первом случае и $\frac{2}{3}$ – во втором назвали те или иные сферы деятельности, к которым женщины и мужчины предрасположены, по их мнению, в разной мере. Как правило, женщины считаются более способными к воспитанию детей и педагогике (20% ответов), домохозяйству (15%), а также к работе в медицине (9), торговле (8), бухгалтерии (6%). Мужчины, как полагают респонденты, способнее женщин в профессиях, связанных с физическим трудом и тяжелыми условиями работы (23%), техникой (10%), а также более приспособлены к работе в «силовых структурах» (военная служба – 7%; МЧС, милиция – 2%)¹⁴. Примечательно, что существенных различий в ответах мужчин и женщин не выявлено.

Складывающаяся под воздействием стереотипов гендерная дифференциация влияет на формирование стереотипных представлений о собственной и другой группе. Характерная особенность женщин как гендерной группы – склонность приписывать положительные качества группе мужчин и недооценивать достоинства собственной группы. Так, по данным исследования Волгоградского университета, только 1% опрошенных женщин признают ответственность мужчин за ущемленное положение женщин в обществе. По данным О. Хасбулатовой и Л. Егоровой, полученным в ходе опроса «Гендерные стереотипы в социокультурных

¹³ Гендерные стереотипы в современном российском обществе / Науч.-исслед. ин-т «Фонд ИЭСИ». Волгоград, 2006.

¹⁴ Положение женщин в российском обществе: отчет / ФОМ. Март 2005 г. (<http://bd.fom.ru/report/map/d050926>).

процессах средних городов России» (2001), категорическое согласие с гендерным стереотипом «мужчина умнее женщины» выразили всего 4,9% мужчин и 1,5% женщин. Однако предположительное мнение (скорее, да) высказали уже 21,7% респондентов, в том числе 15,4% мужчин и 6,4% женщин¹⁵. Это свидетельствует о низкой самооценке женщин, что существенно влияет на жизненные стратегии и возможности их реализации, а главное – на социальные ожидания в их отношении. Так, 46,5% мужчин и 65,8% женщин считают, что «общество более требовательно к результатам работы женщины-руководителя, чем мужчины» и требует от них более высокого профессионализма¹⁶.

С содержательной стороны гендерные стереотипы максимизируют различия между гендерными группами и минимизируют неодинаковость членов одной и той же группы. Как справедливо отмечает Т. Рябова, «стереотипы не только устанавливают неравенство: они его оправдывают»¹⁷. Так, по данным ФОМ, 43% опрошенных убеждены, что «большинство российских женщин предпочло бы не работать, если бы в семье было достаточно денег» (противоположное мнение разделяют 49% респондентов). Мужчины отвечают так чаще (48%), чем респонденты в целом. Женщины, напротив, в основном уверены, что россиянки, даже имея хороший семейный достаток, предпочли бы работать (55%)¹⁸.

Гендерные стереотипы макроуровня

Влияние гендерных стереотипов на макроуровне выявляется посредством анализа их укорененности в *экономических, социальных и социокультурных институтах*. Предметом исследования выступают следующие общественные институты, порождающие гендерное неравенство: семья, различные типы социальных сообществ (этнические, конфессиональные, профессиональные и проч.), рынки (включая финансовый рынок и рынок труда), государство (включая структуры управления и правовые институты), межгосударственные и международные организации. На уровне институтов гендерные стереотипы порождают и поддерживают институциональное гендерное неравенство. Существуют две позиции в отношении действия гендерных стереотипов на институ-

¹⁵ См.: Егорова Л.С. Указ. соч.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Рябова Т.Б. Указ. соч.

¹⁸ Женское счастье – 2002 / ФОМ. Март 2002 (<http://bd.fom.ru/report/map/d030935>).

циональном уровне. Согласно модели Всемирного банка, главный институт, порождающий патриархат и гендерное неравенство, – это семья. Тотальный характер гендерного неравенства есть результат «трансляции привилегий», которые связаны с гендерной стереотипизацией внутрисемейных ролей. Все остальные институты сами по себе гендерно нейтральны и лишь воспроизводят гендерные стереотипы, сложившиеся в семье. В силу этого меры политического воздействия на гендерное неравенство должны быть адресованы прежде всего семье, домохозяйству, что должно оказать позитивное влияние на гендерную восприимчивость всех остальных общественных институтов.

Другую позицию занимают сторонники институционального гендерного подхода (гендерные институционалисты), которые, напротив, считают, что патриархат и гендерное неравенство свойственны не только семье как общественному институту, но в равной мере и другим институционализированным формам общественных связей. Речь идет не о простом переносе гендерных стереотипов из одного института в другой, а о структурной интегрированности гендерных стереотипов в устройство и деятельность институтов и функциях, которые они выполняют. Если на микроуровне гендерные стереотипы обладают каким-то подобием позитивной функциональности (например, в процессе гендерной самоидентификации), то на уровне институтов их роль полностью деструктивна. Так, в сфере экономики гендерные институционалисты идентифицируют следующие формы действия гендерных стереотипов, связанных с традиционными гендерными ролями (женщина – домашняя хозяйка, мать, «хранительница очага»; мужчина – производитель, «добытчик», «кормилец семьи»):

- гендерное распределение рабочей силы по секторам;
- гендерное распределение производительных активов (прежде всего собственности на средства производства и доступа к материальным и финансовым ресурсам);
- гендерное распределение неоплачиваемого труда.

Мужское доминирование в экономике создает особый, *сексистский, экономический гендерный режим* – систему отношений власти и контроля, при которой процесс принятия и реализации решений принадлежит мужской гендерной группе. В свою очередь гендерный режим, воздействуя на *гендерный баланс* в экономике, видимым образом изменяет конфигурацию гендерных отношений и распределение экономической власти между полами.

Исследователи, примыкающие к различным направлениям феминистской экономики, для определения характера гендерного режима в эпоху глобализации используют понятие «*патриар-*

хам». В контексте глобализации патриархат выступает как институционализированная власть мужчин в экономике, политике, домохозяйстве и гетеросексуальных отношениях¹⁹. Однако ни ПРООН, ни другие подразделения Организации Объединенных Наций, равно как Мировой банк, это понятие не используют. Вместо этого говорят о традиционных отношениях между полами, ценностях, стереотипах, сводя проблему экономического гендерного неравенства к сфере сознания (изменению, «ломке» стереотипов). На самом деле, «ломать» следует не стереотипы, а институциональные барьеры, порождающие и поддерживающие их.

На обширном эмпирическом материале гендерные институционалисты проследили прямое влияние гендерных стереотипов на экономические позиции мужчин и женщин. Используя концепцию *гендерного разделения труда*, им удалось доказать, что, вопреки распространенным представлениям о мужчине как главном «производителе» и «кормильце семьи», женщины работают гораздо больше, причем рост рабочего времени женщин обратно пропорционален росту семейных доходов, поскольку значительная часть их труда не оплачивается²⁰. Это связано с тем, что, помимо занятости вне дома, женщины выполняют большую часть работы по производству и воспроизводству непосредственных условий жизни других членов домохозяйств. Сфера домашнего производства в гендерной экономике определяется как особый «воспроизводственный» сектор экономики. Отношения между производительной («продуктивной») и «репродуктивной» экономиками²¹ довольно подвижны, и следует говорить о наличии тесной взаимосвязи между ними. Несмотря на то что в индустриальном обществе часть функций репродуктивной экономики переходит в сферу рыночного производства, частично перемещая женскую рабочую силу из домохозяйства на рынок труда, к сокращению трудовых нагрузок женщин это не приводит, поскольку им прихо-

¹⁹ См.: Greig A., Kimmel M., Lang J. Men, masculinities and Development: broadening our work towards gender equality // *Gender in Development Monograph Series* (UNDP). 2000. № 10.

²⁰ См.: Барсукова С.Ю., Радаев В.В. Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье // *Мир России*. 2000. № 4.

²¹ В содержательном отношении концепция «репродуктивной экономики» тесно связана с неомарксистской теорией социального воспроизводства. (См. об этом: Мезенцева Е.Б. Теоретические подходы к гендерной экономике // *Теория и методология гендерных исследований*. М., 2001. С. 115–116). Поэтому сторонники неоклассической гендерной экономики предпочитают использовать термин, введенный Д. Эльсон, – «экономика заботы».

дится совмещать работу вне дома и домашний труд («вторая смена»).

«Исторически сложилось так, – пишут авторы учебника по гендерной экономике “Женщина и рынок”, – что под влиянием идеологии мужского доминирования гендерные и половые роли трансформировались в сексизм. Эта идеология глубоко укоренена в обществе, и многие из таких негативных факторов, как насилие в отношении женщин, систематическое лишение их фундаментальных прав человека, все еще расцениваются как “естественные”. Эта идеология поддерживает отношения власти, которые предполагают эксплуатацию женского труда. Патриархат, как доминирование и поддержание мужского превосходства, реализуется в форме контроля над процессами производства и воспроизводства. В свою очередь, экономический контроль вызывает необходимость строжайшего контроля над женским телом, женской сексуальностью, стремлением женщин к независимости. В результате здоровье женщин, их политическая и социальная автономия оказываются значительно ограниченными»²².

Гендерные стереотипы в экономике оставляют за женщинами только те социальные роли, которые основаны на их биологической способности к воспроизводству человеческого рода. Это прикрепило женщин к «домашней» (частной) сфере, которую большинство экономистов и политиков квалифицирует как второстепенную и менее значимую. Как отмечают С. Барсукова и В. Радаев, в силу воздействия гендерных стереотипов «исследования домашней экономики довольно долго имели статус маргинальной темы как для экономистов, так и для социологов. Что касается экономической теории, то проблема состояла в слишком явном контрасте между аксиоматикой экономического анализа и живой тканью домашнего хозяйства. “Человек экономический”, будучи помещен в интерьер домохозяйства, приобретал черты рафинированной абстракции, легко выходящие на грань абсурда. Социологи же игнорировали домохозяйственную тему в связи с ее “приземленностью” и локальностью»²³.

Разделение труда между полами внутри домохозяйства воспроизводится в рыночном («формальном») секторе экономики, поэтому женщины преобладают в тех сферах приложения труда, которые выступают как расширение задач, развитие умений и на-

²² Women in the Market. A Manual for Popular Economic Literacy. WIDE. Brussels, 2000. P. 56–57.

²³ Барсукова С.Ю., Радаев В.В. Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье.

выков, связанных с домашним трудом: уход за больными, обучение, текстильное и швейное производство, электроника (в силу чувствительности женских пальцев), или же там, где предприниматели оценивают женский труд в соответствии с якобы присущими женщинам характеристиками: усердие, дисциплинированность, управляемость, умение работать в команде и т.д. Гендерные стереотипы в разделении труда влияют на характер и степень участия женщин в экономической деятельности. Они также определяют возможности доступа к институтам рыночной экономики и экономическую активность женщин.

Многочисленные эмпирические данные свидетельствуют о том, что, несмотря на стабильно высокий спрос на женскую рабочую силу, большинство женских рабочих мест характеризуется низкой оплатой труда, не требует высокой квалификации, практически не предоставляет возможностей для личностного и профессионального развития. Помимо этого, женские рабочие места нестабильны, условия занятости для женщин дискриминационны, уровень социальной защиты низок, а возможности для сочетания оплачиваемой работы и домашнего труда сведены к минимуму. Несмотря на довольно высокий гендерный разрыв в оплате труда, средняя цена рабочей силы падает, приближаясь к более низкому «женскому» стандарту. Сократились возможности организованного влияния трудящихся на работодателей. Таким образом, гендерные стереотипы на рынке труда и в сфере занятости не только оправдывают гендерное неравенство, но провоцируют общее снижение качества жизни – и мужчин, и женщин.

Особую роль играют гендерные стереотипы в институтах социальной сферы. *Гендерное неравенство* отличается от *социального*, хотя эти понятия частично пересекаются по своему объему. Источник социального неравенства – неравномерное распределение доходов и богатства. Гендерное неравенство, помимо этого, включает в себя социокультурную компоненту, которая непосредственно связана с действием гендерных стереотипов. Как показал опыт «социального государства» в Западной Европе и развитие социальной сферы в СССР и других социалистических странах, социальная политика оказывает существенное воздействие на гендерный режим, хотя не искореняет гендерное неравенство полностью. Значение этого опыта состоит в том, что впервые в истории возникла форма «цивилизованного», в определенной мере «управляемого» патриархата. С ослаблением экономического и политического суверенитета государства гендерное неравенство усиливается. Социальные отношения под влиянием

гендерных стереотипов архайзируются, и гендерное неравенство перестает осознаваться как социальная проблема.

Показательно в этом отношении изменение базовых принципов социальной политики. В первую очередь это нашло отражение в идее «адресного подхода» к оказанию социальной помощи и поддержки. «Адресный подход» (который заложен в основу социальной политики в РФ) делает гендерное неравенство *социально невидимым*. Направляя ресурсы социальной сферы в адрес «социально уязвимых» слоев населения, государство, другие субъекты социальной политики исходят из того, что инвалиды, одинокие матери, старики в условиях рыночной экономики являются наиболее нуждающимися, ибо не способны эффективно взаимодействовать в рыночных структурах. Это действительно так. Однако при этом остается вне политического видения тот неоспоримый факт, что связанная с гендерными стереотипами дискриминация существенно снижает конкурентоспособность женщин на рынке труда, размер получаемых ими доходов, возможности доступа к платным услугам, что усугубляет гендерное и социальное неравенство. Так, по данным опроса, проведенного холдингом «Ромир Мониторинг», только $\frac{2}{3}$ жителей России в состоянии оплатить медицинские услуги, причем из разряда недорогих. Таких оказалось среди женщин 36%, среди мужчин – 29%. Для 27% женщин и 13% мужчин платное медицинское обслуживание полностью недоступно²⁴.

«Адресная» поддержка социально уязвимых не оказывает никакого воздействия на экономическое положение населения. Она не выводит их за черту бедности, не сказывается на объеме ВВП, налогооблагаемой базы, доходной части государственного бюджета, располагаемых доходах домохозяйств и показателях качества жизни. Конечно, отказываться от такой поддержки тоже нельзя, но не она должна определять стратегические направления социальной политики, в том числе и в отношении гендерных групп. Как отмечает А. Суворов, «общезкономические факторы обуславливают округленно до 55–60% общего дефицита ресурсов бедных домохозяйств, а особенности системы образования и перераспределения доходов, имеющие выраженную “гендерную” окраску – 40–45% дефицита ресурсов»²⁵.

²⁴ В опросе приняли участие 1600 респондентов в возрасте от 18 лет и старше в более чем 100 городах и населенных пунктах России. Выборка репрезентативна для взрослого населения РФ. См. сайт www.mednovosti.ru.

²⁵ Суворов А. В. Макроэкономический анализ феминизации бедности в России // Феминизация бедности в России. Всемирный банк. М., 2000. С. 96.

Весьма наглядно обнаруживается влияние гендерных стереотипов в сфере демографической политики. Опыт европейских стран показывает, что эффективность мер государственного регулирования демографического поведения напрямую зависит от базовых представлений о положении женщины в обществе и характере института семьи. Там, где государство (как во Франции, Швеции, Финляндии, Норвегии, Австрии) сознательно оказывает поддержку работающим матерям, создает условия для сочетания ухода за детьми и работой вне дома, вводит компенсационные выплаты, связанные с вынужденными перерывами в трудовой деятельности для женщин, стимулирует развитие института ответственного отцовства и активного долголетия, наблюдается рост рождаемости, увеличивается продолжительность жизни (в том числе и мужчин), снижается смертность. Там, где политики стремятся «вернуть женщину в семью» (как, например, в Италии и ФРГ), руководствуясь гендерными стереотипами о традиционных семейных ценностях, никакие льготы и социальные выплаты не оказывают заметного влияния на демографическое поведение.

Помимо экономики и социальной сферы большой интерес исследователей вызывает действие гендерных стереотипов в политических отношениях и институтах. Обращая внимание на увеличение присутствия женщин в этой сфере в ряде европейских стран, исследователи отмечают, что этот процесс происходит в контексте освобождения от гендерных стереотипов государственных институтов и институционализации политики гендерного равенства. «В то время как “льготный советский протекционизм” создавал для женщин систему ограниченной символической репрезентации во власти, принципы “политики равных возможностей” на Западе формировались через изменения в распределении традиционных гендерных ролей посредством реформы образования и введения принципа гендерно нейтральной регламентации при предоставлении социальных пособий, а также с помощью политики позитивных действий и позитивной дискриминации»²⁶. Таким образом, количественный рост участия женщин в политике западных стран сопровождал качественные изменения, осознание реальных гендерных интересов и потребностей, отказ от гендерных стереотипов в идентификации и интерпретации социальных проблем и наличие политической воли для их решения. Политическое участие и представленность женщин во власти рассматри-

²⁶ Кочкина Е.В., Кириченко М.М., Степанова Н.М. Указ. соч.; Мальшиева М.М. Указ. соч.

ваются скорее как механизмы обеспечения социальных интересов мужчин и женщин.

Российская, преимущественно мужская, политическая элита декларирует первостепенную значимость обеспечения общих интересов населения (нации, государства), но под этим девизом отстаивает прежде всего свои собственные интересы и имиджевые стороны своего функционирования. Исходя из этого, профессионализм современных политиков всегда реализуется за рамками гендерных оценок происходящего и вытесняет женщин на периферию политического, экономического и социального пространства. Как отмечают Е. Здравомыслова и А. Тёмкина, «гендерное измерение политики проблематизирует не только соотношение мужчин и женщин в электорате и органах власти, но и диспозиции политической элиты, типы карьер, механизмы компенсации дефицитов власти за счет ресурсов гендерного маскарада, воспроизводящегося средствами массовой информации. Построение имиджа политического лидера как супермена и использование обаяния как козыря в политической карьере женщины – наиболее явные примеры использования гендерных ресурсов в политических отношениях»²⁷.

В российской литературе исследования гендерных стереотипов представлены сравнительно широко, однако большинство из них ограничивается описанием главных содержательных особенностей гендерных стереотипов в тех или иных сферах, не затрагивая природу и функции полоролевой стереотипизации как таковой. Одни исследователи склонны абсолютизировать когнитивно-психологические факторы²⁸, другие, хотя и касаются социальных функций стереотипов, понимают их весьма упрощенно²⁹. Мы полагаем, что ни психологический, ни социологический редукционизм не являются убедительной методологической платформой для социального анализа закономерностей гендерных стереотипов и выяснения их социальных функций.

Гендерные различия существуют объективно, поэтому главная задача состоит в выяснении того, насколько стереотипы соответствуют действительности, в какой мере они ошибочны или верны. Подлинно научное исследование полоролевой стереотипизации требует интеграции теоретических моделей микро- и макроуровня, изучения проявления и влияния гендерных

²⁷ Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Указ. соч.

²⁸ См.: Клёцина И.С. Психология гендерных отношений: теория и практика. СПб., 2004.

²⁹ Гендерные стереотипы в современном российском обществе / Науч.-исслед. ин-т «Фонд ИЭСИ». Волгоград, 2006.

стереотипов на сознание, поведение и взаимодействия индивидов и особенности их интегрированности в структуру социальных институтов. Гендерные стереотипы должны быть поняты одновременно как следствие существования гендерных различий и как продукт устойчивых социальных и культурных факторов.

Социальный контекст накладывает отпечаток не только на содержание гендерных стереотипов, но и на характер их исследования. Объективистский подход, декларирующий методологический «гендерный нейтралитет» несостоятелен, поскольку не может правильно идентифицировать проблему исследования и оставляет без внимания множество социальных фактов, связанных с различиями мужчин и женщин. Для этого необходимо устранить гендерные стереотипы, в том числе из сознания исследователя.

УСТОЙЧИВОСТЬ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ ПОВСЕДНЕВНЫХ ГЕНДЕРНЫХ ИДЕОЛОГИЙ

Начиная с 90-х годов прошлого века российское общество постепенно вовлекается в обсуждение вопросов, которые впервые были поставлены в гендерных исследованиях. Речь идет о проблемах, порожденных неравенством по признаку пола, о «феминизации» бедности, кризисе мужественности, гендерной природе насилия и т.д. Однако публичная дискуссия продвигается медленно – с провалами, отступлениями и периодическим возвращением к исходной точке. Не только в массовом сознании, но и в научной среде доминирует мнение, что у российских женщин «масса тягот и забот, но заботы эти совершенно иного рода, чем те, о которых заводят речь выучившиеся у своих западных коллег первые российские феминистки»³⁰.

На исходе первого десятилетия XXI в. можно утверждать, что в публичной сфере (в том числе академической) все еще нет места гендерному дискурсу. Сейчас все более ощущается ограниченность языковых средств, не позволяющих адекватно выражать и находить объяснения противоречивым, подчас драматическим изменениям социальных ролей и отношений мужчин и женщин на постсоветском российском пространстве. В результате анализ и поиск решений зачастую подменяются морализаторством, набором банальностей или констатацией так называемых националь-

³⁰ Левинсон А.И. Женщина и визуальные знаки // отв. ред. А. Альчук. М.: Идея-Пресс, 2000. С. 105.

ных особенностей. При этом ясно ощущается внутреннее сопротивление массового сознания серьезному разговору на темы, которые обсуждаются в гендерных исследованиях или в связи с ними. Дополнительный методологический ресурс для разработки этой проблемы предоставляет *концепция повседневных идеологий*, частью которых являются *гендерные идеологии*.

Анализ повседневных идеологий опирается на феноменологическую традицию в социологии и использует идеи и методологические подходы, которые развиваются в социальном конструктивизме, в теории социальных представлений С. Московичи, теории ценностей М. Рокича и в эмпирических исследованиях повседневности. В отечественной социологии концепция повседневных идеологий стала разрабатываться в 90-е годы³¹. Исследователи подчеркивают характерное для современного российского массового сознания противоречие между традиционной логикой и «новыми логиками», появившимися в период социальных трансформаций. И. Попова особо выделяет роль социальных представлений в рационализации, присущей обыденному сознанию, и его объяснений действительности, благодаря чему, собственно говоря, и складываются повседневные идеологии³². Они представляют собой определенным образом организованные системы социальных представлений, которыми оперируют обычные люди, размышляя о мире, о социальных отношениях и т.д. Мы называем подобные представления *самоочевидными*, т.е. признаваемыми за истины, не требующие дальнейших доказательств. Самоочевидные гендерные представления, входящие в состав повседневных идеологий, могут быть вычленены и проанализированы как особые – *гендерные – идеологии*³³.

³¹ Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Логос, 1995; *Он же*. Диффузные формы социальности: к антропологии культуры // Социологические чтения. Вып. 2. М.: Логос, 1997. С. 50–89; Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи. Голоса из хора. М.: Ин-т философии РАН, 1996; Наумова Н.Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 5–22; Попова И.М. Повседневные идеологии. Как они живут, меняются и исчезают. Киев: Национальная академия наук Украины, Ин-т социологии, 2000; Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 38–61; Курильски-Ожвэн Ш., Арутюнян М.Ю., Здравомыслова О.М. Образы права в России и во Франции. М.: Аспект-Пресс, 1996.

³² Попова И.М. Повседневные идеологии. Как они живут, меняются и исчезают. С. 34–39.

³³ В анализе гендерных идеологий использованы материалы российско-канадского исследования, опубликованные в кн.: Женщина третьего тысячелетия: гражданская и политическая ответственность российских женщин / под ред. О.М. Здравомысловой. М.: Горбачев-Фонд, 2004; Здравомыслова О.М., Кугай Н.И. Представления о гендере связано с осознанием личности. М.: Горбачев-Фонд, 2005.

В современном обществе особую роль в их воспроизводстве и распространении играют журналисты, представления, установки и вкусы которых в конечном счете определяют эмоциональное, информационное и даже мировоззренческое воздействие материалов СМИ на аудиторию. Поэтому исследования, результаты которых приведены в данной главе, включают анализ гендерных представлений обычных граждан и профессиональных журналистов³⁴.

Структура гендерных идеологий

Пространство гендерных идеологий заполнено самоочевидными представлениями, которые можно извлечь как из обычного рассуждения людей, так и из текстов специально организованной дискуссии «на гендерную тему»³⁵. Перечислим эти представления:

- Россия как общество и культура обладает особыми свойствами, которые препятствуют возможности изменения отношений, связанных с полом, с помощью «западных» идей, взятых из «западного» опыта.

- Российская женщина отличается от «западной» тем, что не утратила женственности: она лучше, чем «западная» женщина, близка к идеальному женскому типу.

- Российская женщина сильная. В семейной жизни она отличается особым, «материнским», отношением к мужчине, которое его подавляет и делает безответственным.

- Предназначения мужчин и женщин различны, поэтому в обществе с них «разный спрос».

- Общество – поле жестокой, конкурентной, мужской борьбы, в которой нельзя выжить в одиночку, поэтому необходима семья, центром которой является женщина, обеспечивающая мужчине надежный тыл.

- Общество – поле жестокой, конкурентной, мужской борьбы за власть, но в этой борьбе женщины беспомощны и манипулируемы, они легко впадают в зависимость от власти и силы.

³⁴ Основные результаты исследования опубликованы в кн.: *Здравомыслова О.М., Кизай Н.И.* Женская тема в средствах массовой информации. М.: Эслан, 2002.

³⁵ См.: Типичные высказывания мужчин и женщин, участвовавших в семинарах проекта «Женщина третьего тысячелетия: гражданская и политическая ответственность российских женщин».

- Женская и мужская «природа» совершенно различна, противоположна, и этим обусловлено то, что женщины проявляют активность в частной сфере, а мужчины – в публичной.

- Политика создана мужчинами, женщины в ней не нужны.

- Социальная активность женщин опасна, а борьба за права женщин и гендерное равноправие ведут не столько к изменению «правил игры», сколько к нарушению порядка в обществе и в семье.

- Традиция и воспитание изначально закладывают «активность» мужчин и «пассивность» женщин в профессиональной и публичной жизни, но современная женщина из всех сил стремится к самореализации, и от этого возникает множество проблем, которые не могут быть решены.

- Сейчас мужчинам и женщинам трудно жить вместе, они недовольны друг другом, конфликтуют, предъявляют друг к другу слишком много претензий.

Мы обнаруживаем, что наиболее важный (базовый) комплекс представлений, из которых конструируются повседневные гендерные идеологии, неразрывно связан с «мифом о России», о ее особых, таинственных свойствах: Россия «смещает» и «обессиливает» разнообразные западные идеи, не дает им привиться и вырасти на своей почве. Говоря иначе, Россия патриархальна и самодостаточна, в ней, по выражению респондента-мужчины, *«более здоровое (чем на Западе. – О.З.) отношение ко всему, что касается взаимоотношения полов»*. Еще более определенно высказывается по этому поводу респондентка: *«Женщина, если мы говорим об отечественном менталитете, – это не есть женщина американского общества. Россия, имевшая императриц, сильных женщин и образец, я не думаю, что переживает настолько остро ущемление, притеснение и т.д.»* На этих «самоочевидностях» и основывается убеждение о непреодолимых препятствиях на пути гендерного знания и феминистских идей.

Второй комплекс представлений описывает современное общество за пределами семьи: в нем господствуют сила и жесткая конкуренция, требующие от человека напряжения всех сил. По словам мужчин, в таком обществе женщины беспомощны и ненадежны как партнеры, поскольку *«склонны подчиняться власти в десятикратной степени сильнее и охотнее, чем мужчины»*. Женщина, как считают мужчины, сознает в себе *«общественную инфантильность. На работе и в семье она "...на скаку и в горящую избу..."*, а как отстаивать свои права, то не скоро об этом задумывается. Выход на полити-

ческий уровень, когда надо выходить и разговаривать с мужчинами на более конкретных условиях, тут ничего не получается. Нет умения и практики». Представления об активности женщин, «вмешивающихся» в общественную жизнь и политику, описывают главным образом связанные с этим конфликты и опасности. Активные женщины, полагают мужчины, «стремятся достигнуть того же властного статуса, что и мужчины», «желать свободы, значит, желать и власти». Сами женщины убеждены, что «в России женский политический активизм не пройдет. В политике женщина не может сотрудничать с женщиной – это будут “бои без правил”».

Выделяется еще один комплекс представлений, выражающий опыт конфликтных отношений мужчин и женщин в семье и обществе. По словам одного из мужчин-респондентов, «мужчины заняты либо на производстве, либо недовольные положением, что женщины без конца требуют от них денег, уходят на улицу. Ищут свободы. И паразитируют на женщинах...» Как говорила одна из респонденток: «Я всю свою юность думала, какие у меня подруги – все хорошие девчонки – ухитряются себе находить каких-то выдающихся паразитов в качестве спутников жизни». Эти представления связаны с желанием что-то изменить в современном порядке отношений мужчин и женщин, с неудовлетворенностью стереотипными объяснениями и в перспективе с интересом к идеям, которые содержатся в гендерных исследованиях и феминистских текстах.

Повседневные гендерные идеологии имеют «ядро» и «периферию». Ядро – это гендерные стереотипы, апеллирующие к патриархальной модели и к тому, что мы называли «мифом о России». Периферия – представления, извлеченные из опыта (как собственного, так и опыта родственников, друзей, знакомых; как из наблюдений за окружающими, так и из СМИ, литературы, кино и т.д.). Такая конструкция достаточно устойчива, несмотря на очевидную противоречивость составляющих ее элементов³⁶. Подчеркнем, что представления, которые почерпнуты из чтения и обсуждения текстов по гендерной тематике, в том числе из феминистских текстов, находятся вне сферы повседневных гендерных идеологий: они воспринимаются

³⁶ См.: Высказывания мужчин и женщин, участвовавших в семинарах проекта «Женщина третьего тысячелетия...»

как «вызов» и чаще всего отвергаются. Однако они воздействуют на периферийные представления, усиливая внутреннюю противоречивость гендерных идеологий.

Журналисты как трансляторы гендерных идеологий

В отсутствие внятного публичного обсуждения гендерных проблем журналисты, как правило, транслируют повседневные гендерные идеологии. Поэтому результаты исследования «Женская тема в средствах массовой информации»³⁷ могут быть рассмотрены сквозь призму этой проблемы. Исследование проходило в два этапа: первая его фаза осуществлена методами анкетирования и фокус-групп; в завершающей фазе исследования метод фокус-групп стал основным, а анкетирование – вспомогательным.

С самого начала выявилось противоречие между ответами на вопросы анкеты о положении женщины в обществе и рассуждениями журналистов на фокус-группах, где они имели возможность развернуто формулировать свою точку зрения. Результаты анкетного опроса свидетельствуют о пластичности гендерных представлений, в то время как феноменом групповых дискуссий было конструирование жестких схем, основанных на представлении о неизменности социальных ролей и иерархий, обусловленных полом. Эта тенденция прослеживалась в ответах и мужчин, и женщин.

Обобщенные результаты двух этапов исследования наглядно продемонстрировали: когда журналист просто размышляет о жизни наедине с собой, он становится менее консервативным и мыслит более реалистично. Так, ответы на анкету показали: журналисты не считают, что опыт советской истории подтверждает одиозность концепции женского равноправия и равных возмож-

³⁷ Здравомыслова О.М., Кизай Н.И. Женская тема в средствах массовой информации. М., 2002. В анкетировании приняли участие 105 журналистов, представляющих 21 средство массовой информации. Было проведено две фокус-группы. Участницами первой стали молодые журналистки, пишущие на женскую тему; вторая проходила в редакции популярного еженедельного издания. В ходе второго этапа исследования были проведены четыре фокус-группы с журналистами в Москве, Иванове, Калуге, Санкт-Петербурге. В группах участвовали журналисты региональных СМИ (участники конференции на факультете журналистики МГУ, журналисты ивановской газеты «Рабочий край», калужской газеты «Вечерняя Калуга», Санкт-Петербургского радио, газет «Час пик», «Вестник Санкт-Петербурга» и других (общее число участников фокус-групп – 28 чел.; общее число ответивших на анкету – 63 чел.).

ностей. По почти единодушному мнению, женщина должна получать образование, способна заниматься наукой и творчеством. Лишь 9% респондентов высказались скептически в отношении значимости «женского вопроса» (т.е. согласились с высказыванием: «ставить и решать “женский вопрос” в современной России – непозволительная роскошь»).

О том же свидетельствуют и представления о психологических качествах, необходимых мужчинам и женщинам. По мнению журналистов, современной женщине нужны разнообразные качества. Самые необходимые – уверенность в себе, чувство юмора, терпение и организованность, здравый смысл и умение сопереживать. Консерватизм, честолюбие, эмоциональность и открытость, по мнению журналистов, современной женщине не столь необходимы. Таким образом, среди «традиционно женских» качеств наиболее важным осталось «умение сопереживать», а два других («эмоциональность» и «открытость») отодвинулись на периферию. В принципе, перед нами портрет сильной деловой женщины, наделенной качествами, которые нужны, чтобы выстоять в социальном мире. Характерно, что «уверенность в себе» стояла на первом месте и среди качеств, необходимых современным мужчинам. Далее следовали: решительность, хладнокровие, умение убеждать, здравый смысл, чувство юмора и настойчивость. Таким образом, в мужском образе – в противоположность женскому – больше подчеркивалась активность с известной долей агрессивности.

Итак, мужчины и женщины, главным образом различаются тем, что первым необходимо хладнокровие (94% против 64% для женщин), честолюбие (84% против 57), настойчивость (90% против 72) и умение убеждать (91% против 74), а вторым – эмоциональность (58% против 28% для мужчин) и умение сопереживать (88% против 74). Хотя «независимость» и «высокая самооценка» имели достаточно высокий рейтинг и у мужчин (85 и 86% соответственно), и у женщин (78 и 79%), они все же считались более необходимыми мужчинам. В то же время мужчинам, как оказалось, больше требуется консерватизм (44% против 35% для женщин), а женщинам – сексуальная раскрепощенность (61% против 57% для мужчин).

В ответах журналистов, разумеется, ощущается влияние гендерных стереотипов. Тем не менее социально-психологический портрет, нарисованный ими, – портрет уверенной, умной, хорошо владеющей собой, достаточно независимой, умеющей добиваться поставленных целей и справляться со сложными ситуациями женщины. В идеале ей доступен разнообразный

набор социальных ролей, включающих сферу управления, политику и бизнес.

Журналисты, участвовавшие в исследовании, считали, что на мужчинах и на женщинах почти в равной степени сказались катаклизмы постсоветского времени. Различия были незначительны: если отсутствие социальных гарантий в большей степени проблема женщин, то мужчины работают, по мнению журналистов, в ситуации более жесткой конкуренции. Но в целом суть изменений и сила их влияния на мужчин и женщин такова, что вряд ли сколько-нибудь значительная часть женщин может занять позицию «пусть о материальных проблемах думает муж». Характерно, что, по мнению журналистов, первой по значимости, как для мужчин, так и для женщин, оказалась «необходимость больше работать».

Отвечая на анкету, журналисты отвергали концепцию «естественного предназначения» женщины, подвергали сомнению стереотип о женской кротости и миролюбии, признавали возможность агрессии и конкуренции в реальном общении мужчин и женщин и в общении женщин друг с другом. Однако это резко расходилось со стереотипными высказываниями, которые звучали во время групповой дискуссии.

Приведем несколько примеров:

– *Я придерживаюсь такого... убеждения, что женщина и мужчина – это две половинки одного существа, называемого человеком.*

– *Вы считаете, женщине не хватает образования?*

– *Может, образование, но и различия женской и мужской психологии, которые заключены в биологических отличиях. ...даже если женщина суперобразованная, знает десять языков, она все равно остается женщиной, а не мужчиной. А если она идентифицируется с мужчиной, то это будет уже не женщина, это будет комично.*

– *Женщина, конечно, может, и опыт других народов показывает... но у нас-то здесь Россия.*

– *Вообще, женщина и мужчина – два разных существа.*

– *Абсолютно. У меня даже ощущение, что на уровне генетическом – это два разных вида.*

– *Да, есть вещи, которые мужчина не обсуждает с женщиной.*

В групповой дискуссии журналисты использовали несколько стереотипных суждений:

• «женщина не может существовать и воспринимать себя в отрыве от мужчины, мужчина и женщина – одно целое»;

- «женщина – это синоним слова “любовь”»; «женщине придется давать обществу дополнительные объяснения по поводу своей активности»;

- «женская тема должна подниматься без всяких столкновений полов».

Эти стереотипы становятся средством конструирования жестких границ, разделяющих мужской и женский «миры», равно как публичную и приватную сферы. При этом *наличие границ воспринимается как само собой разумеющееся*. Или иначе: мужская деятельность связана с решением «глобальных» вопросов, женская – с повседневностью. Эта жесткая оппозиция, лежащая в основе мифов и традиционных верований, питает повседневные гендерные идеологии, которые опираются на стереотипы, обеспечивающие их прочность.

Сравнение результатов двух этапов исследования показало, что журналисты, опрошенные на втором этапе, демонстрировали более сильную приверженность идеям гендерного равенства и большее принятие ситуации, в которой мужчины и женщины выступают партнерами в общественной жизни и профессии. В то же время эта реалистическая логика рассуждения, испытывала сильное сопротивление гендерных стереотипов и самоочевидных представлений, поэтому в ситуации групповой дискуссии она, как правило, подавлялась.

От гендерных идеологий к дискуссии о реальных проблемах мужчин и женщин

Повседневные гендерные идеологии воспроизводят главным образом традиционную, основанную на стереотипах логику рассуждения, поэтому, как правило, они создают препятствия осмыслению нового опыта, искажают восприятие нового знания. Вместе с тем в повседневных гендерных идеологиях переработан как прошлый (советский) опыт эмансипации, так и опыт последнего времени, вновь поставивший женщин и мужчин в «равные» условия: как для одних, так и для других, профессия – важнейшее условие выживания и самореализации. Поскольку в реальности границы мужского и женского миров становятся все более гибкими и проницаемыми, внутри повседневных идеологий будут нарастать противоречия, ослабляющие влияние гендерных стереотипов. Это означает, что на повестке дня вновь оказывается вопрос о необходимости общественной дискуссии, в которой можно открыто ставить вопросы, искать ответы и предлагать решения.

**Высказывания мужчин и женщин, участвовавших в семинарах проекта
«Женщина третьего тысячелетия:
гражданская и политическая ответственность российских женщин»**

Суждения мужчин	Суждения женщин
Россия как общество и культура ограничивает наши возможности трансформировать гендерные отношения, используя западные идеи и западный опыт В России не стоит проблема полов на таком уровне, как на Западе. Я считаю, что у нас патриархальная страна. Этот стереотип не надо ломать. Надо как-то мягко, как мы делали все время, не рубить все на корню, например, отказываясь от истории. У России свой путь. И подход к проблемам. И не только к гендерным проблемам. В России более здоровое отношение ко всему, что касается взаимоотношения полов.	Женщина, если мы говорим об отечественном менталитете, – это не есть женщина американского общества, на мой взгляд. Общество, в котором женщина ни разу не была президентом, да, оно имеет право бороться вот так обостренно за свои права. А Россия, имевшая императриц, сильных женщин и образец, я не думаю, что переживает вот настолько остро ущемление, притеснение и т.д.
Российская женщина отличается от западной тем, что не утратила своей особой женственности. Она лучше западной женщины, близка к идеалу Женщины абсолютно нормальные. Я имею в виду не утратившие женственности. Я это говорю к тому, что ученые говорят о некоем видоизменении в людях. Появляется средний пол – еще не мужчина, но уже не женщина. Так вот те, про кого я говорю, это женщины, которых нельзя отнести к среднему полу. Они милые, замечательные и не уходят от роли хранительницы очага и хорошо справляются с обязанностями, которые у них были. Но они другие в плане карьеры, может, в отношении к себе.	Образ русской женщины существенным образом отличается от женских образов европейских соединением силы, красоты и всех возможных мыслимых качеств. Из своего личного общения с западными мужчинами заметила, что больше они не столько к душе тянутся, сколько к теплу, которое от русских женщин исходит. Я имею в виду именно способность вообще обращать внимание на мужчину.
Российская женщина сильная. В семейной жизни она отличается особым, «материнским», отношением к мужчине, которое его подбабляет и делает безответственным Мужчина вырос в семье женщин. Жил среди женщин и вырос слабохарактерным человеком. Сейчас это прогрессирует, поэтому тяжело при-	Русская женщина всегда была самостоятельна. Всегда решала основные вопросы, вела дела, отвечала за все. Мужчина был устранен

Таблица 1.1 (продолжение)

Суждения мужчин	Суждения женщин
ходится мужчине, например, доказывать свою правоту. Все как бы идет на свою планку. Берет начало эмоциональное движение женщин, с которыми логика мужчин очень-очень тяжело соприкасается. В российских семьях мужчина находится на периферии в вопросах воспитания детей. У нас нет законов для отца и никого не волнует, зарабатывает мужчина или нет. В Государственной думе сидят мужчины, которые эти законы не меняют, потому что не меняется их внутреннее восприятие этих проблем. И таких законов не будет, пока мужчины эмоционально не вовлекутся в эти проблемы.	от всех проблем и забот, но при этом у него было состояние полной удовлетворенности от своей значимости, которую ему женщина обеспечивала. Для русской женщины, ну лишь бы мужик в доме был, а я все сама, встану, сделаю. там, кожу лягушачью сниму, надену, в зависимости от ситуации. Мы как бы заранее предполагали, что с мужчин должен быть заниженный спрос. Мы никого не искали. Вроде как, какого тебе Бог послал Петю – и, давай, под него подстраивайся, давай, подлаживайся.
Предназначение мужчин и женщин различно, поэтому в обществе с них «разный спрос»	
Мужское предназначение – зарабатывать. Женщины идут в те сферы, где мало платят, а мужчины не идут. Женщины могут позволить себе мало зарабатывать, так как зарабатывает ее партнер. А ее заработок может лишь дополнять семейный бюджет. Если бы мы рассмотрели другие профессии, такие как программисты, банкиры, мы бы увидели, что там больше мужчин. В банках тоже много мужчин, их не видно они, где-то в кабинетах. Если женщина захочет что-то для себя получить, она это получит. А если она не захочет и будет думать, что я спрячусь за спину своего мужа, то она только и будет всю жизнь сидеть и смотреть передачу «Большая стирка» и рассуждать о том, что мне, конечно, было бы неплохо, чтобы у меня что-то было, но для этого надо что-то делать, а я к этому не привыкла.	Женское предназначение – быть хранительницей домашнего очага. Женщина – мать изначально, а уже потом все остальное. Формула женской роли: kinder, kuche, kirche. Три эти «Ка», конечно, ограничивают социальную активность только церковью, ...но основная направленность ее сил и приложение своих сил – это как раз семья, ребенок. Мужская роль равна статусу. Сначала мы смотрим, а какой у человека статус, какие деньги он зарабатывает, собственно говоря. А статус он очень просто теряется и с трудом приобретается и соответствовать этой роли очень сложно. И почему мы имеем, кстати, заболеваемость, депрессии. Да, считается, у женщин их больше, но женщины легче лечатся от депрессивного заболевания, чем мужчины. Нашим мужчинам в современном мире очень сложно живется, но при этом такое у них ощущение, что им повезло.

Суждения мужчин	Суждения женщин
Общество – поле жестокой, конкурентной, мужской борьбы, в которой нельзя выжить в одиночку, поэтому нужна семья и женщина, которая обеспечивает мужчине тыл	
У мужчины есть вечный страх остаться одному, он должен быть всегда «прикрыт», у него должна быть подстраховка по жизни в виде женщины.	Женщины стараются создать своим мужьям условия, чтобы им хорошо работалось и чтобы они знали, что у них защищенный тыл.
Общество – поле жестокой, конкурентной, мужской борьбы за власть. В этой борьбе женщины беспомощны и манипулируемы, они легко впадают в зависимость от власти и силы	
Женщины склонны подчиняться власти в десятикратной степени сильнее и охотнее, чем мужчины. Опросы показывают, что в современном российском обществе женщины выступают как консервативная сила, которая в большей степени, чем мужчины, склонна к патерналистским ценностям. То есть что даст квотирование? Оно-то может привести к усилению патерналистских тенденций в политике. Участие женщины в политике в XX в. в основном свелось к тому, что они как бы были поглощены существующими политическими структурами, партиями, организациями и многие женщины, которые активны в политике в разных странах, собственно, проводят политику, ничуть не меньше способствующую закреплению, воспроизводству гендерных неравенств, чем мужчины. А вот что касается женщин как автономной политической силы, то сомнительно, чтобы на протяжении XX в. был большой прогресс в этом плане.	В настоящее время важной задачей движения за равноправие женщин, по-моему, должно стать повышение самосознания и самооценки женщины как личности, как члена общества и немалую роль в этом должны сыграть именно мужчины, каким бы парадоксальным это не казалось. Дело в том, что в сложившейся политической ситуации реальный вес пока, к сожалению, имеют только мужчины. Далеко не все мужчины властолюбцы и авторитарные деспоты, и даже в феминистическом движении участвовали мужчины. Они и должны бороться за права женщин с теми, кого не устраивает такое положение вещей. У наших женщин общественная инфантильность. На работе и семье она «на скаку и в горящую избу», а как отстаивать свои права, то не скоро об этом задумывается. Выход на политический уровень, когда надо выходить и разговаривать с мужчинами на более конкретных условиях, тут ничего не получается. Нет умения и практики. Я вспоминаю два фильма. «Гадюка» и «Комиссар». Героини этих фильмов женщины. Обе они были востребованы на гражданской войне. И какая ломка происходит в их судьбах, когда они оказываются в другой, мирной,

Таблица 1.1 (продолжение)

Суждения мужчин	Суждения женщин
	ситуации. Женщины с вывихнутым сознанием. Когда она на войне, она впереди отряда мужчин. Она ими повелевает, и они за ней идут куда угодно. Друг, товарищ и брат. Одна попадает в коммунальную квартиру, другая рождает в деревушке между боями. Их состояние похоже на ломку сознания, жизни, отношений. Лидеры в одной ситуации не способны адаптироваться к другой. Ситуация борьбы, жертвенности близка и понятна, но отстаивать свои интересы не может, не умеет, не хочет.
Женская и мужская природа совершенно различна, противоположна, и это выражается в том, как женщины и мужчины проявляют свою активность в обществе Женщины любят делиться своими чувствами, они любят переживать что-то сообща. Мужчины – одиночки, им не требуется эмоциональный контакт с большим количеством людей. Потом у женщин появилась потребность взгляды расширить, появились общественные организации, которые решают всяческие проблемы. Туда идут те женщины, которым надоело обсуждать своих мужчин, их недостатки, они решили переделать мир вообще. Женщины борются за свои права, но требуют благ от мужчины. Беря права, они не способны (или вряд ли способны) выполнять связанные с ними обязанности. Мужчина агрессивен и активен по природе и распространяет это на все, что он делает.	Мужчины чаще рискуют, при этом чаще становятся инвалидами или вообще погибают. Меньше заботятся о своем здоровье, больше пьют и курят. Между собой мужчины более дружны. Даже говорят, настоящая мужская дружба, но не говорят «женская». Почему-то женщины больше сплетничают. В женском коллективе труднее работать. На работе мужчины часто «ездят» на женщинах. Женщинам приходится выполнять больший объем рутинной работы, а мужчины только указывают и не всегда профессионально и грамотно. Уважение для мужчины очень важно как в семье, так и на работе. Мне даже кажется, что мужчине как-то стыдно быть хорошим в семье. Как будто он не хочет выходить из каких-то рамок и дал обет кому-то вести себя так, а не иначе. Женщине говорят, что она любима, у нее в соответствии с этим выстраиваются свои ожидания, а мужчина их не оправдывает, поэтому в семьях возникают проблемы, ссоры, обиды.

Суждения мужчин	Суждения женщин
Политика создана мужчинами, женщины в ней не нужны Если, как утверждают феминистки, и мужчины, и женщины обладают одинаковыми качествами, т.е. нет значимых различий между ними, получается, что женщины ничего нового и в политику не могут внести. Не могу представить себе, как может действовать гендерный механизм. Вот квотирование мест для женщин – это все равно глупости. Допускать квотирование – это значит допускать дискриминацию одного над другим. Женский социальный активизм опасен, а борьба за права женщин и гендерное равноправие ведут не столько к изменению «правил игры», сколько к нарушению порядка в обществе Женский активизм – это толпы недовольных, расстроенных женщин, которых «разбудили» феминистки (как Герцен – декабристов)... Феминистки – скорее всего, больные люди или злые несчастные женщины, ненавидящие мужчин. Феминизм произрастает из того, что женщины почувствовали, чувствуют свое неравенство, свое угнетение, недостаток власти, они чувствуют себя объектами, а не субъектами власти. Они стремятся исправить это положение, достигнув того же властного статуса, что и мужчины. Власть и свобода здесь это, наверное, две стороны одной медали – желать свободы, значит, желать и власти. Равенство между мужчиной и женщиной. Это невозможно. Я не знаю, до какого фанатизма это можно довести. Говорят, что в Америке, если женщина и мужчина живут вместе и надо постирать белье, то она несет свой узел в прачечную. Это ее белье. Если мужчина пытается что-то и как-то ей помочь, она это уже считает поползновением на ее равенство и свободу, что это нарушение ее прав.	
Политика – это мужская сфера, потому что там работают мужские «правила игры» и женщину там не ждут. Женщина туда может прийти, осознав свою гражданскую позицию, но при этом набравшись сил, будучи готовой бороться по мужским правилам, используя какие-то дополнительные ресурсы. Социальный мир устроен таким образом, что он не готов на сегодняшний день принимать социально активных женщин, не только в политике, вообще нигде не ждут женщину социально активную. В России женский политический активизм не пройдет. В политике женщина не может сотрудничать с женщиной – это будут «бои без правил». Женщина, занимаясь профессиональной деятельностью, уходит из семьи. Так это и есть. Мы видим, что дети сами себе предоставлены. Женщины стали увереннее себя чувствовать, они спокойнее переносят стрессы, которые происходят на работе. Это психологические особенности. Мужчины пропускают это через себя, поэтому больше подвержены сердечно-сосудистым заболеваниям.	

Суждения мужчин	Суждения женщин
Борьба женщин за равноправие может привести к парадоксальным результатам, которые с трудом можно назвать гармоничными. В Скандинавских странах говорят, что мужчин надо вытаскивать в 50%-ную зону по участию на уровне принятия решений, потому что в этих странах уже пора организовывать обратный процесс, возврат мужчин.	
Традиция и воспитание изначально закладывают «активность» мужчин и «пассивность» женщин в профессиональной и публичной жизни, но современная женщина из всех сил стремится к самореализации, и от этого возникает множество проблем, которые неизвестно как решать	
Большие права подразумевают большие обязанности в нормально сформированном обществе. У меня возникает вопрос: а может ли большинство женщин, которые претендуют, могут ли они взять на себя такие обязанности? Я не отрицаю этого, а просто формулирую этот вопрос. И еще одно размышление: сейчас происходит выравнивание возможностей женщин и мужчин. Технический процесс и, в общем-то, сидячий образ жизни – мужчина становится слабее, а женщины выравниваются. Это влечет за собой выравнивание других факторов соответственно. Я думаю: будут ли тут какие-то революционные решения? Многие из женщин, которым нет необходимости сразу после родов идти работать, на самом деле просто рвутся туда. На работе легче. Эти жуткие, с точки зрения материнства, суждения. Им тяжело с детьми дома. Дети эмоционально вовлекают, и здесь нужна очень серьезная работа. Молодые матери не готовы к этому. Им тяжело, они хотят на работу. Но в нашем обществе это есть. Когда мы планируем гендерные изменения, надо всегда думать: если дадим женщинам равные зарплаты, посыпятся семьи. Мужчины будут	Женщина стремится, в соответствии со стереотипами, вначале завести семью, родить ребенка, а потом уже, освободившись, она готова принять участие... А мужчина включается с самого начала в эти процессы. Если он для себя ставит целью участвовать в политике, то он может уже... начинать со студенческой скамьи примыкать к какому-то движению и продвигаться по этой иерархической лестнице снизу. Для женщины чаще всего это недоступный путь, да, она не может на ходу, в течение жизненного пути осваивать путь профессионального роста, карьеры. Рожать детей и их воспитывать – это выбор, но не на всю оставшуюся жизнь. Женщина закончила вуз с красным дипломом. После того, как она отсидела в декретном отпуске, ее должны взять на работу. На работу ее не берут, так как нет опыта работы. Она не пошла в аспирантуру, потому что вышла замуж. Логично? Родила одного, затем другого ребенка. Логично? Тоже логично. Обществу нужны здоровые дети? А теперь она хочет выйти на работу, имея уже двоих подростков, не болею-

Суждения мужчин	Суждения женщин
больше болеть, больше пить, возрастает мужская преступность, возрастает девиантное мужское поведение, общество окажется в серьезном трансе и кризисе, просто в силу того, что будут бандиты вместо семейных мужчин. Давайте подумаем, а, может быть, оставить все как есть?	щих детей. Дайте ей место на работе. Я хочу, чтобы были вакансии для женщин, которые могут работать не полный рабочий день. В современном обществе их нет.
Сейчас мужчинам и женщинам трудно жить вместе, они недовольны друг другом, предъявляют друг к другу много претензий	
Мужчины заняты либо на производстве, либо, недовольные своим положением и угнетенные от своей роли, что женщины без конца требуют от них денег, уходят на улицу. Ищут свободы. И паразитируют на женщинах. У женщин в настоящее время становятся номинальные большие права, не прописанные законом. Таким образом, это свое право она несет как флаг, требуя от мужчины благ. Хотя часто не соответствует тем требованиям, которые ставит. Это ведь еще надо посмотреть. Я, конечно, согласен с тем, что женщину надо обеспечивать. Но можно долго говорить и ни о чем не договориться по поводу того, что многие женщины не подарок. Они умеют строить козни и поэтому сейчас мало браков. Большинство счастливых семейных пар именно среди тех, где складывается традиционный уклад жизни. Они наиболее счастливы. Они, когда-то в университете поженившись, уже имеют детей взрослых. И не обращают внимания на какие-то там новации.	Мужчина – потребитель по натуре. Мой личный опыт. У меня было несколько отношений, близких к семейным, и со всеми было так, что ему удобно, что есть куда прийти, его накормят, предоставят блага, и он комфортно себя чувствует и готов никуда не уходить. При этом он может ничего не делать и его вполне может устроить очень примитивный комфорт. Он даже на свой внешний вид способен обращать мало внимания. ...мужское население сидит по домам в самый выгодный период. Деньги на водку всегда находят. Их кормят женщины, которые и дома работают, и в огороде, и в лес бегают, и за какую-то работенку держатся в школе. Я люблю выполнять мужскую работу, меня к этому тянет. Допустим, столярничать, могу розетку сама починить, телефон, я не дожидаясь мужчин. Тогда зачем его заводить, эту вторую половинку? Женщины, если они уверены в себе, не нуждаются в мужчине. Я всю свою юность думала, какие у меня подруги – все хорошие девчонки, такие и порядочные, и добрые, и красивые – ухитряются себе находить каких-то выдающихся паразитов в качестве спутников жизни.

ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ И ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

В настоящее время вопрос о судьбе демократических ценностей в России приобрел особую актуальность. Исследователи общественного мнения делают в самом общем виде две, как ни странно, противоположные, интерпретации. Одна состоит в том, что население России постепенно усваивает демократические ценности, хотя этот процесс идет не без трудностей, и даже делается вывод, что больших различий между Россией и странами «традиционной» западной демократии не наблюдается³⁸. Другая точка зрения сводится к тому, что российское общество как бы застряло где-то между полуразрушенной советской моралью и несложившейся правовой системой ценностей, характерной для современных демократий. «Прикоснувшись» к такого рода правовым представлениям, российское общество оказалось не способно их удерживать и тем более развивать; возникает своего рода синдром сопротивления переменам – так называемый неотрадиционализм³⁹.

Очевидно, что столь различные интерпретации могут свидетельствовать о своего рода политической ангажированности исследователей и, верно представляя определенные реальные тенденции, все же не дают полной картины. При этом можно согласиться с В. Ядовым, отметившим, что особенностью традиции российской социологии является ее включенность в политический и идеологический дискурс, что и было всегда одним из существенных стимулов ее развития⁴⁰. Однако та же черта делает интерпретации более односторонними. На наш взгляд, именно поэтому важное значение принадлежит сравнительным исследованиям, которые позволяют лучше увидеть одну и ту же тенденцию с разных сторон или одновременно зафиксировать разные, иногда противоположные, тенденции.

³⁸ Петухов В. Демократия участия и политическая трансформация России. М.: Ин-т социологии РАН, 2007.

³⁹ Гудков Л.Д. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Гудков Л.Д. Негативная идентичность. М., 2004; Дубин Б.В. Конструкция власти и репродукция власти: механизмы забывания и повторения // Пути России: преемственность и прерывистость общественного развития. М.: Московская высшая школа социальных наук, 2007.

⁴⁰ Предисловие к кн.: Социология в России / под ред. В.А. Ядова. М., 1998.

Право, гражданские ценности, правовая социализация

Право, вероятно, важнейшая составляющая общества. Представления о праве не только определяются типом общественного устройства, но и определяют его. Индивид, взрослея, не только усваивает правовые нормы в рамках модели конформности или девиантности, но активно перерабатывает их в соответствии с обстоятельствами собственной жизни и особенностями своей социальной группы. Фактически индивид конструирует собственную правовую систему, которая может не вполне соответствовать официально декларируемым правовым нормам. Приведем примеры: все равны перед законом, но лично для меня или моей группы должно быть сделано исключение, так как мы важнее для общества (государства), чем другие; каждый имеет право на политическую карьеру, но лучше бы «наверх» допускались главным образом мужчины: управлять – это мужское дело; граждане страны должны быть свободны в выборе места жительства, однако прописку следует сохранить, так как приезжие в больших городах создают много проблем (и мешают лично мне).

Правовая социализация – это, в самом общем виде, формирование правового сознания, происходящее вместе с формированием сознания вообще и состоящее как из усвоения явных правовых норм, так и из усвоения норм неявных, но активно функционирующих в социуме, а также из личной интерпретации индивидом тех и других. Причем процесс этот не во всем и не всегда осознаваемый. Исследование правовой социализации, предлагаемое вниманию читателя, проводилось с целью пролить свет на некоторые аспекты имплицитных, т.е. не выраженных в декларируемой форме, правовых представлений подростков и взрослых. Нас особенно интересовали представления о гражданских ценностях, так как их мы считаем краеугольным камнем формирования гражданского общества и демократического правосознания; гендерный же аспект таких представлений мог бы служить своеобразной «лакмусовой бумагой», позволяющей видеть, насколько реальны сдвиги общественного сознания за последние годы.

Гражданские ценности и правовые понятия. Гендерная эволюция правовых представлений

В исследовании правовой социализации, формирования, функционирования правовых представлений и использования закона и права в повседневной жизни, проведенном под руководством О. Здравомысловой и М. Арутюнян, информация была получена с применением четырех различных методов (спонтанные и выбороч-

ные ассоциации, анкетный опрос, глубинные интервью) от 1142 человек (300 подростков и 120 взрослых были опрошены методами спонтанных и селективных ассоциаций, 700 взрослых в возрасте от 25 до 60 лет отвечали на анкету и 22 взрослых респондента были опрошены методом глубинных интервью). В задачи исследования входило не только сравнение содержания правовых представлений в зависимости от возрастной группы, гендерной принадлежности и типа поселения, но и анализ динамики правовых представлений за время, прошедшее с первого подобного исследования, проведенного в 1993 г. в школах г. Москвы. Здесь мы рассмотрим ту часть результатов исследований 1993 и 2000–2002 гг., которая получена с помощью одних и тех же методик спонтанных и выборочных ассоциаций (анкетирование в 1993 г. не проводилось), примененных в школах Москвы и Иваново (было опрошено более 300 школьников) и около 130 взрослых в возрасте от 25 до 60 лет (примерно поровну респондентов в обоих городах).

Как и в исследовании 1993 года⁴¹, методика состояла в том, что людям предъявлялся список из определенного числа слов (тогда – 44, теперь – 35), представляющих собой правовые понятия, используемые как в юридическом словаре, так и в обывательской жизни: «свобода», «вина», «налоги», «семья» и т.п. Респондентам предлагалось написать от одной до нескольких фраз – первое, что пришло в голову, когда он/она увидел/а данное слово (спонтанные ассоциации). Кроме того, респондентов просили заполнить таблицу, где горизонтально располагались определенные правовые понятия: «судья», «гражданин», «государство», а по вертикали – «понятия-ценности»: «свобода», «равенство», «справедливость», «солидарность», «ответственность». Опрашиваемый должен был выбрать из них связанные между собой, например, «государство – равенство» (выборочные ассоциации). Полученные данные подвергались тематическому и контент-анализу.

Прежде всего нас интересовала эволюция правовых представлений, которая могла произойти с 1993 г. В отношении гендерных различий главный вывод состоит в том, что они утратили за это время почти всякое значение. Еще тогда, описывая тенденции, отличавшие наполнение правовых представлений мальчиков/юношей

⁴¹ Курильски Ш., Здравомыслова О., Арутюнян М. Образы права в России и Франции. М., 1996; Les représentations du droit chez les adolescents et les adultes: L'exemple des valeurs civiques (des aspects inhérents au genre) // Droit et Cultures. 43. 2002/1. P. 87–141 (Правовые представления подростков и взрослых на примере гражданских ценностей: гендерный аспект // Право и культура. Париж, 2002). В основе обеих публикаций лежат результаты опроса российских и французских школьников.

и девочек/девушек, объединенных в комплексы «власть», «право», «мораль» и «гражданская жизнь»⁴², мы отмечали, что гендерные различия, похоже, являются самыми «слабыми» дискриминаторами по сравнению с возрастными, социально-классовыми и, разумеется, культурно-национальными. Однако все же в российском массиве наблюдались отчетливые «хрестоматийные» тенденции: девушки демонстрировали большую отчужденность от власти, которая весьма волновала юношей; большую озабоченность частной и семейной сферой; тенденцию к подчеркиванию в правовых представлениях проблем близости, зависимости, подчинения, послушания, в том числе вполне добровольного, например, правилам. Вполне в соответствии с обрисованной еще К. Гиллиган логикой, юноши проявляли большее внимание к правам, девушки – к отношениям, даже совершенно «достоевское» чувство вины, едва ли не наиболее ярко отличавшее нашу молодежь от французской, носило несколько иной характер у девушек по сравнению с юношами: у девушек и самых младших мальчиков чаще встречались описания этого «неизбывного чувства» как направленного на кого-то, перед кем виноват, в то время как юноши описывали то же «мучение» как скорее локализованное внутри нарушение собственного нравственного чувства. В целом девочки/девушки представляли в результате анализа столь «сдавленными» чувством ответственности перед другими и желанием «быть хорошими» в отношениях с другими людьми, особенно близкими, и столь закрепощенными отрицанием для себя «дороги во власть» и значимости макросоциальных отношений, что не выглядел удивительным тот, на первый взгляд, необъяснимый факт, что именно они еще ярче по сравнению с юношами и особенно по сравнению с французскими сверстниками описывали свободу как абсолютно беспредельную «волю». Исходя из этого, описание представлений наших опрошенных об основном блоке социально-правовых ценностей «свобода–равенство–братство» целесообразно начать с образа свободы.

Превратности свободы

Пожалуй, самое заметное отличие предварительных результатов нового исследования от тех, что были получены на семь лет раньше, состоит как раз в образе свободы. Именно как «волю», ничем не скованное исполнение желаний тогда виделась свобода подавляющему большинству российских детей и подростков, что контрастировало с представлениями их французских сверстников.

⁴² Курильски Ш., Здравомыслова О., Арутюнян М. Образы права в России и Франции. С. 93–94.

Причем у российских девочек эта тенденция была еще более выражена, чем у мальчиков; только в 11 классе и только юношами изредка высказывалась идея необходимых ограничений свободы правами и свободами других людей. Свободу в правовых терминах определяло тогда 35% российских и 53% французских юношей 11–18 лет; у девушек это соотношение было 21 и 52% соответственно.

Теперь даже при беглом анализе образа свободы поражает отчетливое присутствие ментального «другого» – человека, общества как неизбежного и нередко позитивного ограничителя «воли» субъекта. Гораздо чаще формулируется представление о свободе как о праве личности (т.е. возможности, «вмонтированной» в систему права и человеческой общности, позволяющей сочетать индивидуальные и общие интересы); свобода намного чаще операционализируется через права человека, а их список стал значительно более разнообразным, чем на семь лет раньше (свобода/право выбора профессии, веры, передвижения, высказывания и т.п.). Даже у шестиклассников, наряду, конечно, с устойчивым образом «вольного ветра», «вечных каникул» и «делаешь все, что захочешь», появляются такие понятия, как «независимость» и «свобода выбора», дети особенно подчеркивают свободу как антитезу зависимости и даже рабству.

Исследование показало, что различия в представлениях о свободе не зависят от пола участников, однако их зависимость от города весьма заметна: ивановские шестиклассники гораздо ближе к москвичам «семилетней давности», их представления о свободе более инфантильны и анархичны, чем у сегодняшних московских сверстников. Ответы старших юношей и девушек (в том числе восьмиклассников) можно объединить в группы на основе общности того, в чем они видят суть понятия, тех аспектов, граней, которые составляют в разной комбинации образ свободы.

1. «Ветер в поле», исполнение желаний, счастье, вольность. «Принадлежу сама себе и делаю все, что захочу» (ж., 8 кл., М.⁴³); «воля, простор души, жизнь» (м., 8 кл., И.); «когда человек свободен, он ничего не делает» (м., 8 кл., И.); «счастье, радость, легкость – одна из радостей жизни человека» (ж., 11 кл., М.); «легкая жизнь» (м., 11 кл., И.). А вот еще примеры: «Настоящей свободы нет нигде» (м., 11 кл., М.); «...такой не существует. Орел заснул на ветке в зоопарке, мечтая о свободе» (ж., 11 кл., М.); «нахождение человека/животного без ограничения воли» (м., 6 кл., М.); «быть свободным, ни о чем не думать» (м., 6 кл., И.).

⁴³ Здесь и далее в скобках указываются пол, класс (для взрослых – возраст) и город – Москва (М.) или Иваново (И.).

Подобный образ свободы очень характерен для самых младших участников исследования, что совершенно предсказуемо и было типично также для маленьких французов. Ответов такого рода в Иваново больше. Похоже, что девушки, как и раньше, несколько чаще ассоциируют свободу с «волей», а вот ремарки, вроде «ее не существует», «только после смерти», «нереальное, недостижимое», больше характерны для москвичей и, похоже, именно для девушек. Вот яркие примеры рассуждений на эту тему московских одиннадцатиклассниц-лицейсток и восьмиклассниц из обычной школы: «Свобода – небо. Так же привлекательна, бездонна и недостижима. Слишком от многого зависишь» (ж., 11 кл., М.); «Свобода может быть только у младенца, который еще не осознает серьезности жизни. А все остальные – под властью судьбы, случая, других людей и т.п.».

Очевидно, что то, что эти юные девушки вкладывают в понятие свободы, действительно не существует: даже у младенца это чувство поддерживается лишь иллюзией, незнанием истинного положения вещей. У жителей Иваново подобные комментарии впервые появляются лишь у взрослых (и одного одиннадцатиклассника): «лозунг, болтовня» (ж.); «обман» (м.).

2. Самостоятельный выбор – мнения, поведения, пути. Самоутверждение, независимость. «Независимость, самостоятельность действий. Свобода личности» (ж., 11 кл., М.); «свобода от денежной, алкогольной и религиозной зависимости. От зависти, мстительности. В политике – свобода при демократии» (м., 11 кл., М.); «возможность самостоятельно распоряжаться своей жизнью, самостоятельно себя обеспечивать, думать» (ж., 8 кл., М.); «свое мнение, выбор» (ж., 11 кл., М.); «право решать самому, но разумно» (ж., 8 кл., М.); «совершеннолетие» (м., 11 кл.; ж., 8 кл., М.); «свобода выбора пути в жизни, работе, учебе, профессии» (ж., 11 кл., И.); «свое мнение, выбор» (ж., 11 кл., И.).

Этот тип ответов намного более характерен для москвичей, редко встречается у шестиклассников, а в Иваново появляется лишь у одиннадцатиклассников. Сколько-нибудь заметных гендерных различий нет, хотя мальчики дают более лапидарные ответы, вроде «независимость, самостоятельность».

3. Не быть в зависимости, рабстве, тюрьме (переживание более депрессивное. Как и в первом случае, такие ответы иногда сопровождаются ремаркой: «недостижимо»). Респонденты в Иваново, особенно младшие, часто дают такие ответы в совершенно буквальном смысле: «выйти из тюрьмы», «подальше от тюрьмы» – характерно для мальчиков-восьмиклассников (особенность «мужской» социализации в провинциальном городе). Вообще те-

ма «рабства» кажется более заметной у юношей, преимущественно шестых–восьмых классов. В целом создается впечатление, что юноши все же больше склонны педалировать независимость как свободу от власти над собой другого человека или порядка.

«Независимость, когда над тобой никто не властвует. Джим был раб, а теперь – свободный человек» (ж., 6 кл., М.); «это когда человек не раб и не подвластен кому-нибудь» (м., 6 кл., М.); «не сидеть в тюрьме» (м., 8 кл., И.); «понятие относительное – мы всегда от кого-то зависим» (м., 11 кл., М.); «контраст с кандалами» (ж., 11 кл., М.); «не замужем и не в тюрьме» (м., 6 кл., И.).

4. Свобода в правовых и гражданских терминах. Этот тип ответов едва ли не самый многочисленный. Доля таких ответов, естественно, растет с возрастом респондентов, но даже у самых младших участников возникает явная связь свободы и права, имплицитно подразумевается разрешение на свободу, ее санкционированность, внешняя или внутренняя: «это право, которое ты можешь выполнять, свобода – одно из необъяснимых понятий!» (ж., 6 кл., М.) (девочка чувствует, но не может объяснить, вероятно, глубинную связь свободы и права, правильности ее использования); «это когда кто-либо имеет право что-то делать самому» (ж., 6 кл., М.). «Состояние человека, когда он вправе делать что-то, состояние независимости, без гнета кого-либо», – так московская восьмиклассница объединяет представления о состоянии, независимости и «без гнета» словом «вправе», которое снимает заложенный в понятии свободы конфликт. Похоже, что такое диффузное, но глубокое и личное чувство связи свободы и права более характерно для девочек и чаще обнаруживается в московском подмассиве.

Постепенно правовой аспект свободы все более уточняется, разбивается на привычные словосочетания – явно сказывается обучающий эффект социальной дискуссии. Юноши и девушки упоминают свободу личности, печати, слова, вероисповедания, перемещения; равноправие, демократию, гласность и т.п. «Право, закон, государство, человек» (ж., 8 кл., М.); «равноправие всех членов общества» (м., 8 кл., М.) – эти понятия отчетливо ассоциируются с представлением о свободе, тесня образ свободы как вольности или независимости. Причем при чтении текстов ответов возникает ощущение, что в них не просто используются клише, но вкладывается что-то личное, важное для самих участников исследования: «возможность свободно перемещаться по миру» (м., 8 кл., И.); «права человека, ребенка, свобода выбора, свобода печати, демократия» (ж., 8 кл., М.), «свобода слова и право выбора, независимое государство, совершеннолетие» (ж., 8 кл., М.); «свобода слова, личная неприкосновенность» (ж., 8 кл., И.); «секс:

каждый человек имеет право любить кого хочет» (ж., 11 кл., М.); «возможность отстаивать свои права» (ж., 11 кл., М.).

5. Свобода как внутренняя свобода. Всего несколько подростков пишут о «свободе мыслей», «отсутствии зависти», о том, что «каждый человек свободен», «свобода дается каждому человеку». Развернутые и рационализированные, эти идеи встречаются уже у взрослых (ср.: «Быть свободным можно только в душе, быть не упертым, гибким. Свобода – то, с чем мы живем ежедневно: это выбор» (ж., М.)). Однако юноши и девушки часто говорят о чувстве свободы, «локализованном» внутри человека: «состояние полета души: весь мир для тебя и ты для всего мира»; «полет мысли», «простор души»; «любовь к жизни»; «свобода мыслей, движения»; «когда человек дает волю чувствам». Это переживание свободы составной частью входит в образ свободы вообще и в особенности в представления о свободе первого и третьего типов, однако хотелось бы подчеркнуть специфику: внутреннее чувство свободы не непременно связано с отсутствием внешних ограничений или наличием внешних благоприятных условий. Такое представление встречается в ответах как московских, так и ивановских участников, и как у девушек, так и у юношей. Похоже, что тут есть лишь возрастная специфика: младшие чаще представляют себе свободу как свободу от чего-либо или от кого-либо, чувство свободы чаще всего передается словом «счастье», рефлексия же экзистенциального чувства свободы возникает и развивается по мере взросления и эмансипации от взрослых, т.е. увеличения «степеней свободы», если так можно выразиться, в инструментальном смысле. Грубо говоря, когда ребенку уже можно приходить домой поздно, он понимает, что не это свобода (или не вся свобода), и пытается «переопределить понятие», в том числе через поиск чувства свободы внутри себя: свобода – это когда у меня есть переживание свободы.

6. Первый из выделенных нами типов свободы плюс осознание ограничений как со стороны общества, например, в виде законов и традиций, так и со стороны личной морали. Поразительный контраст с данными, полученными в 1993 г., виден прежде всего именно на примере ассоциаций этого типа. В 1993 г. он был представлен не более чем в 3% (!) ответов, в то время как во Франции упоминание подростками необходимых и/или неизбежных пределов свободы встречалось в 24% ответов мальчиков/юношей и 16% ответов девочек/девушек. В нынешнем исследовании те же 3% составляют прямые указания на границы свободы ивановскими школьниками (если исключить шестиклассников, эта доля будет равна 5–6%), московские подростки упоминают этот аспект примерно в 17% случаев, а доля соот-

ветствующих ответов учащихся 8-х и 11-х классов превышает четверть. У самых младших можно обнаружить лишь «предчувствие» этой идеи (ср.: «Можно делать все, что угодно» и «можно делать все, что возможно» (девочки, 6 кл., И.)). Восьмиклассники выделяют две основные группы ограничений – правовые и нравственные: «право человека делать, что ему хочется, не нарушая закона» (м., 8 кл., М.); «возможность делать что-то без разрешения обычно пагубна» (м., 8 кл., М.); «полет, воздух, возможность делать, что хочешь, но и ответственность» (м., 8 кл., М.); «мир, весна, права, обязанности, ответственность» (м., 8 кл., М.); «дисциплина» (м., 8 кл., И.); «когда можешь делать, что хочешь в пределах разумного» (м., 8 кл., М.).

Характерно появление робкой оговорки: «когда можно делать почти все, что хочешь» (ж., 8 кл., М.), имплицитующей запрет на деструктивные желания. Ответы шестого типа варьируются от такого еще детского интуитивного «почти» до достаточно разработанного дискурса о границах свободы: «никогда не бывает абсолютной, ограничивается либо законами, уставами, моральными устоями, либо условиями» (ж., 8 кл., М.). Одиннадцатиклассники продолжают и развивают тему: «Свободным можно быть только в каких-то рамках (каламбур, однако)» (м., М.); «должна быть ограниченной» (м., М.); «свобода действий. Свобода многое дает, но ко многому обязывает» (м., М.); «свобода должна быть у каждого, но она не должна выходить за рамки приличия» (ж., М.); «личная свобода не должна ограничивать свободу других людей» (ж., М.); «делать все, что хочешь, при условии, что это не причинит вреда другим людям» (ж., М.); «возможность делать все, что ты хочешь, ограничение – собственная совесть» (ж., М.); «делать, что тебе нужно, не мешая другим» (м., И.); «равные права, дисциплина, закон, свобода слова» (ж., И.); «договоренность» (ж., И.).

Представление о свободе как о подразумеваемом договоре между людьми о личном пространстве каждого, похоже, более свойственно девушкам, однако эти различия не являются статистически значимыми. Это же относится и к взрослым, у которых прямое упоминание ограничений свободы встречается примерно с той же частотой, что и у одиннадцатиклассников.

Выделенные типы – лишь компоненты сложного образа, и во многих индивидуальных случаях можно видеть «смесь» этих компонентов (как, например, в ответе девушки-восьмиклассницы: «свобода – личности, слова, собраний» (тип 4); «небо, птицы, простор» (тип 1, может быть, 5); «восставшие требовали свободы» (тип 3)). Представленность социального и правового аспектов понятия свободы в ответах московских школьников (типы 2, 4 и 6) сильно повысилась по сравнению с аналогичным показателем за

1993 г. Размышления юных жителей Иваново несколько (в отношении типа 6 – значительно) ближе к тому, с чем мы встретились на семь лет раньше; детское представление о свободе как «воле» и неподчинении (типы 1 и 3) уступает место представлениям о свободе как личном месте в социальном и правовом пространстве в ответах участников уже более младшего возраста (так отвечают теперь не 16-17-летние, а 13-14-летние респонденты), а существенных различий по признаку пола в этом смысле не обнаруживается.

В отличие от прошлого исследования, теперь мы имели возможность сравнивать содержание правовых представлений подростков и взрослых. Похоже, что в развитии правовых аспектов понятия «скачок» происходит в юношеском возрасте (14–18 лет); столь радикальных изменений, какие происходят в представлениях о свободе между шестым и восьмым классом в Москве, восьмым и 11-м в Иваново, в дальнейшем уже не наблюдается. Фактически ответы взрослых можно распределить по тем же шести группам, только теперь представления о свободе по первому типу почти всегда дополняются комментарием, вроде, «так не бывает» или описываются словом «рай», что предполагает осознание нереализуемости, идеальности. Любопытно, что взрослые не чаще детей упоминают ограничения свободы (23% москвичей, 7% жителей Иваново), однако при чтении ответов видно, что в таком специальном упоминании уже нет необходимости: ограничения как бы «вмонтированы» в представления о свободе с самого начала либо через репрезентацию ее как нормальное состояние человека, использующего или стремящегося реализовывать свои гражданские права (типы 2, 4), либо как жизнь в согласии со своими убеждениями (явно подразумевается конвенциональный характер личной морали), либо через описание ее как отдыха от труда и обязательств повседневной жизни. Полновесно звучит и тема внутренней свободы (как вариант – в творчестве), что изначально подразумевает смирение с наличием внешних ограничителей. Получает развитие и тема «свободы от», «свободы для» (ср.: «свобода от власти, от насилия» (м., М.) и «возможность реализации своего Я» (ж., М.)). Тема свободы как условия, необходимого «каждому человеку для проявления себя в этой жизни» (ж., М.), чаще возникает у женщин (москвичек).

Любопытным дополнением к приведенному анализу может послужить рассмотрение выборочных ассоциаций со словом «свобода». Во всех группах, кроме молодых мужчин-москвичей, на первое место выходит связь «свобода–гражданин», что согласуется с наличием в материале спонтанных ассоциаций большого количества описаний понятия «свобода» через свободы гражданские. У мужчин-москвичей до 40 лет на первый план выходят свя-

зи исследуемого понятия с «разводом» и «совершеннолетием» — именно через эти понятия характеризовало свободу большинство сегодняшних «молодых взрослых» семь лет назад, когда некоторые из них были школьниками. Для их сверстниц-москвичек развод тоже очевидное проявление свободы, однако на первое место с малозаметным отрывом все же выходит связь «свобода — гражданин». Большинство молодых москвичей, и мужчин, и женщин, не видит особой связи свободы с собственностью или предпринимательством, равно как с государством или гарантиями, меньше половины связывают свободу и право (эта связь для женщин все же довольно тесная: ее, как и связь свободы с совершеннолетием, отметили 41% москвичек в возрасте до 40 лет). Имплиcitная логика выглядит примерно так: граждане имеют права и свободы, они получают их с совершеннолетием, используют для достижения индивидуальной свободы, в личной жизни (моей и вокруг меня) для выхода из несвободы семьи (совершеннолетие, развод).

Совсем другая ситуация складывается при анализе выборочных ассоциаций участников в возрасте после сорока лет. И мужчины, и женщины связывают свободу прежде всего с понятиями «гражданин» и «государство». Почти такой же тесной выглядит для мужчин связь с совершеннолетием и разводом, затем — с предпринимательством и правом. 43% мужчин полагают, вероятно, что свобода должна быть гарантированной (государством?), и столько же находят ее в семье (тоже своего рода гарантированный мир). Последнее, кстати, результат беспрецедентный: и в прошлом исследовании, и теперь и для школьников, и для взрослых семья никогда сколько-нибудь заметно не ассоциировалась со свободой. Возможно, московские мужчины старшего возраста вообще больше других групп склонны к романтическому взгляду на мир и скорее обращаются в своих ответах к неким идеальным представлениям, чем к действительности. Тогда это может быть «гендерно-поколенчески-поселенческой» спецификой. Женщинам-москвичкам в возрасте после сорока лет подобное восприятие в целом чуждо. «Свобода должна воплощаться на государственном уровне через статус гражданина», — словно говорят они, но не говорят, как, ибо не только понятия «собственность» или «право» для большинства не имеют отношения к свободе, но и «совершеннолетие». Словно шагнув из родительской семьи в супружескую, они узнают цену совершеннолетию, которое от этой семейной несвободы вовсе не спасает (90% женщин старшего возраста семью и свободу не связывает), а спасает развод (43% москвичек указывают на это обстоятельство).

Надо заметить, что именно развод был для юношей и девушек в 1993 г. буквально символом свободы. Никакой другой предло-

женный термин не обнаружил тогда столь сильной связи с понятием свободы. В выборочных ассоциациях на связь развода со свободой указывало большинство во всех возрастных группах (до 80% у 16–18-летних). Теперь же, судя по результатам исследования 2000–2002 гг., хотя связь эта по-прежнему очень крепкая, она уже не является доминирующей. Однако именно в этом пункте отмечаются интересные гендерные различия: похоже, «развод» по-прежнему выступает как символ свободы, хотя и в меньшей степени, у девушек-одиннадцатиклассниц в обоих городах и женщин старших возрастных групп из Иваново. Вообще девочки, особенно москвички, значительно чаще мальчиков связывают эти понятия.

И все же теперь «символом свободы» безусловно стало понятие «гражданин», причем во всех возрастных группах. В выборочных ассоциациях связь понятий «свобода» и «гражданин» превалирует у всех опрошенных, кроме самых старших девочек и молодых московских мужчин, наряду с разводом отдающих предпочтение совершеннолетию. Причем эти изменения происходят на фоне еще большего, чем раньше, принятия развода: школьники реже пишут о том, что это «трагедия для всех, особенно детей», и намного чаще представляют развод неприятным, но нормальным событием, регулирующим супружеские отношения. В свободных ассоциациях упоминаний о разводе как об освобождении от ставших тягостными и деструктивными семейных уз появилось значительно больше, а при этом в выборочных ассоциациях развод в связи со свободой явно потеснен. На наш взгляд, это может свидетельствовать, во-первых, о большей осознанности функции развода и косвенно указывать на снижение идеализации семьи, а во-вторых, о некоторой начавшейся «приоткрытости» частного человека гражданскому миру, возрастающей правовой требовательности. Развод занимает свое частное место в качестве одной из регуляций семейной жизни, представление же о свободе в большей мере перемещается в поле гражданских свобод.

Жители Иваново в возрасте от 25 до 40 лет либо менее всех других групп связывают свободу с другими правовыми понятиями, либо распределение их ответов более случайное: ни один тип связи не набрал свыше 50%. Однако подгруппа мужчин этого возраста выделяется тем, что большинство ее представителей видит тесную связь не только понятий «свобода» и «гражданин», но и «свобода» и «право», далее следует «развод» и «совершеннолетие». У молодых женщин связь «свобода–гражданин» соседствует (только в этой группе) со связью «свобода–предприниматель». Вообще подобные ассоциации, хотя и не являются ведущими в других подгруппах, их доля все же весьма значительна, особенно у мужчин-москвичей

старшего возраста и жителей Иваново. 67% мужчин старшей возрастной группы (Иваново) связывают свободу с понятием гражданства. Что касается женщин, то для них развод (56%) – не менее значимый путь к свободе (свободу с понятием «гражданин» связывают 57% из них). В целом ни собственность, ни право, при гарантии, ни власть не ассоциируются у женщин этой группы со свободой в той мере, как это происходит у сверстников-мужчин.

Позволим себе сделать *некоторые заключения* на основе анализа понятия «свобода».

Анализ спонтанных ассоциаций позволяет отметить, что, хотя все элементы, грани, из которых складывается образ свободы в том или ином виде присутствовали и в ответах опрошенных в 1993 г. школьников, представления, объединенные нами в типы 2, 4 и 6, теперь гораздо полнее отражают представления и детей, и взрослых о вписанности собственной свободы и как личности, и как гражданина в общественно-правовое пространство, где они вправе выбирать и действовать, реализуя себя («свобода для...»).

Что касается гендерной дифференциации, то на примере представлений о свободе видно, что трудно делать однозначные выводы: большую роль играют поколенческие различия, тип поселения, вероятно, социальная группа и т.п. Например, между ответами москвичей и москвичек до 40 лет всего три статистически значимых различия, а в старшем поколении таковых уже восемь. В Иваново – соответственно четыре и шесть. Можно предположить, что, во-первых, в области правовой социализации и правовых представлений происходит нивелирование гендерной дифференциации в более молодых поколениях; во-вторых, этот процесс идет в столичных городах быстрее, чем в провинции. Во всяком случае пока создается впечатление, что за прошедшие годы вместе значительно большее число респондентов стало связывать образ свободы с правовыми понятиями⁴⁴, а в правовых представлениях московских школьников и школьниц гендерная дифференциация стала еще менее заметной.

Равенство как ценность и норма права

В какой мере подобная же трансформация происходит и в отношении понятия «равенство»? Логично предположить, что коль скоро наши дети столь прониклись ранее чуждой идеей пределов свободы и правовых гарантий индивидуальных гражданских сво-

⁴⁴ Курильски Ш., Здравомыслова О., Арутюнян М. Образы права в России и Франции. С. 208.

бод, то если они действительно руководимы правовой логикой, она должна коснуться и образа равенства, усилив его правовой акцент.

1. Равенство людей или их прав? Наиболее распространенным типом реакции на понятие «равенство» в прошлом исследовании было описание равенства как моральной категории и/или экзистенциальной ценности, а также как простой «одинаковости» людей (конечно, доля ответов последнего вида с увеличением возраста респондентов убывала). Российские дети ассоциировали это понятие с правовой сферой в 2 раза реже, чем французские (у французов доля таких ответов превышала $\frac{2}{3}$). Равенство как равенство прав, отсутствие дискриминации, равенство перед законом, республиканское кредо, демократический принцип и конституционную гарантию, так или иначе упоминало 97% парижских одиннадцатиклассников и 61% их московских ровесников. При этом мальчики несколько чаще останавливались на правовом аспекте понятия равенства, девочкам же было более свойственно межличностное понимание равенства как равных отношений между людьми, особенно близкими («я очень равна моей подруге»). В представлении о равенстве как близости и отсутствии иерархии отражалась, в частности, заметная у русских девушек тенденция к подчеркиванию межличностного аспекта социального взаимодействия как наиболее для них понятного и важного. Однако разительный контраст с французскими ответами составляло не это, а доминирование у молодых россиян образа равенства как одинаковой ценности людей, чем-то напоминавшее представление об «образе божьем» в любом человеке. Представления такого рода были характерны более чем для 40% русских ответов (как юношей, так и девушек), у французов же — для 9% ответов юношей и 18% девушек. Вкупе с его наиболее простой версией — «все люди одинаковы» такой вид представлений в русском массиве был, очевидно, преобладающим. Тем самым получило объяснение то, что чрезвычайно редко понятие «равенство» связывалось с другими понятиями в таблице выборочных ассоциаций и очень часто — с понятием «семья». «В межличностном общении, в микрогруппе человек может ожидать, требовать и получать подкрепление чувству равенства как одинаковой ценности себя и другого... В макросоциуме же должна была бы действовать идея равенства, претворенная в правовой принцип»⁴⁵.

⁴⁵ Там же. С. 135.

Результаты нынешнего исследования позволяют говорить о том, что юные москвичи гораздо активнее «высовывают головы» за пределы своих «микрогрупп» и, как французские школьники прошлого десятилетия, начинают понимать, «что право есть род защиты в общественной жизни» (табл. 1.2).

Как видно из таблицы, можно предположить, что с 1993 г. в правосознании молодых людей произошли большие перемены. Ивановские школьники демонстрируют ту же модель представлений о равенстве, которая была присуща москвичам в прошлом обследовании, причем с той же тенденцией преобладания правовых ассоциаций у юношей (у девушек, как и в московском исследовании 1993 г., значительно чаще образ равенства предстает как межличностный феномен (общей моральной ценности и социального равенства: «ни богатых, ни бедных»)). У москвичей образ равенства как равенства в правах, равенства перед законом, гражданского равенства, отсутствия дискриминации (дети писали о равноправии наций и рас и, что совсем ново, о равноправии мужчин и женщин) стал едва ли не преобладающим и присутствует в половине всех ответов, против 35% в исследовании 1993 г. Возможно, еще более важная тенденция, проявившаяся в новом исследовании по сравнению с предыдущим, – это то, что представление о равенстве приобретает ярко выраженный правовой и гражданский смысл уже у восьмиклассников, причем, так сказать, в массовом масштабе, а к одиннадцатому классу носит уже всеобщий характер. Как и в прошлом исследовании в Москве, школьники Иванова начинают таким образом представлять равенство лишь в 11 классе. Любопытно и исчезновение гендерной дифференциации среди московских ответов, заметной у подростков Иванова в 11 классе⁴⁶. Более того, равенство как правовое понятие фигурирует в 55% ответов юных москвичек (против 32% в 1993 г.), что даже превышает эту долю среди ответов французских подростков в исследовании 1993 г. (51%).

Один из важных, на наш взгляд, выводов прошлого исследования состоял в том, что скорее ценностная, нежели правовая, скорее межличностная, нежели гражданская специфика правосознания молодых россиян «загоняла» такие общественные ценности, как свобода, равенство и солидарность, прежде всего в семью, где в основном или даже исключительно виделись молодым людям возможности реализации этих ценностей. Поэтому выбо-

⁴⁶ Возможно, это объясняется просто: меньше юношей, чем девушек, в Иванове заканчивают «полную» школу (действительно, в обследованных 11-х классах большая гендерная диспропорция, чем в Москве), поэтому в 11 класс в основном попадают юноши из образованных семей.

**Доля спонтанных ассоциаций с «правовым» акцентом к понятию «равенство»
у школьников Москвы и Иваново в 2000 г. (в %)***

Группа респондентов	Москва	Иваново
Девушки в целом	55	28
6-ой класс	15	12
8-ой класс	53	10
11-ый класс	78	56
Юноши в целом	43	27
6-ой класс	13	8
8-ой класс	50	7
11-й класс	66	79
Всего доля «правовых» ответов	50	27
Доля «правовых» ответов в 11-х классах	73	64

* Доли округлены; не все показатели достоверны в связи с низким наполнением групп, в особенности это относится к группе: «мальчики, Иваново, 11 кл.» (19 чел.).

рочные ассоциации указывали на столь тесные связи «равенства» и «солидарности» с «семьей», а «свободы» – с «разводом», что такие, к примеру, понятия, как «гражданин» и «право», для французов неразрывно связанные с основными республиканскими ценностями «свободы–равенства–солидарности», у россиян не выдерживали с «семьей» никакой конкуренции.

Мы уже показали на примере понятия свободы, что произошли определенные изменения в сознании людей и связь «гражданин–свобода» потеснила ранее ведущую «развод–свобода». Представления о равенстве как воплощаемой в первую очередь в семье ценности по-прежнему очень сильно, особенно у взрослых, однако равенство в связке с понятиями свободы и права занимает достойное место, хотя во втором случае не так явно (у мужчин и юношей). Так, связывают семью и равенство от 35 до 62% школьников (самая большая доля – младшие девочки, самая маленькая – старшие девушки, что само по себе любопытно), а гражданина и равенство – от 32 до 53% московских школьников: цифры вполне сопоставимые. Связь равенства и права усматривают 21–41% московских юношей (наибольшая доля у одиннадцатиклассников). Вероятно, наибольшие гендерные различия наблюдаются в представлениях респондентов-взрослых о семье. Понятие семьи едва ли не в первую очередь связывается с ожиданием равенства именно у женщин обеих возрастных групп в обоих го-

родах (и намного более чем у мужчин). Так сказать, универсальный гендерный тренд, единственный, который удалось обнаружить, но и он проявляется лишь после 25 лет.

Главный вывод, который напрашивается в результате анализа представлений о равенстве, состоит в том, что, как и представления о свободе, они эволюционировали: образ равенства все чаще связывается с правовыми категориями. Именно такое видение присуще 13-14-летним подросткам, что семь лет назад было совсем нехарактерно для этого возраста, при этом юноши не только не чаще, чем девушки, апеллируют к правовой сфере, но даже уступают им. Однако все это относится к московскому подмассиву опрошенных молодых людей, в то время как школьники г. Иванова демонстрируют скорее те тенденции, которые наблюдались в развитии правовых понятий московских школьников в 1993 г., и которые так отличали их от сверстников-парижан.

В дополнение к описанию представлений о свободе и равенстве нам кажется целесообразным остановиться и на понятии «гражданин», которое в 1993 г. тоже служило своего рода «дискриминатором» правовых образов молодых людей в России и во Франции. Позволю себе вновь процитировать нашу работу, обобщающую результаты того исследования: для французских подростков «понятие гражданства неотделимо от ценностей равенства, свободы и солидарности, а также ответственности... В России доминирующей ценностью статуса гражданина является свобода, далеко за ней следуют равенство, ответственность и право. Можно подумать, что русские подростки ждут от входа во взрослую жизнь в основном свободы, но почти не чувствуют ответственности — как если бы идея о том, что гражданин может участвовать в общественной и политической жизни, еще не носила реального содержания»⁴⁷.

Действительно, ассоциация статуса гражданина (как и совершеннолетия) со свободой является и теперь одной из ведущих (особенно она сильно проявляется в ответах женщин-москвичек). Однако никак нельзя сказать, что равенство, ответственность и право следуют «далеко за ней» — как раз наоборот, буквально «наступают на пятки» (табл. 1.3).

Описанный выше образ гражданина, пользующегося свободой, но не осознающего правовых аспектов гражданственности, если и прослеживается, то только в группе взрослых людей старшего возраста, т.е. людей, основная социализация которых про-

⁴⁷ Там же. С. 52–53.

Выборочные ассоциации понятия «гражданин» с некоторыми другими правовыми понятиями в 2000 г. (доля ответов, связывающих понятия, %)*

Сочетание понятия «гражданин» с понятием...	Дети		Взрослые	
	8 кл.	11 кл.	до 40 лет	после 40 лет
Москва				
«свобода»	63	59/49	38/57	71/85
«ответственность»	68	64	46/64	57
«закон»	63	45	46	43
«право»	63/69	55	54/93	29/43
«равенство»	42/53	32	31	43
Иваново				
«свобода»	46	63/44	44	67/57
«ответственность»	50/36	53/26	38/43	33/25
«закон»	31	47/18	6/37	28
«право»	35/50	42	31/42	39/25
«равенство»	23/44	26/44	31	28

* Значимые различия мужских и женских ответов – м/ж.

исходила до 80-х годов и которые подошли к 90-м уже вполне сложившимися. Если предположить, что подростки начала 90-х годов еще отражали в своих представлениях инерционную правовую логику предыдущих поколений, то сходство структуры ассоциаций тогдашних подростков и нынешних представителей старшего поколения получает гипотетическое объяснение.

С точки зрения того, насколько ценностные представления – в данном случае образ гражданина – имплантированы в образ права, и, возможно, с точки зрения степени, в которой эти вопросы вообще рефлексировались людьми, снова приходится отметить существенные различия между москвичами и не москвичами. Наименьшими они являются у одиннадцатиклассников, что может объясняться общим фактором школьного обучения и какими-то неучтенными параметрами социализации, но закрадывается еще одна мысль: не признак ли это чего-то, вроде особого «мини-поколения»... В целом расхождения в ответах, определяемые местом проживания респондентов, безусловно, более значительны, наряду с возрастными различиями, чем различия гендерные⁴⁸.

⁴⁸ Да и сами гендерные различия, возможно, зависят от типа поселения: так, в ответах московских подростков лишь два значимых различия в зависимости от пола, а в Иваново таковых семь.

Однако по поводу последних можно отметить интересную деталь: девушки в 11-ых классах значимо реже связывают представление о гражданине со свободой, и при этом активнейшим образом ассоциируют свободу и развод (различия с юношами составляют 19% в Москве и 21% в Иваново). Казалось бы, это «льет воду на мельницу» нашей прежней идеи о том, что российские девушки в большей мере воплощают национальную культурную модель ретирады из общества в семью, ассоциируя с ней в первую очередь общественные ценности равенства и солидарности как ценности межличностные и представляя себе свободу прежде всего как освобождение. И все же такая модель просматривается скорее у самых старших женщин – жительниц Иваново. Что же касается девушек-школьниц, то доля ответов, связывающих семью и равенство и в Москве, и в Иваново вполне сопоставима с долей ответов, связывающих равенство и гражданство (например, у восьми-классниц это соответственно 52 и 53% в Москве и 42 и 44% в Иваново; у одиннадцатиклассниц – 35 и 32% в Москве; 47 и 44% в Иваново). Скорее как раз юноши-одиннадцатиклассники и взрослые женщины склонны «помещать» идею равенства в семейное пространство в гораздо большей мере, чем в социальное – словно говоря, что в семье они могут/хотят/знают, как добиваться равенства, в отличие от социально-правового поля. Девушки как будто в одной и той же пропорции стремятся к равенству в семейной и гражданской сферах или в одинаковой мере разочарованы в идеале и там, и там.

Итак, идеальный образ гражданина. Идеальный образ гражданина в правовом государстве вырисовывается в ответах московских девочек 13–14-ти лет. Эти юные особы словно воспитывались в юридическом колледже (на самом деле, большинство из них учится в рядовой московской школе): гражданин – это человек, живущий в системе права, несущий ответственность за свои действия, предусмотренную законами, которые также гарантируют ему свободу и равенство с другими гражданами. Но, хотя столь гармоничных очертаний образа гражданина мы не находим в ответах других групп респондентов, все же очевидно, что во всех группах, наряду со свободой имплицитно присутствуют и ее регуляторы: ответственность, закон, право, равенство. При этом мальчики больше педалируют ответственность, девочки – равенство⁴⁹, женщины до сорока лет в обоих городах и их сверстники-москвичи –

⁴⁹ В более раннем исследовании это было характерно для семейной модели в представлениях юношей и девушек, теперь то же самое словно переносится в гражданскую модель.

право. Исключение из этой модели преобладания правового образа гражданина составляют две группы. Первая – это молодые мужчины г. Иванова, которые вообще, похоже, в большинстве своем плохо представляют себе этого самого «гражданина» в тех терминах, которые им предлагались, ну уж если он с чем и связан, то со свободой. Ко второй группе можно отнести «старшее поколение»: в отличие от молодых мужчин Иванова, оно не инертно, но другие связи понятий несравнимы по представленности в ответах со связью «гражданин–свобода». Это особенно ярко выражено у москвичек старшего поколения, 85% которых связывают гражданина со свободой и от 43 до 57% (что тоже немало) – со всеми остальными предложенными понятиями.

Однако оптимистическое описание построения гражданского общества в ответах респондентов, особенно самых молодых, наталкивается на одно, но серьезное препятствие. По результатам первого исследования (1993 г.) можно было заключить, что в связи с вхождением во взрослое сообщество для французских подростков открывалась перспектива преимуществ взрослого возраста и поддержки коллективной солидарности; в то время как российские подростки слабо верили в такие коллективные ценности, как равенство и солидарность граждан, несмотря на некоторые их представления о государстве как сообществе. Действительно, гражданская солидарность наряду с правовой моделью свободы и равноправием является одной из опор хорошо функционирующего демократического общества. Человек может быть сколь угодно интровертирован или эгоистичен как личность, но как гражданину, чувствующему свою роль активного элемента системы, в которой он может что-то контролировать или изменять, ему необходимо ощущение сообщества таких же граждан, разделяющих его интересы и чьи интересы он, в свою очередь, тоже готов отстаивать (на уровне партии, класса, профессионального сообщества, города, страны и т.п.). Исследование 1993 г. продемонстрировало полный провал образа солидарности как социальной ценности: подавляющее большинство московских школьников того времени видело в слове «солидарность» либо выхолощенный пустой термин, либо «братство» как близость и единодушие, место коим определялось исключительно внутри семьи и дружеского круга. Как мы видели, характер представлений о свободе и равенстве претерпел с тех пор большие изменения: из мира почти исключительно внутреннего и межличностного эти ценности оказались перенесены в социально-правовое пространство. А как насчет последнего члена триады «свобода–равенство–братство»?

В системе правовых представлений наших опрошенных солидарности в общем нет. Ее нет как ценности, сколько-нибудь связанной с понятиями «гражданин» (при одном, правда, исключении – ответы старших московских мужчин), «право», «работа», «совершеннолетие», даже «договор», не говоря уже о понятиях, имеющих отношение к власти или судебной системе. Ее нет ни у мужчин, ни у женщин, ни в столице, ни в провинции, ни у детей, ни у взрослых – поразительно! Единственное место, где ее можно найти, – это, как и раньше, семья. Но даже и там она не очень укоренена: например, у ивановских подростков связь семья–солидарность не превышает 26%, а у взрослых и вовсе исчезает⁵⁰.

Такое единодушие в вытеснении ценности солидарности на периферию общественных отношений вряд ли можно объяснить только лишь обесцененностью самого слова, превращенного в пустой звук в бессмысленном словосочетании «солидарность трудящихся». Не думаю, что роковую роль могло сыграть и последующее обесценивание понятия эпохой несколько «диковского» капитализма и архаичного индивидуализма. Безусловно, и то, и другое сильно подорвало акции понятия «солидарность», но нечто похожее случилось и с равенством, однако оно, как мы видим, занимает важное место. Для младших школьников понятие “солидарность” самое незнакомое среди слов-ценностей: не только шестиклассники, но и московские восьмиклассники нередко просто не знают, что это слово означает. Одиннадцатиклассники и взрослые знают это очень хорошо, однако тот факт, что для младших это не является частью обыденного словаря, может говорить о том, что для взрослых

⁵⁰ Анализ представлений о семье выходит за рамки данной работы, однако трудно удержаться от некоторых замечаний «по ходу»: здесь очень отчетливо выступают различия между ответами опрошенных из разных городов, и снова они меньше у школьников, чем взрослых; связи этого понятия дают также, пожалуй, наибольшее число значимых различий в ответах мужчин и женщин, например, женщины больше мужчин акцентируют внимание на равенстве и безопасности. «Правовой менталитет» московских подростков сказывается и здесь: это единственная категория, активно связывающая семью с правом. Особенно настораживает тот факт, что в ответах мужчин и женщин старшего возраста из Иваново семья связывается почти с одной лишь ответственностью – ни со справедливостью, ни с равенством, ни с солидарностью, ни с безопасностью, ни, разумеется, со свободой. Различия с идеалистами-москвичами очень велики, и более всего заметны они в ответах респондентов старшей возрастной группы.

это скорее книжное или формальное понятие. «Одомашнивая» его, вкладывая близкий им смысл, опрошенные «переводят» его как «согласие», и тогда оно теряет свой гражданский пафос. Встречаются ответы, где солидарность интерпретируется как «принуждение мыслить одинаково», т.е. фактически как антипод свободе и праву. В первом случае солидарность как бы иррелевантна праву, во втором – даже противостоит ему. Так или иначе, приходится констатировать, что образ коллективной солидарности как поддержки гражданских ценностей равенства и свободы, столь типичный для молодых французов начала 90-х годов, у российских подростков, похоже, находится пока в зачаточном состоянии. «Впустив» свободу и равенство как ценности в правовое пространство, граждане для их регуляции склонны, видимо, апеллировать к закону или некоей абстрактной инстанции права и даже к личной ответственности, но не к собственной общности.

* * *

Итак, в приведенном обзоре части результатов исследования «Представления о праве и использование закона обычными людьми в повседневной жизни» мы постарались проанализировать содержание и динамику образов основных ценностей гражданского общества: «свобода», «равенство», «солидарность» и «гражданин» с учетом возраста, пола и города (Москва – Иваново) у подростков 11–17-ти лет и взрослых от 25 до 60 лет. Самые общие заключения, которые можно сделать и которые могут послужить гипотезами дальнейших исследований, таковы.

1. В правосознании подростков-москвичей с 1993 г. произошли существенные изменения. Если в прошлом распределение ассоциативных ответов между шестью типами образа свободы – 1) свобода как беспредельная воля; 2) свобода как самостоятельность и независимость личности; 3) свобода как освобождение от гнета; 4) гражданские индивидуальные свободы; 5) свобода как свобода внутренняя; 6) свобода как личная свобода и независимость, ограниченная правами и свободой других – давало отчетливые пики в типах «воля» и «освобождение от гнета», то теперь это стало характерно лишь для самых младших. Уже у восьмиклассников свобода выступает как элемент правовой системы гражданского общества и отделяется от переживания свободы, которое не теряет при этом своей несомненной притягательности. В ту же логику изменений укладываются трансформации представлений о равенстве. Образ равенства как правового регулятора отношений между людьми в обществе, не завися-

щего от личных отношений и личного желания участвующих сторон, – новое явление в рефлексиях юных москвичей.

Динамика образов «свободы» и «равенства» выражается и находит дополнительное подтверждение при анализе понятия «гражданин». Если в 1993 г. это понятие связывалось со свободой (понимаемой при этом очень часто как «вольность»), дистанцированной, так сказать, и содержательно, и статистически, от равенства и права, то теперь это соотношение коренным образом изменилось. Понятие гражданства предстает из выборочных ассоциаций подростков в значительной мере правовым понятием, связывающим через право равенство и личную ответственность в статусе гражданина.

2. Правовые образы взрослых в целом как бы продолжают и развивают те тенденции, которые ясно просматриваются в ответах детей. Можно, однако, заметить в некоторых случаях даже больший, по сравнению со взрослыми, «легализм» юношей и девушек, что кажется нам связанным с тенденцией к идеализации у молодых и разочарованию у более старших, имеющих конкретный тяжелый опыт функционирования в правовом пространстве.

3. Наблюдаются существенные различия в представленности правовых элементов в образах свободы, равенства и гражданства у жителей Москвы и Иванова, как детей, так и взрослых. Образы правовых ценностей у подростков г. Иванова (особенно свободы) чрезвычайно структурно сходны с теми, которые мы описали у москвичей на материалах исследования 1993 г. В целом ответы жителей Иванова заметно меньше носят правовой оттенок, по-видимому, чаще – оценочный (это заметно так же в отношении, например, представлений о государстве, не вошедших в данный анализ). Наиболее «инертными» группами выглядят ивановские мужчины 25–40 лет и старшие женщины.

4. В целом ответ на вопрос о гендерном аспекте правовых представлений неоднозначен. Во-первых, различия поколенческие и поселенческие более очевидны. Во-вторых, статистически значимых различий в представленности тех или иных элементов правовых образов в Москве меньше, чем в Иванове, и они не столь велики, что может говорить о большей традиционной гендерной дивергенции вне столицы. В-третьих, у взрослых расхождения моделей правовых образов по гендерному признаку и в Москве, и в Иванове выше, чем у детей. В-четвертых, и это самое важное, наблюдаемую в отдельных случаях дифференциацию трудно пока уложить в какую-то общую логику. Так, применительно к результатам первого этапа исследования такой объяснительной

логикой послужила модель К. Гиллиган: наши данные достаточно убедительно демонстрировали большее внимание мальчиков к проблеме власти, а девочек – к проблеме межличностных отношений, мальчиков – к справедливости, девочек – к заботе; соответственно мальчикам была свойственна большая акцентуация правового аспекта понятий равенства и свободы, как и многих других правовых понятий. Теперь мы не видим оснований для подобных обобщений, по крайней мере для москвичей. То немногое, что соответствует этой модели в проанализированном материале, связано с особой ценностью равенства для женщин по сравнению с мужчинами. Однако, если для взрослых женщин, как и для школьниц в исследовании 1993 г., равенство – прежде всего ценность межличностная и в первую очередь «помещенная» (вероятно, как ожидание или даже требование) в пространство семьи, то для девочек начала 2000-х эта ценность присутствует также и в пространстве общественных, регулируемых законом и правом отношений между гражданами. Эта тенденция характерна практически для всех возрастов и для обоих городов, как если бы совсем юные женщины в какой-то мере перенесли крайне важный в их внутренней системе ценностей элемент из семейного и дружеского мира в более широкий, требуя, чтобы и там, как и в семье, иерархия и ролевая структура не подавляли достоинства и права личности.

Московские девушки демонстрируют движение в общественно-правовое поле, порой опережая своих сверстников-юношей. Именно юные москвички, к примеру, выступают своего рода авангардной группой, формирующей представления о гражданстве как всецело правовой категории, то же характерно и для девушек-одиннадцатиклассниц в отношении представлений о равенстве. Те же тенденции, которые отмечались ранее и состояли в более частых правовых акцентах в суждениях юношей, теперь более заметны лишь у школьников Иванова. Еще одна яркая тенденция, различающая ответы юношей и девушек, – это связь понятий свободы и развода, намного преобладающая у девушек и достигающая своего пика в ответах одиннадцатиклассниц в обоих городах (возможно, как-то отражает тенденцию де-идеализации семьи, страх зависимости, некоторое обесценивание роли мужчины). Однако и для них развод (в отличие от результатов исследования 1993 г.) не единственный символ свободы. С ним конкурируют многие другие правовые представления, связанные с макро-социальной сферой.

Вообще именно женщины (за исключением представительниц старшего возраста в Иванове) проявляют четкую граждан-

скую позицию, их свободные ответы распространенные и эмоциональные, а на более операциональном уровне это видно, например, из того факта, что число связей между различными правовыми понятиями у них в среднем превышает таковое у мужчин. В противовес традиционным представлениям, молодые женщины выглядят носителями абстрактной правовой идеи в большей мере, чем их сверстники мужчины.

С начала 90-х годов постсоветские элиты действовали «по старым рецептам», используя демократические лозунги для упрочения своего положения и, по точному выражению политолога М. Краснова, «институционально мешая» созданию правовых и политических механизмов⁵¹, обеспечивающих гражданскому обществу реальные полномочия. Это является глубинной основой того, что концепции *права, закона, власти, справедливости, свободы, солидарности, равенства, гражданства*, которые, судя по эволюции российских ответов, уже в начале 2000-х годов не соответствовали полностью своей прежней, «традиционной», логике, все же не складываются в новую, модернизированную логику понимания и действия. Из нее, по сути дела, выпадает представление о социуме как пространстве гражданского участия – это создает серьезное препятствие для формирования модернизированных правовых представлений и лишает новое видение общества сколько-нибудь ясной перспективы. Причудливое сочетание «старого» и «нового» понимания предоставляет людям некоторую свободу действовать, приспосабливаясь к малозависящим от них обстоятельствам.

Результаты наших исследований позволяют, тем не менее, предположить, что последовательные социально-политические преобразования в направлении построения правового государства, правовое просвещение и общественная дискуссия могли бы не в самом отдаленном будущем привести к реальному изменению правового менталитета и формированию новых привычек использования закона – к постепенному превращению его в естественное правило социальной жизни и в эффективный инструмент решения многочисленных проблем повседневности.

⁵¹ Краснов М.А. Персоналистский режим в России. Опыт институционального анализа. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. С. 16.

Глава II

ГЕНДЕРНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА

НЕРАВЕНСТВО ЖЕНЩИН И МУЖЧИН В ДОСТУПЕ К КРЕДИТАМ. ЖЕНСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РОССИИ

Несмотря на то что становление рыночных отношений в России происходит уже около 15 лет, мы не можем пока говорить о сформировавшемся слое предпринимателей. До сих пор подавляющее большинство российских занятых составляют наемные работники. И это – результат неблагоприятных условий для развития малого и среднего предпринимательства, сложившихся в стране. Так, в 2006 г., по данным обследований населения по проблемам занятости (ОНПЗ), 93,3% всех занятых россиян работали по найму, а 6,7% были «предпринимателями, т.е. работали «не по найму»» (что составляло в 2004 г. 4,6 млн чел.). Это соотношение практически не меняется.

Женщины в силу разных обстоятельств пока реже, нежели мужчины, выбирают предпринимательство в качестве своей профессиональной деятельности (хотя эти различия не являются критическими): в 2006 г. 6% всех работающих женщин и 7,5% мужчин были заняты «не по найму». Российское предпринимательство, как и предпринимательство во всех других странах мира, имеет гендерную асимметрию по множеству параметров: доле среди имеющих разный предпринимательский статус, уровню образования, возрастному составу и пр. Рассмотрим некоторые из них.

Гендерный состав предпринимателей, обладающих разным статусом¹

В 2006 г. среди всех, занимавшихся (в том или ином виде) предпринимательской деятельностью, женщины составляли 43,8%. В то же время среди работодателей их было только 37,4%,

¹ Категория «занятые не по найму» (фактически – предпринимателей) достаточно разнородна и включает, в соответствии со стандартами МОТ, четыре

а вот среди самостоятельно занятых – 44,5%. Причем, как показывают ОНПЗ, в последние годы динамика большинства этих показателей не обнаруживает однозначных тенденций. Так, за 1997–2006 гг. общее число работающих «не по найму» увеличилось, но это увеличение было неравномерно у мужчин и женщин. Большую роль здесь сыграл дефолт 1998 г., в одночасье изменивший экономические условия в стране и ставший своеобразной «лакмусовой бумажкой» для адаптационных возможностей и устойчивости разного вида бизнеса и разного типа предпринимателей, в том числе предпринимателей-женщин и предпринимателей-мужчин.

Сначала рассмотрим динамику численности и гендерный состав не самой многочисленной, но наиболее важной и влиятельной группы занятых не по найму – работодателей. В 1997 г. женщин-работодателей насчитывалось 249 тыс. чел. (мужчин – 494 тыс. чел.), что составляло 33,5% всех российских работодателей. Экономический кризис 1998 г. вынудил часть предпринимателей прекратить свою деятельность (в 1999 г. их общая численность сократилась по сравнению с 1998 г. на 20%). Произошедший кризис отразился в первую очередь на малом и среднем бизнесе и главным образом на женщинах. Число женщин-работодателей уменьшилось на 76 тыс. чел., или на 32%, в то время как мужчин-работодателей – на 64 тыс. чел., или на 15%. Второй послекризисный год (2000 г.) ознаменовался некоторым ростом общего числа работодателей, однако результат был достигнут только за счет роста числа работодателей-мужчин, в то время как численность женщин-предпринимателей этой категории продолжала сокращаться. В результате доля женщин среди работодателей резко упала – сначала до 30,4% (в 1999 г.), затем до 27,0% (в 2000 г.). Далее нормализация состояния экономики способствовала росту общей численности работодателей и восстановлению доли женщин среди них. Более того, в какой-то период увеличение числа работодателей в стране происходит только за счет

статуса занятости: работодатели, самостоятельно обеспечивающие себя работой, члены производственных кооперативов и помогающие на семейном предприятии. Численность работников, имеющих эти статусы занятости, существенно различается. Большинство ($\frac{3}{4}$) составляют люди, самостоятельно обеспечивающие себя работой. Вторую по численности группу составляют работодатели (21% всех занятых не по найму и только 1,4% всех занятых). «Члены производственных кооперативов» и «помогающие на семейном предприятии» – для России скорее экзотика, они составляют соответственно только 4 и 1% всех занятых не по найму.

Рис. 2.1. Динамика доли женщин среди работодателей и самозанятых.
Источник: Федеральная служба государственной статистики. Мужчины и женщины. 1997; 1999; 2004; 2006

женщин. За 2001–2004 гг. их стало больше на 48 тыс. чел. (т.е. на 16%), в то время как численность работодателей-мужчин сократилась за этот период на 15 тыс. чел (т.е. на 3%). В результате доля женщин среди работодателей выросла до 40% в 2005 г. В последние годы численность предпринимателей росла как за счет мужчин, так и за счет женщин. В итоге в конце 2007 г. женщины составляли 40,4% всех имеющих этот статус.

По-иному экономический кризис 1998 г. отразился на гендерном составе другой наиболее многочисленной категории российских предпринимателей – «самозанятых» (рис. 2.1). Среди самозанятых женщины занимали и занимают более значимое место, чем среди работодателей (в 1997 г. их доля составляла 41,2%). После дефолта для многих мужчин и женщин, потерявших свою работу или более или менее крупный бизнес, самозанятость стала единственной возможностью выжить. Только за первый послекризисный год (1998–1999 гг.) численность самозанятых мужчин увеличилась на 1324 тыс. чел. (или в 2,3 раза), а женщин – еще больше – на 1668 тыс. чел. (или в 3,4 раза). При этом доля женщин среди самозанятых увеличилась до 50%. В последующие годы и у мужчин, и у женщин наблюдалась тенденция к сокращению числа самозанятых (вероятнее всего, они, расширяя свое дело, переходили в статус «работодателей»), но у женщин это сокращение происходило быстрее. В результате в конце 2007 г. доля женщин среди самозанятых составляла уже только 46,9%.

Сегрегация предпринимательского сообщества

Проблема как горизонтальной, так и вертикальной сегрегации стоит перед российскими предпринимателями достаточно остро. Вертикальная сегрегация предпринимательской деятельности проявляется в модифицированном виде проблемы «стеклянного потолка»: неравномерное распределение предприятий (бизнеса), возглавляемых как мужчинами, так и женщинами, размеру этих предприятий (бизнеса). По экспертным оценкам в России (как впрочем и в других странах) крупный и средний бизнес представлен в подавляющем большинстве случаев мужчинами. Женщин среди таких бизнесменов мало (в России, например, по данным журнала «Forbs», среди многочисленных отечественных миллиардеров только одна женщина – г-жа Е. Батурина). Среди женщин – крупных бизнесменов многие состоят в родственных отношениях с богатыми мужчинами или мужчинами, занимающими солидные посты в сфере принятия решений.

Женщинам сегодня в большей степени оказались доступны средний и малый бизнес, а точнее, samozанятость (в первую очередь потому, что это те виды предпринимательской деятельности, которые не требуют значительного начального капитала). Так, по данным НОБУС, среди предпринимателей – владельцев/совладельцев предприятий и фирм женщин только 33,2%, среди предпринимателей без образования юридического лица женщин уже 48,9%, среди работающих на индивидуальной основе – 41,2%.

Горизонтальная сегрегация в предпринимательской деятельности предстает в виде неравномерного участия мужчин и женщин по секторам и видам этой деятельности, что во многом является закономерным результатом устойчивой отраслевой и профессиональной сегрегации среди всех занятых в экономике страны, а также сегрегации по профессиям и специальностям среди учащихся системы профессионального образования, которые сложились много десятилетий назад. Горизонтальная сегрегация по видам профессиональной деятельности рассматривается по двум параметрам: распределение мужчин и женщин по видам их профессиональной деятельности и доля женщин и мужчин среди предпринимателей, занятых в том или ином виде деятельности.

На распределение женщин-предпринимательниц по видам их профессиональной деятельности (табл. 2.1) влияет и степень развития малого и среднего бизнеса в той или иной отрасли на-

Таблица 2.1

Распределение женщин, работающих не по найму, по видам деятельности (в %)

Вид деятельности	Владелец предприятия	Предприниматель без образования юр. лица	Работающий на индивидуальной основе
Сельское хозяйство	1,9	1,6	18,1
Рыболовство	0,0	0,0	1,3
Горнодобывающая промышленность	2,6	0,0	0,0
Обрабатывающая промышленность	3,9	2,8	9,4
Электроэнергия, газ, водоснабжение	1,3	0,0	0,3
Строительство	5,2	1,2	2,4
Торговля, ремонт	50,3	81,0	41,4
Гостиницы и рестораны	1,9	1,4	1,0
Транспорт, связь	1,9	1,6	0,8
Финансовое посредничество	6,5	0,2	1,3
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом, арендой	10,3	2,4	2,1
Государственное управление; обязательное социальное страхование	0,6	0,2	0,5
Образование	1,3	0,4	4,2
Здравоохранение и социальные услуги	2,6	1,2	3,1
Деятельность по предоставлению коммунальных, социальных и персональных услуг	9,7	5,4	13,1
Деятельность по ведению частных домашних хозяйств	0,0	0,6	1,0
Всего	100,0	100,0	100,0

Источник: База данных НОБУС – Национальное обследование благосостояния и участия населения в социальных программах, в ходе которого было опрошено 44 тыс. домохозяйств в 49 субъектах РФ. Проведено при финансовой поддержке Всемирного банка в 2003 и 2004 гг.

циональной экономики, и размер начального капитала, необходимого для старта собственного дела. Последнее условие в большей степени ограничивает выбор направления деятельности у женщин, чем у мужчин, из-за гендерных различий в доступе к материальным, в том числе финансовым, ресурсам. Как показал опрос НОБУС, женщины-предпринимательницы чаще всего за-

няты в «торговле и ремонте», причем это характерно для всех трех статусов предпринимательской деятельности: половина всех женщин – владельцев предприятий, 81% женщин-предпринимателей, работающих без образования юридического лица, и 41% всех женщин, занятых на индивидуальной основе. Следующим по распространенности видом предпринимательской деятельности у женщин можно считать деятельность по предоставлению коммунальных, социальных и персональных услуг (9,7% женщин – владельцев предприятий, 5,4% женщин-предпринимателей, работающих без образования юридического лица, и 13,1% женщин, работающих на индивидуальной основе). Далее можно выделить такой новый для российской действительности вид деятельности, как «операции с недвижимым имуществом, арендой» (подчеркнем, что этот вид занятости имеет достаточно широкое распространение только среди женщин-владельцев предприятий – им занята каждая десятая), а также занятость в сельском хозяйстве (правда, это справедливо только для женщин, работающих на индивидуальной основе, среди которых в сельском хозяйстве занято 18,1%).

Распределение мужчин-предпринимателей по видам деятельности более равномерно. Но все же значительная часть из них также занята в торговле, предоставляет коммунальные, социальные и персональные услуги, работает с недвижимостью. Кроме того, в отличие от женщин, мужчины-предприниматели достаточно часто работают в строительстве и транспорте.

Возрастной состав предпринимателей мужчин и женщин

Предпринимательством женщины и мужчины занимаются во всех возрастах, но большинство из них – люди зрелые, о чем свидетельствует сопоставление возрастных профилей их уровня предпринимательской активности (доля предпринимателей с разным статусом занятости среди всех занятых соответствующего пола и возраста, рис. 2.2). В целом уровень предпринимательской активности у женщин существенно ниже, чем у мужчин, но особенности его распределения по возрастам схожи у обоих полов: высокий уровень предпринимательской активности в самых младших трудоспособных возрастах резко снижается в возрасте 20–25 лет, затем значения показателя растут, достигая своего максимума в возрасте 35–45 лет. Далее следует снижение уровня (локальный минимум приходится на предпенсионные и ранние

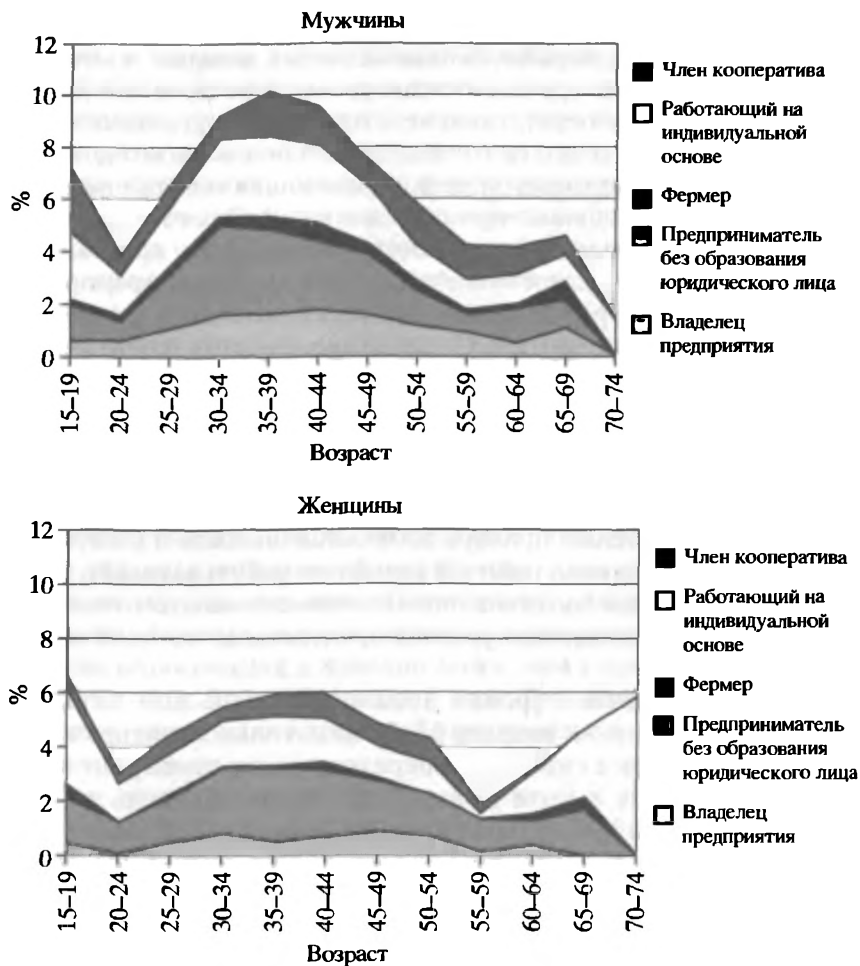

Рис. 2.2. Уровень занятости предпринимательством мужчин и женщин по возрастам (доля занятых предпринимательством среди всех занятых соответствующего пола и возраста).

Источник: Обследование НОБУС

пенсионные возраста – 55–59 лет), затем – снова рост. Синхронность изменения уровня предпринимательской активности по возрастам у мужчин и женщин, на наш взгляд, свидетельствует, с одной стороны, о высокой значимости фактора возраста в занятости бизнесом, а с другой – о том, что гендерный фактор влияет на занятость бизнесом вне зависимости от возраста. Рассмотрим более подробно особенности изменения уровня предпринимательской активности по возрастам и полу.

Относительно высокая доля занятых предпринимательской деятельностью среди работающих молодых женщин и мужчин (до 20 лет) объясняется как низким уровнем их экономической активности (и занятости), так и неустойчивым положением молодежи на рынке труда (а точнее, нежеланием работодателей брать на работу молодых людей, не имеющих опыта вне зависимости от их половой принадлежности). В этом возрасте предпринимательская деятельность (в наиболее простых ее формах, таких как самостоятельная занятость или предпринимательство без образования юридического лица, а у юношей еще и работа в кооперативах) используется тогда, когда отсутствуют возможности получения иного типа оплачиваемой работы.

К 20–25 годам уровень экономической активности населения существенно возрастает, причем преимущественно за счет увеличения числа занятых наемным трудом (молодые люди заканчивают учебные заведения, приобретают специальность и становятся более привлекательной рабочей силой для работодателей). В результате изменения соотношения численности занятых по найму и не по найму уменьшается уровень предпринимательской активности.

Второе «падение» уровня предпринимательской активности, приходящееся на возраст 55–59 лет, только подтверждает высказанную ранее гипотезу о переходе части предпринимателей, находящихся в этом возрасте (в первую очередь те, кто занят в неформальной экономике), в занятость по найму для получения трудовой пенсии. А рост доли предпринимателей среди всех занятых пенсионного возраста можно интерпретировать двумя не исключаящими друг друга гипотезами: во-первых, он указывает на существование дискриминации по признаку возраста, а во-вторых, – на сложность выхода на пенсию лиц, занимающихся предпринимательством (особенно, если «собственное дело» некому передать).

Образовательный уровень предпринимателей мужчин и женщин

Одна из важнейших особенностей социального развития России последних лет – более быстрый рост уровня образования женщин по сравнению с ростом этого показателя у мужчин. Более того, уже несколько десятилетий исследователи отмечают значительную гендерную асимметрию в уровне образования среди профессионально занятых. Достаточно сказать, что сегодня

каждая четвертая профессионально занятая россиянка имеет диплом о высшем образовании. У мужчин – только каждый пятый. Среди женщин каждая третья имеет среднее специальное образование, среди мужчин – только каждый пятый. Соответственно среди всех работников, имеющих среднее специальное и высшее образование, женщины составляют большинство. А вот среди тех, кто имеет только начальное профессиональное образование или образование в пределах общего (в том числе имеющих только начальное образование или не имеющих даже его), наоборот, мужчин существенно больше, чем женщин.

Однако подчеркнем, что сказанное справедливо только для категории «все занятые». Совершенно иная картина предстает перед нами, если рассматривать образовательный уровень мужчин и женщин в зависимости от статуса их занятости². Действительно, согласно Обследованиям населения по проблемам занятости, российские предприниматели в целом не только менее образованны, чем наемные работники, но *среди занятых не по найму (в эту категорию входят все занятые, самостоятельно обеспечивающие себя работой: работодатели, самозанятые, фермеры и члены производственных кооперативов) уровень образования у женщин ниже, чем у мужчин (хотя и незначительно)*. Для работающих по найму сохраняется тенденция, отмеченная для категории «все занятые» и всего взрослого населения.

Это наглядно представлено на рис. 2.3, презентующем распределение численности занятых мужчин и женщин по уровню образования. На рисунке видно, что среди всех мужчин, работающих по найму, имеют высшее образование 23,1%, а среди женщин больше – 28,2%, а вот среди работников, занятых не по найму, не только существенно меньше тех, кто имеет высшее образование, но и, наоборот, *доля мужчин, имеющих высшее образование, выше аналогичной доли среди женщин* (соответственно 15,9 и 14,8%). Обратная картина наблюдается у имеющих самый низкий уровень образования – «основное общее и ниже».

Если более подробно рассматривать группу работающих не по найму (выделив такие подгруппы как «владелец/совладелец предприятия», «предприниматель без образования юриди-

² Такая возможность предоставляется как на основе данных обследований населения по проблемам занятости (хотя данные публикуются в агрегированном виде: по позициям «работающие по найму» и «работающие не по найму»), а также на основе данных НОБУС.

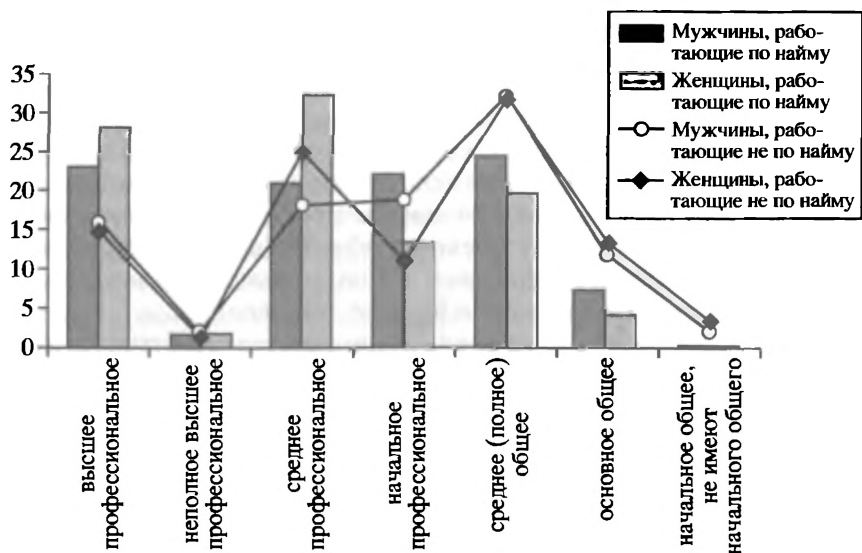

Рис. 2.3. Гендерный состав работающих по найму и не по найму в зависимости от уровня образования.

Источник: Федеральная служба государственной статистики

ческого лица» и «работающий на индивидуальной основе», что возможно при использовании обследования НОБУС), то оказывается, что, во-первых, по подгруппам существует значительная дифференциация по уровню образования (характерная как для мужчин, так и для женщин), а во-вторых, фактически по всем подгруппам уровень образования женщин оказывается ниже, чем у мужчин.

Действительно, самые «сильные» предприниматели – «владельцы/совладельцы предприятия» – имеют самый высокий уровень образования. И в этой подгруппе мужчины оказываются образованнее женщин. В следующей по значимости подгруппе – «предприниматель без образования юридического лица», – объединяющей, как правило, владельцев малого бизнеса, мелких предпринимателей, уровень образования ниже, чем в первой подгруппе, но, как и в предыдущем случае, уровень образования мужчин превышает уровень образования женщин. И только в самой «слабой» предпринимательской подгруппе – «работающий на индивидуальной основе» (как правило, микробизнес) – уровни образования мужчин и женщин почти не различаются (рис. 2.4).

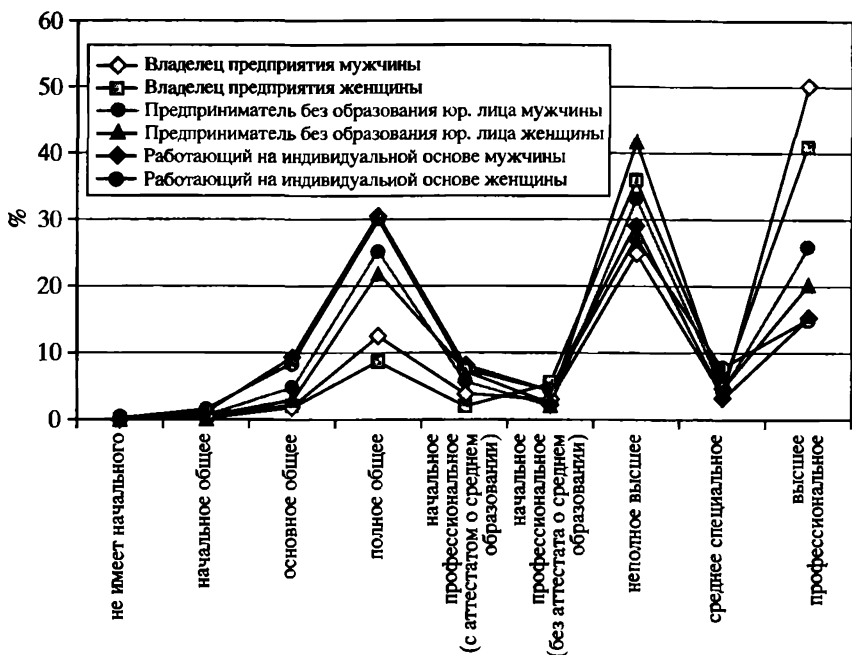

Рис. 2.4. Распределение мужчин и женщин с разным статусом занятости не по найму по уровню образования.

Источник: Обследование НОБУС

Таким образом, получается, что сегодня в бизнес пришли отнюдь не самые образованные женщины³. И этот феномен, как представляется, сдерживает качественный рост женского предпринимательства.

Доступ к кредитам

Большое значение для всех предпринимателей, как мужчин, так и женщин, имеет доступ к финансовым ресурсам. В России все виды кредитования формально являются гендерно нейтральными, поскольку в условиях их предоставления и погашения пол заемщика не указывается. В то же время неравное положение, которое занимают мужчины и женщины не просто в экономике нашей страны, а в предпринимательской деятельности, позволяет предположить существование гендерных различий в доступе к та-

³ В России существует еще одна сфера деятельности, в которой занятые женщины по уровню своего образования существенно уступают мужчинам. Это – органы государственной власти.

**Распределение оценок предпринимателей, возможности получения ими
кредита (2002–2003 гг., в %)**

Предприни- матели	Возможность получения кредита			Всего
	имею возможность	нет возможности	не знаю	
2002 г.				
женщины	17,2	58,6	24,1	100,0
мужчины	18,9	43,3	37,8	100,0
2003 г.				
женщины	11,4	54,3	34,3	100,0
мужчины	29,3	49,3	21,3	100,0

ким ресурсам. Однако данные социологических опросов, проведенных в различных регионах России за последние несколько лет, не позволяют однозначно подтвердить или опровергнуть эту гипотезу.

Так, с одной стороны, по данным, полученным Центром исследований рынка труда и социальных процессов ИЭ РАН в 2002–2003 гг. (Обследования социальной защищенности населения 2002 и 2003 гг. проведены при содействии Международной организации труда соответственно в трех и двух регионах России), российские предпринимательницы оценивают свои возможности получения предпринимательских кредитов значительно ниже, чем мужчины: в 2002 г. более половины (58,6%) женщин, ответивших на этот вопрос, считали, что у них отсутствуют какие-либо возможности получения кредита (доля мужчин, придерживающихся подобного мнения, была почти на четверть меньше – 43,3%). В то же время только 17,2% женщин считали, что имеют возможность взять кредит (у мужчин так считали 18,9%). Сходная картина была получена в ходе аналогичного опроса, проведенного в 2003 г. Настораживает очень большая доля предпринимателей (как мужчин, так и женщин), выбравших ответ «не знаю». Такая ситуация, на наш взгляд, свидетельствует не только об архаичности методов ведения бизнеса, распространенных в России, но и об информационном вакууме, в котором находятся российские предприниматели (табл. 2.2).

О гендерно асимметричных возможностях получения предпринимательских кредитов свидетельствуют и результаты попыток респондентов самим воспользоваться такими кредитами. Так,

согласно опросу 2002 г., среди предпринимателей, делавших попытки получить кредит в течение трех лет, предшествовавших проведению анкетирования, успеха добились 92% мужчин и только 40% женщин. А в 2003 г. среди опрошенных не оказалось ни одной женщины, сумевшей взять кредит, в то время как среди мужчин доля таких «счастливчиков» достигала 80%. О гендерно асимметричном доступе к кредитным ресурсам говорят и данные опроса, проведенного Комистатом в октябре 2005 г.⁴ В соответствии с этим исследованием, только 14% опрошенных женщин-предпринимательниц, нуждавшихся в привлечении заемных средств, смогли взять банковский кредит. Аналогичный показатель среди мужчин составил 24%. Более того, женщинам в 2 раза чаще, чем мужчинам, отказывали в кредите⁴.

В то же время другие опросы (проведенные в других регионах, что тоже могло отразиться на результатах анкетирования) показывают фактически равную доступность банковских кредитов для мужчин и женщин. Так, опрос «Оценка деловой среды», проведенный в 2006 г. Институтом управления социальными процессами ГУ–ВШЭ, охвативший предпринимателей, имеющих бизнес разного масштаба в разных отраслях и регионах страны, показал, что мужчины и женщины фактически одинаково оценивают возможности получения банковских кредитов для своего бизнеса. Более того, у женщин оценки подобных возможностей выглядят даже более оптимистично, чем оценки мужчин (рис. 2.5). Другой вопрос, что большинство и мужчин, и женщин, включенное сегодня в предпринимательскую деятельность, в целом считает банковские кредиты малодоступными для бизнеса.

Кроме того, есть свидетельства того, что равнодоступными для мужчин и женщин являются кредиты малые и средние по своему размеру, в то время как большие кредиты женщинам фактически не выдаются. Так, по данным Фонда поддержки малого бизнеса Европейского Банка Реконструкции и Развития (рис. 2.6), женщины-предприниматели составляют значительную долю их заемщиков. В отдельных регионах около 3/4 предпринимателей, получивших кредиты по Программе «Микро», – женщины. В то же время, как следует из приведенного рисунка, с увеличением размера кредита доля женщин среди заемщиков заметно снижается. Прослеженная Фондом динамика гендерного состава заемщиков в зависимости от размера кредита хотя и является положительной, но пока не способствует сближению долей мужчин и

⁴ Комистат – территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми. 3 мая 2006 г. «БНК Коми», Сыктывкар.

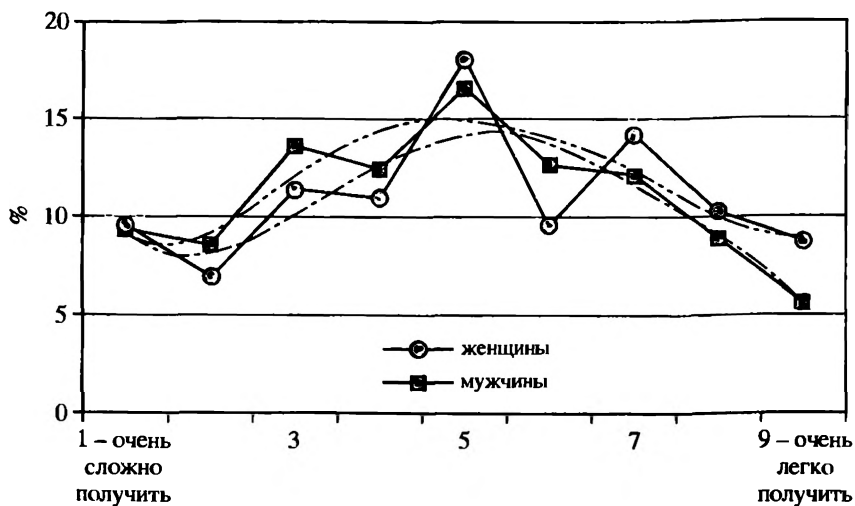

Рис. 2.5. Распределение мнений предпринимателей-мужчин и женщин о возможности получения предпринимательского кредита

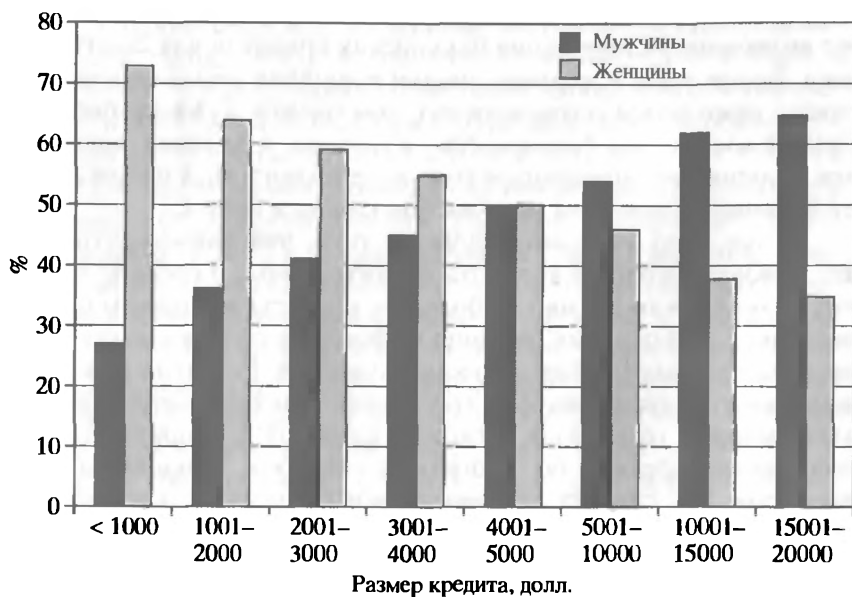

Рис. 2.6. Доля мужчин и женщин среди получателей кредитов (в зависимости от размера кредита)

женщин среди получателей больших займов: по данным Фонда, за последние полгода количество женщин-предпринимательниц увеличилось на 14,5% в категории «получатели кредита менее 1000 долларов», в то время как в других категориях (соответствующих большему размеру кредитов) – в среднем только на 11%.

Расширению доступности микро- и малых кредитов для женщин, без сомнения, способствует и то, что в стране в последние годы сформировалось множество специализированных организаций, в той или иной степени способствующих развитию женского предпринимательства. Подавляющее большинство микрокредитов, выдаваемых сегодня этими организациями, берут женщины (хотя следует учитывать, что подобная асимметрия обусловлена в том числе и большой долей женщин среди микро- и малых предпринимателей). Женщины составляют большинство получателей микрокредитов и в иных финансовых организациях. Так, в Женской микрофинансовой сети и в ФИНКА около 70% всех займов выдают именно женщинам. При этом эксперты и кредиторы подчеркивают: в сфере микрокредитования уже давно устоялось мнение о том, что женщины «лучшие заемщики, чем мужчины, так как более ответственные и аккуратны».

Основные причины гендерной асимметрии российского сообщества предпринимателей

Можно назвать несколько основных причин гендерной асимметрии работников, занятых не по найму, причем все они тесно связаны между собой. Первый важнейшей причиной, сдерживающей развитие женского бизнеса в России (да и не только в ней) выступает распространенность в обществе патриархатных представлений о гендерных ролях, в том числе стереотипов, касающихся возможностей и способностей женщин к ведению предпринимательской деятельности. Это предопределяет различия в восприятии мужчин и женщин, занимающихся предпринимательством, со стороны окружающих. Согласно этим стереотипам в целом предпринимательская деятельность в большей степени подходит мужчинам, нежели женщинам. Правда, при более детальном рассмотрении вопроса оказывается, что представления о пригодности предпринимательской деятельности для женщин или мужчин во многом зависят от того, о каком типе или виде предпринимательской деятельности идет речь. Например, ведение крупного бизнеса подавляющее большинство населения (причем не только мужчины, но и сами женщины) считают преимущест-

венно «мужским» видом деятельности. Ведение малого бизнеса представители обоих полов, как правило, закрепляют как за мужчинами, так и за женщинами с оговоркой, что эта деятельность все же подходит больше женщинам. А вот самозанятость и особенно занятость в качестве помогающего члена на семейном предприятии все единодушно закрепляют за женщинами.

Настораживает то, что подобные представления широко распространены во всех слоях российского общества, среди различных социальных групп населения, людей разного возраста. Приверженность подобным взглядам представителей властей всех ветвей и уровней – дополнительное препятствие для успешной работы женщин-предпринимателей, поскольку в условиях российской действительности законодательство работает крайне нечетко, а значительную часть процессов регулируют «отношения» и «представления».

Кроме того, и сами женщины часто придерживаются этих же гендерных стереотипов, «общепринятого» понимания своего места в предпринимательстве. Это формирует так называемую самодискриминацию (когда женщины сами себя и свои способности оценивают по многим параметрам ниже), предопределяя их недостаточную уверенность в себе, неадекватную оценку возможностей развития своего бизнеса, формируя более низкий уровень честолюбия, профессиональных амбиций и карьерных устремлений, создавая благодатную почву для толерантного отношения к фактам дискриминации по признаку пола.

Вторая причина существования гендерной асимметрии в предпринимательстве является, по сути дела, следствием широкого распространения традиционных гендерных ролей и стереотипов поведения. Это – различие в степени готовности мужчин и женщин к активному использованию возможностей, которые предоставляют новые экономические условия. Массовые опросы, проведенные накануне развала Советского Союза, показали, что большинство женщин во всех уголках страны оказалось не готово к конкуренции наравне с мужчинами в сфере наемного труда – за рабочие места, а в предпринимательстве – за право начать собственный бизнес. Так, опрос, проведенный в 1990 г., показал, что большинство женщин (64,2%) в то время было склонно к занятости, обеспечивающей небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне (что было существенно больше, чем у мужчин, среди которых подобное мнение имели только 52,8%). А вот идея иметь собственное дело, вести его на собственный страх и риск женщинам, наоборот, нравилась меньше, чем мужчинам: эту точку зрения разделяли 9,1% женщин и 17% мужчин (табл. 2.3).

Мнение женщин и мужчин об основах материального положения, наиболее предпочтительных условиях перехода к рыночной экономике
(в % от числа опрошенных, РСФСР, 1990 г.)*

Вариант ответа	Женщины	Мужчины
Иметь небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	64,2	52,8
Хорошо зарабатывать, пусть даже без гарантий на будущее	22,9	28,1
Иметь собственное дело, вести его на собственный страх и риск	9,1	17,0

* *Источник:* Условия труда и быта женщин: стат. сб. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1992. С. 492.

Таблица 2.4

Отношение мужчин и женщин к возможности иметь собственное дело
(в % от числа опрошенных, РСФСР, 1990 г.)*

Вариант ответа	Женщины	Мужчины
Желают иметь собственное дело	15,3	25,0
Нет, но, возможно, придется взяться за это	7,0	9,9
Не хотят иметь собственное дело	52,9	43,1
Затруднились ответить	14,3	14,3

* *Источник:* Условия труда и быта женщин: стат. сб. С. 504.

В том же исследовании при ответе на уточняющий вопрос о желании и возможности в будущем иметь собственное дело, вырисовывалась схожая картина: доля женщин, желающих и психологически готовых начать свое дело, была существенно ниже, чем среди мужчин: 22,3% у женщин против 34,9 — у мужчин (табл. 2.4). Соответственно доля «не желающих иметь собственное дело» женщин была выше (52,9%), чем такой показатель среди мужчин (43,1%).

За прошедшие годы ситуация несколько изменилась. В настоящее время правильнее было бы говорить не о том, что женщины в общей массе менее склонны к предпринимательству, нежели мужчины, а о том, что они менее склонны к предпринимательству по российскому образцу и в российских условиях функционирования бизнеса. Впрочем, сегодня все большее число женщин, даже если они и не хотят, бывают просто вынуждены заниматься

предпринимательством, поскольку для многих из них, такого рода деятельность, по сути дела, единственная альтернатива неоплачиваемой домашней занятости или безработице, а иногда последний доступный способ выживания для себя и своих семей. К сожалению, изменилось не только отношение женщин к участию в бизнесе, но изменились и условия, в которых возможно начало собственного бизнеса. По мнению экспертов, сегодня в подавляющем большинстве случаев размер материальных и финансовых ресурсов, необходимых для открытия и поддержания бизнеса, во много раз превосходит те суммы, которых было достаточно для этого еще десять лет назад.

Третья причина, тесно связанная с предыдущими двумя, базируется на гендерных различиях в доступе к ресурсам, в первую очередь материальным. Ведь открытие бизнеса, как правило, требует значительного начального капитала. Основа современных гендерных различий в доступе к материальным ресурсам была заложена еще на начальном этапе радикальных экономических реформ, в период приватизации, которая хотя и была формально гендерно нейтральной, но в действительности практически не коснулась женщин (исключая приватизацию жилья). Дело в том, что выигрыш от участия в этом процессе получили в основном те, кто в момент приватизации стоял у власти (разного уровня). Поскольку накануне приватизации мужчины среди руководителей предприятий и организаций составляли подавляющее большинство – 95%⁵, то становится понятно, что женщины не располагали ресурсами для приватизации собственности крупного и среднего размера. В результате активность экономического поведения у российских женщин оказалась ограничена меньшими, чем у мужчин, материальными возможностями для основания и ведения своего бизнеса.

Сегодня наиболее благоприятные материальные условия для создания своего бизнеса среднего или даже крупного размера имеют в основном женщины, обладающие возможностями использовать родственные связи с мужчинами, занимающими высокие позиции в бизнесе или коридорах власти. Таким образом, часть женщин, желающих открыть свой бизнес, но не обладавших необходимой родственной поддержкой, в отсутствии доступа к ресурсам, практически получила доступ лишь к неформальному сектору экономики, мелкому предпринимательству.

⁵ Условия труда и быта женщин: стат. сб. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1992. С. 204.

Еще одно достаточно важное препятствие на пути развития женского бизнеса в России заключается в противодействии женского бизнес-сообщества поднятию гендерной тематики при обсуждении вопросов развития предпринимательства. В этом сообществе достаточно распространенным является мнение, что предпринимательство не имеет пола, а женское предпринимательство не нуждается в особых программах для своего развития. Впрочем, по мнению автора данного материала, это препятствие вполне преодолимо с помощью профессионально построенного и проводимого гендерного образования и просвещения.

Среди обстоятельств, сдерживающих сегодня развитие предпринимательства среди женщин, следует отметить также недостаточную поддержку их инициатив властными структурами разного уровня; недостаточность налоговых льгот; содействия в техническом оснащении; отсутствие экономического (бизнес-) образования и навыков менеджмента; малодоступность институциональной поддержки развития бизнеса. Асимметричность представительства женщин в системе власти (как исполнительной, так и законодательной) и в ассоциациях предпринимателей и работодателей также не способствует продвижению интересов женщин-предпринимателей.

Перспективы развития женского предпринимательства

Попробуем оценить перспективы развития женского предпринимательства в России, но сразу подчеркнем, что это будет именно оценка. В целом хочется отметить, что, исходя из анализа статистических и социологических данных, перспективы развития женского предпринимательства в России представляются достаточно благоприятными, хотя и не блестящими (размах траекторий этого развития колеблется от «сохранения статус-кво» до «бурного развития»). Перспективы развития женского бизнеса в России во многом будут зависеть и от темпов развития самого бизнеса и особенно от темпов развития малого и среднего бизнеса (до сих пор развитие этого сегмента предпринимательства явно недостаточно). Об этом, в частности, свидетельствует опережающий рост численности женщин-предпринимателей по сравнению с численностью предпринимателей-мужчин и увеличение доли женщин среди всех предпринимателей.

О том, что в будущем женщины в бизнесе будут играть более значимую роль, говорит и то, что женская молодежь все активнее вступает в ряды предпринимателей. Об этом, в частности, свидетельствует опрос индивидуальных предпринимателей в сфере бы-

тового обслуживания населения, проведенный Росстатом в 2002 г. Результаты опроса показывают, что существует прямая зависимость доли женщин среди индивидуальных предпринимателей от возраста этих предпринимателей. Так, среди предпринимателей до 20 лет женщин 70%; среди тех, кому 21–30 лет, – 48%; от 31–40 лет – 43,3; 41–50 лет – 40,1; 51–60 лет – 39,1; старше 61 года – 28,1%.

О скрытом (пока) потенциале женщин говорит также очень высокий уровень образования россиянок и их высокая доля среди тех, кто уже получил или еще получает экономическое образование. Но самое главное, в прошлое уходит представление о том, что «бизнес – не женское дело». Яркие примеры российских женщин-предпринимателей, успешно ведущих свое дело, обязательно помогут другим женщинам: «она смогла это сделать, смогу и я».

СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА МЕЖДУ МУЖЧИНАМИ И ЖЕНЩИНАМИ

Труд и причины его асимметричного разделения между мужчинами и женщинами – одна из наиболее мифологизированных и стереотипизированных областей экономических отношений. Это касается гендерного аспекта трудовых отношений как в сфере общественного, так и в сфере домашнего труда, который лишь относительно недавно попал в поле зрения экономической науки. Развитие женских и гендерных исследований, с одной стороны, и обращение к гендерной проблематике представителей неоклассической экономической мысли (теория «новой экономики домашнего хозяйства» Г. Беккера) – с другой, способствовали появлению принципиально новых подходов и взглядов на такие проблемы, как гендерное разделение труда внутри домохозяйства, дискриминация в занятости, неравенство в оплате труда и др. Поведению членов домохозяйства был придан экономический смысл, благодаря чему вопросы распределения труда и ресурсов в «приватной» сфере были включены в систему анализа экономических отношений. Общественная деятельность и домашний труд стали рассматриваться не только как две неотъемлемые «стороны медали», но анализироваться как «единая гендерная система».

Характеризуя положение женщин на рынке труда в современной России, большинство исследователей пишет о гендерной дискриминации, а социально-экономический анализ семейных отношений пестрит такими определениями, как «кризис», «неравенство», «домашнее насилие» и т.п. Как будет показано в данном па-

раграфе, многие негативные факты положения женщин и мужчин в сфере труда и семьи неразрывно связаны с широкой распространенностью гендерных стереотипов. И прежде всего с тем, что разделение труда между мужчинами и женщинами на работе и дома – наиболее стереотипизированная область гендерных отношений. Интерпретация накопленного российскими исследователями фактов гендерного неравенства на макро- и микроуровнях требует четкого определения основных понятий и исходных посылок анализа.

Прежде всего необходимо определиться с такими понятиями, как «гендерный стереотип» и «гендерная дискриминация», выявив их различие и взаимосвязь⁶. «Стереотипное мышление, как правило, основывается на предрассудках, т.е. предвзятых представлениях и мнениях, которые члены одной социальной группы выражают применительно к другим; тогда как *дискриминация* – это фактическое поведение по отношению к ним»⁷. При анализе гендерных стереотипов и дискриминации в качестве таких групп выступают женщины и мужчины (хотя в других ситуациях это могут быть группы, выделенные по расовым, возрастным и другим стратификационным признакам). Ценность данного определения Э. Гидденса для целей нашего анализа состоит в том, что, с одной стороны, в нем проведена четкая грань между стереотипами и дискриминацией, а с другой – показана взаимосвязь этих понятий, позволяющая увидеть, как предрассудки (стереотипы) перерастают в негативные действия (дискриминацию)⁸. Предрассудки складываются на основе искаженной или неполной информации. Например, гендерные предрассудки (стереотипы) в отношении женщин приводят к низкой социальной оценке их труда, что в сфере трудовых отношений находит конкретное выражение в более низкой заработной плате женщин по сравнению с мужчинами. В настоящее время, с одной стороны, многие предрассудки относительно женщин ослабевают, с другой – появляются новые. Говоря об источниках гендерных предрассудков, прежде всего называют неравный социальный статус женщин и мужчин в

⁶ Напомним, что под социальным стереотипом мы понимаем «стандартизованный, устойчивый, эмоционально насыщенный, ценностно определенный образ, представление о социальном объекте». См.: Энциклопедический социологический словарь / под ред. Г.В. Осипова. М., 1995. С. 771.

⁷ Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 264.

⁸ «Хотя иногда эти два явления (стереотипы и дискриминация) могут существовать относительно автономно друг от друга, но в большинстве случаев они тесно взаимосвязаны». (Там же. С. 265.)

обществе: предрассудки помогают оправдывать экономическое и социальное доминирование тех, у кого в руках власть и богатство. Предрассудки и дискриминация находятся в отношениях взаимной поддержки: дискриминация поддерживает предрассудок, а предрассудок узаконивает дискриминацию.

В количественном отношении сфера общественного труда в России сегодня выглядит вполне гендерно сбалансированной: мужчины составляют 50,6%, а женщины – 49,4% занятых в общественном хозяйстве⁹. Однако распределение мужчин и женщин по отраслям и видам деятельности, особенно высокооплачиваемым, неравномерно, в результате чего средняя оплата труда женщин составляет всего лишь 64% заработной платы мужчин¹⁰. Распределение мужчин и женщин по статусу занятости также является гендерно асимметричным, поскольку женщины концентрируются на нижних ступенях профессиональной иерархии, а среди руководителей всех уровней и представителей органов власти преобладают мужчины (61,9%)¹¹. Несмотря на то что среди работников с высшим образованием женщин значительно больше, чем мужчин (диплом о высшем образовании имеют 25% работающих россиян и лишь 20% занятых мужчин)¹², среди тех, кто принимает политические и экономические решения женщины фактически не представлены¹³.

Ограниченный доступ женщин к высокой оплате труда и руководящим должностям в значительной мере порожден дискриминацией женщин на рынке труда, основанной на гендерных стереотипах. К числу наиболее распространенных гендерных стереотипов в сфере общественного труда относится деление профессий на «мужские» и «женские» (гендерная сегрегация), а также представление работодателей, что женская рабочая сила менее «выгодна» и более затратна, чем мужская. Основанная на стереотипах профессиональная сегрегация женщин и мужчин в сфере труда порождает гендерное неравенство, которое постоянно воспроизводится. Занимающие преимущественно низкооплачиваемые рабочие места и рядовые должности женщины практически исключены из процесса принятия решений и поэтому имеют ограниченные возможности для защиты своих трудовых прав и интересов. Между тем мужчины, преобладающие среди руководителей, заинтересо-

⁹ Труд и занятость в России 2005: стат. сб. / Росстат. М., 2006. С. 70.

¹⁰ Там же. С. 447.

¹¹ Там же. С. 80.

¹² Доклад о развитии человеческого потенциала в РФ 2005. ПРООН, 2005. С. 76.

¹³ Там же. С. 81.

ваны в сохранении своего привилегированного статуса и готовы и далее распределять ресурсы в свою пользу¹⁴.

Можно говорить о четырех уровнях, на которых в сфере общественного труда осуществляется дискриминация, основанная на гендерных стереотипах, или создаются предпосылки для дискриминации:

- законодательный;
- уровень исполнительной власти;
- работодатели;
- работники.

На законодательном уровне гендерная дискриминация в сфере общественного труда запрещена, что нашло отражение в ст. 3 Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ). При этом следует учитывать, что данная статья ТК РФ не раскрывает, собственно, самого понятия «дискриминация», но устанавливает ее запрет. Это порождает множество проблем в отстаивании трудовых прав работников особенно в судах. Кроме того, ТК РФ допускает «повышенную социальную защиту» для ряда лиц, в том числе женщин, однако данную меру нельзя признать как «позитивную меру» в строгом международном значении данного понятия¹⁵. В гл. 41 ТК РФ «Особенности регулирования труда женщин, лиц с семейными обязанностями» содержатся нормы (ст. 253), ограничивающие и запрещающие применение труда женщин на отдельных видах работ¹⁶. Существует официальный перечень, в который входят около 600 видов работ, профессий и должностей, запрещенных для женщин, связанных преимущественно с тяжелыми и вредными работами¹⁷. Но, несмотря на ограничения и запреты, доля занятых на этих работах растет (с 1999 по 2003 г. доля мужчин увеличилась с 26,4 до 28,6%, а доля женщин – с 14,9 до 16,3%¹⁸.

Как видим, запретительные меры не ведут к действенной охране труда женщин, но зато являются питательной средой для гендерных стереотипов о «невыгодном» женском труде. К тому же они дают повод и основание для расширительного толкования

¹⁴ Социология гендерных отношений: учеб. пособие для вузов / под ред. З.Х. Саралиевой. М.: РОССПЭН. 2004. С. 106.

¹⁵ Гвоздицких А.В. Рекомендации по процессуальной работе представителя в делах о дискриминации в трудовых отношениях. Центр социально-трудовых прав. М., 2008. С. 10.

¹⁶ Трудовой кодекс Российской Федерации. Официальный текст. М., 2002. С. 113–114.

¹⁷ Доклад о развитии человеческого потенциала в РФ 2005. С. 76.

¹⁸ Там же. С. 76.

запретов на профессии для женщин, когда, например, в списках вакансий профессия «инженер» маркируется как «мужская». Заметим, что и сам список запрещенных для женщин работ с точки зрения современных подходов к проблемам гендерного равенства и международных стандартов труда также не бесспорен. Любые исключения, а тем более запреты, ограничивающие возможности женщин в сфере труда, противоречат ст. 37 Конституции РФ, букве и духу международных договоров и Конвенций, которые после их ратификации считаются включенными в правовую систему РФ (ст. 15 Конституции РФ). Такого рода политика, ограничивающая возможности женщин в сфере труда:

- вводит двойной стандарт для работников мужчин и женщин, когда только мужчинам дано право самим принимать решение о выборе работы;

- рассматривает женщин как недееспособных граждан, которые не в состоянии самостоятельно принять решение о выборе работы, и этот вопрос за них решает государство;

- является дискриминационной в отношении мужчин (тяжелые и вредные условия труда губительны для их здоровья также);

- не стимулируют работодателей к улучшению условий труда.

Исключение составляют специальные меры по охране материнства, которые согласно ст. 4 Женской Конвенции ООН 1979 г. не считаются дискриминационными. Однако эти меры должны рассматриваться не как «льготы» для работающих женщин, а как создание возможностей для реализации их репродуктивных прав. В то время как развитие международного трудового права идет по пути «отказа от патерналистских и запретительных мер в отношении труда женщин; от протекционизма – к учету их волеизъявления; от законодательства, основанного на идеях защиты женщин, – к концепции гендерного равенства в сфере труда»¹⁹, в российском ТК, принятом в 2002 г., патерналистско-запретительное «регулирование» труда женщин сохранено. Эти нормы ТК РФ создают предпосылки для дискриминации женщин в сфере общественного труда и способствуют воспроизведению на законодательном уровне гендерного стереотипа «неполноценности» женщины как человека и работника.

На уровне исполнительной власти государство в лице своих чиновников Государственной службы занятости (ГСЗ) также способствует проведению дискриминационной политики, основанной на гендерных стереотипах. Стереотипизация как жесткое разгра-

¹⁹ Азбука прав трудящихся женщин и гендерного равенства. Женева. МОТ. 2000. М.: Права человека. 2002. С. 18.

ничество рабочих мест на «мужские» и «женские», основанное не на научных и законодательных критериях, а на гендерных стереотипах, является одним из важнейших барьеров на пути гендерного равенства в сфере труда. Исследования показывают, что маркировка вакансии как «мужских» или «женских» – обычная практика российских государственных служб занятости. При этом речь идет не о профессиях из официального списка запрещенных для женщин работ, а лишь о заявках работодателей, имеющих предубеждения против женской рабочей силы. Например, в публикации мониторинга рынка труда был помещен следующий комментарий: «Доля женских вакансий составила лишь 21%, в то же время среди безработных 76,4% женщин»²⁰. Как видим, чиновники государственных служб занятости не стоят на страже ТК РФ, запрещающего гендерную дискриминацию, а «идут на поводу» у работодателей, предпочитающих нанимать на работу мужчин, и тем самым воспроизводят их дискриминационные требования, расширяя рамки социального гендерного неравенства. В практике трудоустройства населения через Государственную службу занятости, территориальные отделы которой действуют во всех городах и сельских районах России, ежедневно производится и воспроизводится гендерная сегрегация работников еще на стадии поиска работы. Это сокращает доступ женщин к значительному числу профессий и должностей, предполагающих более высокий уровень оплаты труда, поскольку в списках вакансий ГСЗ они маркированы как «мужские».

Работодатели, осуществляющие дискриминацию по признаку пола, основанную на гендерных стереотипах, чувствуют себя на рынке труда полными хозяевами, практически не ограниченными рамками трудового законодательства. Несовершенство трудового законодательства, в котором есть запрет дискриминации, но отсутствуют четко прописанные меры наказания за подобные практики, делает их безнаказанными. Исследование по вопросам дискриминации в сфере труда, проведенное Центром социально-трудовых прав (ЦСТП) в 2007 г., показало, что часть работодателей оправдывает гендерную дискриминацию, если она позволяет избежать затрат и лишних забот о работнике (например, в случае беременных женщин). «Работодатели хотят видеть у себя “чистую рабочую силу”, не отягощенную личностными и социальными особенностями, т.е. работников, которые не боле-

²⁰ Гендерная динамика в развитии российского рынка труда и перспективы социального партнерства. М.: МЦГИ, 2002. С. 5.

ют, не беременеют, не имеют семей и детей»²¹. Оправдывая гендерную дискриминацию, работодатели не всегда отдают себе отчет в том, что проблема дискриминации в сфере труда жестко детерминирована законом – это запрещенное явление, которому нет и не может быть оправдания. Но поскольку для работодателей дискриминация – инструмент манипулирования работниками, от которого они не могут отказаться, то они или стараются подменить эту проблему какой-то другой (мотивацией, «организационным равновесием»), или пытаются игнорировать, маскировать и даже обосновывать необходимость дискриминации.

По данным обследования, проведенного Центром исследований рынка труда, 88% опрошенных работодателей указали на предпочтение в приеме на работу мужчин²². К числу наиболее «веских аргументов» относились следующие: у мужчин выше производительность труда и они менее конфликтны. Существенную роль в негативной оценке женщин как работниц играло мнение работодателей, что женская рабочая сила повышает издержки: «женщины стоят дороже». Считается, что некоторые «льготы» для женщин снижают привлекательность женской рабочей силы (около 60% работодателей). Кроме того, работодатели ссылались на «частое отсутствие женщин на работе», а также на «отсутствие у женщин заинтересованности в работе»²³.

Поскольку в задачи указанного исследования входил не только анкетный опрос работодателей, но и проверка реального положения с занятостью мужчин и женщин на этих же предприятиях, то было выявлено множество несовпадений между их предвзятыми мнениями о качестве женской рабочей силы и действительностью. Это позволило авторам исследования сделать следующие выводы: во-первых, «результаты обследования не дали сколь-нибудь весомых подтверждений более низкого качества либо более высоких издержек, связанных с женской рабочей силой»; во-вторых, «предпочтение мужчин или женщин на те или иные должности во многом было обусловлено субъективным представлением работодателей о достоинствах и недостатках мужской и женской рабочей силы»²⁴. Исследование доказало, что разное отношение к мужчинам и женщинам со стороны работодателей было основано не на реальных качествах работников, а на предрассудках, т.е. гендерных стереотипах.

²¹ Бизюков П.В. Дискриминация в сфере труда: распространенность, формы и причины существования / Центр социально-трудовых прав. М., 2008. С. 56.

²² Гендерное равенство в России: доклад. М.: Изд. дом «РЕАТЕ», 2001. С. 28.

²³ Там же. С. 33–34.

²⁴ Там же. С. 36.

Работники, так же как и работодатели, в большинстве случаев являются носителями гендерно-стереотипного сознания. Исследование, проведенное Федерацией независимых профсоюзов России (ФНПР) летом 2007 г., показало, что среди работников производства и обслуживания распространенность такого стереотипа, как «мужчина должен зарабатывать больше женщины, он – кормилец в семье», даже выше (19%), чем среди администрации и работодателей (6%). При этом у работников-мужчин, занятых на производстве, данный стереотип в 2,5 раза популярнее, чем среди женщин (24,3 и 10,8% соответственно). Среди занятых в сфере обслуживания картина обратная: здесь эти стереотипные представления вдвое чаще высказывали женщины, чем мужчины²⁵. Это означает, что гендерные стереотипы очень сильны и принимают-ся даже теми группами, против которых они действуют.

В упоминавшемся выше исследовании 2007 г., проведенном (ЦСТП), изучалось отношение наемных работников к вопросам дискриминации в сфере труда. Как следует из отчета ЦСТП, представления работников о трудовых отношениях не менее, а иногда даже более, стереотипизированы, чем мнения работодателей, которые в большинстве случаев лучше, чем работники, знают трудовое законодательство. Так же, как и работодатели, наемные работники оказались готовы оправдывать гендерную и возрастную дискриминацию, считая ее допустимой. По мнению исследователей, именно при обсуждении темы «оправдания» трудовой дискриминации обнаружилось множество стереотипов в восприятии и оценке работников разного пола. В том числе в отчете приводятся такие высказывания: «Нашему руководителю легче работать с мужчинами», «Им (руководителям. – З.Х.) работники нужны, а не женщины на больничном», и даже по поводу того, что некоторые руководители не берут на работу беременных и женщин с детьми, было высказано мнение, что «это оправданная дискриминация»²⁶. Все эти высказывания принадлежали женщинам-работницам. При чтении мнений женщин-работниц, приведенных в отчете ЦСТП, создается впечатление, что женщины забыли о том, что сами были (или будут) беременными, и рьяно отстаивали не свои законные трудовые права, а возможность их нарушения со стороны работодателя. Кроме того, исследователи отметили, что «молодые работники более жестко и критично,

²⁵ Автор параграфа была научным консультантом при разработке программы анкетного исследования ФНПР «Гендерное равенство в России» и принимала участие в анализе его результатов, которые здесь частично представлены.

²⁶ Бизюков П.В. Указ. соч. С. 42.

чем старшие, выступают по поводу оправданий трудовой дискриминации. Они либо не видят проявлений трудовой дискриминации, не задумываются об этом, либо активно ее оправдывают»²⁷. Результатам индивидуальной борьбы с дискриминацией путем обращения в суд наемные работники единогласно дали негативную оценку, поскольку конкретный человек или не сможет победить в борьбе за свои права, а если победит, то не сможет сохранить эту работу и будет вынужден уволиться. К сожалению, этот вывод подтверждается и жизнью, и практикой судопроизводства по трудовым правам.

Исследование, проведенное МЦГИ в городе Рыбинске, позволило взглянуть на вопрос о причинах дискриминации женщин при приеме на работу с точки зрения горожан²⁸. В вопросах негативной оценки женщин как работников и соответственно позитивной оценки мужчин-работников абсолютным лидером оказался вариант ответа «мужчины реже берут больничный и сидят дома с больными детьми» (63,8% мужчин и 73,5% женщин). Следующий по распространенности ответ – «у женщин слишком много семейных обязанностей» (соответственно 39,5 и 41,0%). Наконец, на третьем месте был ответ – «мужчина должен содержать семью» (30,7 и 28,3%). Как видим, по всем этим вариантам расхождений между мнениями представителей обоих полов практически не было. Стереотипы о «семейном предназначении женщин» и о «мужчине как хорошем работнике и кормильце» достаточно широко распространены. Они глубоко внедрены в сознание не только мужчин, но и женщин, не только работодателей, но и самих работников, поэтому гендерные стереотипы служат благодатной почвой для дискриминации женщин в сфере общественного и домашнего труда.

С этим связан **гендерный разрыв в оплате труда мужчин и женщин** как наиболее острая проблема дискриминации в трудовой сфере. В целом по стране (в соответствии с официальной статистикой ФСГС) в 2005 г. средняя заработная плата женщин составляла 63,7% от заработной платы мужчин. И это при том, что российские женщины имеют существенное преимущество по сравнению с мужчинами по человеческому капиталу, который характеризуется возрастом, уровнем образования и специфическим стажем работы (т.е. на последнем месте работы). Это нашло отражение в большем среднем числе лет обучения женщин (12,9 лет

²⁷ Там же. С. 42.

²⁸ Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания. Т. 1. М.: МЦГИ, 1998. С. 199–206.

**Средняя начисленная заработная плата женщин и мужчин
по группам занятий и уровню образования за 2005 г. (в руб.)**

Работники	Всего	В том числе имеющих образование					
		высшее профессиональное	среднее профессиональное	начальное профессиональное	среднее (полное) общее	основное общее	не имеют основного общего
Женщины	6926	9504	6320	5570	5260	4286	3972
Мужчины	10869	14307	10197	9842	9894	8119	7219
Отношение заработной платы женщин к зарплате мужчин, %	63,7	66,4	62,0	56,6	53,2	52,8	55,0

Источник: Женщины и мужчины России – 2006. Федеральная служба государственной статистики: <http://www.gks.ru>.

и 12,6 лет – для мужчин), в преобладании женщин среди лиц с высшим образованием, а также в более длительном, чем у мужчин стаже работы на последнем месте работы (7,6 лет для женщин и 6,5 – для мужчин)²⁹. Исходя из этого, неравенство в оплате труда женщин и мужчин следует рассматривать как факт дискриминации, который ведет к нерациональному использованию человеческого капитала женщин. Данные Росстата о заработной плате работников в зависимости от уровня их образования подтверждают этот вывод (табл. 2.5).

Данные табл. 2.5 позволяют сделать несколько важных выводов. Заработная плата женщин ниже, чем у мужчин, во всех образовательных группах. Но самым вопиющим проявлением неравенства выглядит тот факт, что женщины с высшим образованием, имели в среднем более низкую заработную плату (9504 руб.), чем мужчины, окончившие всего лишь среднюю школу (9894 руб.). Самый большой, почти двукратный разрыв в заработках женщин и мужчин, наблюдается в группе работников с основным средним образованием (неполной школой), и по мере повышения

²⁹ Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в России в контексте целей развития тысячелетия (текст доклада подготовлен С.Ю. Роциным). ПРООН, М.: 2005. С. 12–13.

образовательного уровня гендерный разрыв сокращается. Наиболее существенный прирост заработка у женщин дает только высшее образование, когда их зарплата возрастает почти на $\frac{1}{3}$ по сравнению с работницами, имеющими диплом о среднем специальном образовании. Это – существенный стимул для женщин к получению высшего образования. Поскольку у мужчин нет прямой зависимости зарплаты от уровня образования, то они имеют меньше материальных стимулов к повышению его уровня, чем женщины. Дискриминационный разрыв в оплате труда женщин создает, с одной стороны, гендерные проблемы недооцененного «избыточного» образования женщин, а с другой – явно недостаточного для перспективных целей развития российской экономики уровня образования мужчин.

Многочисленные исследования, проведенные в разных странах, показывают, что около $\frac{1}{3}$ разрыва в оплате труда мужчин и женщин обусловлено наличием *профессиональной сегрегации*, которая тесно связана с гендерными стереотипами в отношении мужчин и женщин и их трудовых качеств³⁰. Гендерная асимметрия в оплате труда настолько глубока, что прослеживается даже на уровне отраслей. Сопоставление изменений отраслевых пропорций занятости по полу с тенденциями изменений в уровне заработной платы позволяет сделать вывод, что в последние 10–15 лет в отраслях с повышающимся уровнем заработной платы (финансы, торговля, управление, частное здравоохранение) мужчины активно и успешно конкурировали за рабочие места с женщинами, вследствие чего кадровый состав этих отраслей «маскулинизировался». А в тех отраслях, где зарплата имела тенденцию к понижению (образование, лесное хозяйство), мужчины покидали рабочие места и шел процесс «феминизации» занятости.

Было время, когда из профессионального лексикона практически ушли такие названия профессий как кассир, вахтер (охранник), бортпроводник, продавец. Вместо них использовались «кассирша», «вахтерша», «стюардесса», «продавщица». На наших глазах во все эти профессии активно приходят мужчины. Что изменилось в этих профессиях с приходом мужчин? Конечно, зарплата. При этом не так просто понять, где здесь причина, а где – следствие: то ли мужчины пришли в эти профессиональные группы, потому что здесь стали больше платить, то ли платить стали больше потому, что пришли мужчины? Одновременно с процессом активного перехода мужчин в бывшие «женские» профессии,

³⁰ Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / отв. ред. Е.Б. Мезенцева. М., 2002. С. 314.

идет процесс вытеснения женщин из ряда профессий, например, таких как инженеры и программисты.

Эти примеры гендерных сдвигов в отраслевом и профессиональном составе, когда одни и те же профессии, которые долгое время считались преимущественно «женскими», теперь становятся «мужскими», свидетельствуют о том, что представления о «мужских» и «женских» профессиях ни на чем другом, кроме гендерных стереотипов, не основываются. Точно так же расширение в последние годы занятости женщин в сфере бизнеса доказывает на практике несостоятельность гендерных стереотипов, основанных на мифах о том, какую работу могут или не могут делать женщины.

Еще одним распространенным в сфере труда стереотипом выступает представление о том, что «женщины сами не хотят выполнять функции руководителя и брать на себя ответственность». Этот стереотип позволяет считать неподходящими для женщин все виды деятельности, связанные с управлением и руководством. Это делает для женщин мало- или труднодоступными такие профессии, как руководитель, топ-менеджер, государственный чиновник высокого ранга и т.п. Следствие распространенности и живучести данного стереотипа – *вертикальная гендерная сегрегация* на рынке труда, которая является более существенной, чем *горизонтальная сегрегация*, детерминантой гендерного разрыва в оплате труда.

Здесь правомерен вопрос, насколько соответствует действительности стереотип о том, что «женщины сами не хотят делать карьеру и выполнять функции руководителя»? Данные упоминавшегося выше анкетного опроса ФНПР позволяют в определенной мере ответить на него отрицательно. На сформулированный вопрос: «Какие трудовые права чаще всего нарушаются по признаку пола?» каждая четвертая из женщин отметила, что главное – это нарушение их прав на профессиональное и должностное продвижение. Этот ответ занял у женщин-респонденток в ряду распределения первое место. На второе место по значимости (23%) женщины поставили *проблему нарушения их прав на участие в управлении*. Таким образом, практически каждая вторая из опрошенных женщин видит главное нарушение своих трудовых прав в том, что для них затруднен доступ к управлению и карьерному росту. Эти данные опровергают стереотипное представление о женщинах как не желающих руководить и делать карьеру. Для мужчин-респондентов обе эти проблемы не выглядят столь серьезно (20 и 17% соответственно). На первое место по значимости они поставили вопрос о справедливой зарплате (25%).

Аналогичная ситуация и с политическими правами, где женщины намного выше (27%), чем мужчины (18%), оценили значимость для них таких прав, как «право равного представительства мужчин и женщин в любых органах власти» и «право на занятие руководящих должностей в органах власти» (18% женщин против 13% мужчин). То есть вновь 45% опрошенных женщин подчеркнули, что вопросы равного представительства во власти и нарушение прав на занятие руководящих должностей – важная для них проблема. Это ли не доказательство актуальности и значимости вопросов гендерного равенства и несостоятельности гендерных стереотипов!

Таким образом, общественный труд, который до начала XX в. почти полностью был «царством» мужской занятости, хотя и выглядит в начале XXI в. в количественном отношении гендерно сбалансированным, но качественно по-прежнему остается «недружественной» женщинам сферой. Это выражается в несправедливом разделении труда между мужчинами и женщинами, а также в многообразных формах проявления гендерной дискриминации, основанной на социокультурных стереотипах.

В соответствии со стереотипными представлениями о домашнем труде его не считают «настоящей работой», поэтому о домохозяйке обычно говорят: «она сидит дома, не работает». Благодаря женским и гендерным исследованиям вопрос о том, что такое «работа» был проблематизирован и изучен под другим углом зрения. Как отмечала Кристин Дельфи, работа – «это то, посредством чего производятся предметы потребления и услуги. Она нужна людям, чтобы удовлетворить материальные, прежде всего жизненно необходимые, потребности, а также связанные с общением, самореализацией, повышением статуса и т.д. Домашняя работа также направлена на производство потребительских благ и связана с оказанием услуг членам семьи. Разделение труда на два вида является искусственным и не имеет экономического смысла, поскольку конечной целью и той, и другой работы является потребление»³¹. Наконец, учитывая, что по оценкам специалистов «вклад неоплачиваемого труда в экономику составляет в разных странах от четверти до половины величины ВВП»³², его исключение из экономического анализа трудно оправдать.

³¹ По мнению экономиста Кристин Дельфи, работа по обслуживанию домохозяев является бесплатной лишь в силу подчиненного положения женщин, если бы женщины не выполняли ее бесплатно, то пришлось бы обращаться к соответствующим платным службам сервиса.

³² Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики. С. 287.

Работники продают свою рабочую силу на рынке труда в обмен на заработную плату. Домашний труд женщины не имеет такого обмена, что создает основу для его мистификации, способствует живучести стереотипных представлений, что домашний труд не является собственно трудом, что главная роль в семье принадлежит тому, кто приносит в дом заработанные деньги. Это определяет «главенство» мужчины и создает семейную иерархию власти и подчинения, которая ведет к неравному разделению труда и ресурсов в семье³³. В то же время «базовая предпосылка гендерных теорий состоит в том, что статус женщин на рынке труда является следствием подчиненного положения женщины в семье и отражением патриархатной организации общества»³⁴.

Бюджеты времени показывают, что у женщин средние затраты времени в неделю на все виды домашнего труда составляют 30, а у мужчин – 14 часов³⁵. «Рыночные реформы привели не к сокращению, а к реструктуризации домашнего труда. В большинстве случаев произошло возрастание объемов домашнего труда за счет замены рыночных товаров и услуг домашними как более дешевыми и доступными. Особенно это касается социальных услуг, связанных с уходом за детьми и престарелыми. При этом тенденция к натурализации домашнего хозяйства с падением уровня доходов семьи усиливается»³⁶. Мужчины иногда «помогают» женам в работе по дому (типичная фраза из интервью как мужчин, так и женщин), но практически никогда не становятся партнерами, разделяющими домашнюю работу со своими супругами. Как показывают исследования, дефицит времени – серьезное препятствие на пути роста человеческого капитала, а следовательно, и благосостояния женщин. Этот фактор также оказывает отрицательное влияние на состояние их здоровья³⁷. Именно ухудшение здоровья и благосостояния женщин выступают наиболее серьезными последствиями их перегруженности работой на производстве и дома. Лишь постепенный

³³ Нельзя не согласиться с мнением Хейди Хартман, которая считает, что современная семья по-прежнему остается сферой, в которой власть над женским трудом принадлежит мужчине, а мерилom мужской власти является их свобода от домашнего труда и семейных обязанностей. И как заметил Дж.К. Гэлбрайт, с начала XX в. слуги представляют лишь меньшинство работающих, но «жена-слуга для дома доступна практически всему мужскому населению».

³⁴ Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики. С. 309.

³⁵ Доклад о развитии человеческого потенциала в РФ 2005. С. 78.

³⁶ Журженко Т. Социальное воспроизводство как проблема феминистской теории // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 38.

³⁷ Пачи П. Гендерные проблемы в странах с переходной экономикой. М.: Алекс, 2003. С. 36.

отказ от внутрисемейных отношений, основанных на стереотипе «мужчина – кормилец, женщина – хранительница домашнего очага», могут улучшить положение женщин в этой сфере.

Хотя проблема «двойной занятости» остается актуальной, но ее решение путем освобождения женщины от одной из нагрузок себя не оправдало. Это доказано самой жизнью: ни эксперименты послереволюционных коммунистов по уничтожению быта, ни предложения современных традиционалистов по закреплению за женщиной только сферы семьи в реальности оказались неосуществимыми. Ведь проблема состоит не в том, что женщина вынуждена отрабатывать вторую «домашнюю смену», а в том, что муж не поступает точно так же. Эта проблема возникает в семьях, поскольку патриархатными стереотипами и традициями домашняя работа закреплена только за женой как исключительно ее обязанность, а не общая для всех членов семьи. Исходя из этого, как международное сообщество, так и гендерно ориентированные исследователи предлагают не «избавлять» женщин от семейных обязанностей или от работы, а сделать репродуктивный труд для семьи общим семейным делом.

Гендерные стереотипы «портят жизнь» не только женщинам, но и мужчинам, которые испытывают негативные последствия асимметричной модели внутрисемейных отношений. Если для женщины выбор «семья–работа» теоретически существует, то для мужчин вопрос о подобном выборе даже не ставится: он уж точно должен «быть добытчиком». Это – пример дискриминации в отношении мужчин. С одной стороны, доказывая свое право распоряжаться властью и деньгами, мужчины так высоко подняли «планку» преимуществ своего пола перед женщинами, что сами стали заложниками гендерных стереотипов «маскулинности», которым не все из них могут соответствовать. Чтобы избежать крушения мужской идентичности и компенсировать свою несостоятельность по стереотипу богатого и успешного кормильца семьи, мужчины начинают демонстрировать преувеличенную «мужественность» в других областях – алкоголизме, криминале, насилии. Эта так называемая компенсаторная мужественность ведет к преувеличенной агрессивности в быту, выражающейся в семейном насилии, а также к агрессии в обществе.

С другой стороны, в российском обществе широко распространены гендерные отношения мужчин и женщин, которые американский этнограф Н. Рис называет «очевидным парадоксом»³⁸.

³⁸ Рис Н. Гендерные стереотипы в российском обществе: взгляд американского этнографа // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 44–45.

Он заключается в том, что 70 лет коммунистической идеологии, соответствующего образования и пропаганды, а также официальных стараний внедрить в общество идею равенства женщин и равного их участия в общественной жизни мало чего достигли в поднятии статуса женщин как в умах людей, так и в реальной действительности. В результате чего для Н. Рис совершенно очевидно, что женщины требуют от самих себя гораздо больше, чем от мужчины, и «из-за своего второстепенного положения в обществе», и из-за своей «психологической приниженности», связанных прежде всего со всемогущими гендерными стереотипами (которые люди считают созданными природой, а значит – неизменными). «Русская женщина вынуждена “раздваиваться”, “растраиваться”, выворачиваться наизнанку и “расшибаться в лепешку”, поскольку она “и швец, и жнец, и на дуде игрец” и должна успеть все и везде. Главный способ противостоять социальному и эмоциональному притеснению, основанному на идеологии “врожденной” женской неполноценности, – это ежедневная демонстрация женщиной своей выносливости и способности безупречно выполнять все возложенные на нее обязанности. Мужчинам для обретения чувства собственного достоинства нет необходимости играть более одной роли, поскольку жизнь российского общества убеждает его в том, что он существо высшего порядка, а следовательно, может не слишком напрягаться»³⁹. Анализ гендерных отношений в российской действительности позволяет американской исследовательнице сделать следующий вывод: «Несомненно, что господствующие полоролевые стереотипы причиняют вред обоим полам. Вместе с образом непрактичного и безответственного человека, который мужчины молчаливо принимают, они безропотно соглашаются и с доминированием женщин в домашнем быту. На первый взгляд, сверхактивность и сверхзаботливость женщин освобождают мужчин от беспокойства о семье и от домашней работы. Но если взглянуть глубже, то такое охранительное поведение женщин воспитывает в характере мужчин свойство зависимости и не дает им почувствовать в себе уверенность, смелость, самоуважение, столь необходимые для того, чтобы противостоять давлению могущественных сил в других сферах общественной жизни. В результате мужчины, которых описанные выше отношения женщин как бы уподобляют детям, оказываются не в состоянии ни сопротивляться неблагоприятным социальным условиям, ни работать в полную силу в своей собственной профессии. И вся власть мужчин в обществе на деле

³⁹ Там же. С. 47.

оказывается столь же иллюзорной и хрупкой, как и их власть и превосходство над женщинами. Хотя в этой статье я откровенно выступаю на стороне женщин, я убеждена, что отказ от стереотипов будет благотворен для общества в целом, так как высвободит немалый личностный и общественный потенциал, ныне скрытый из-за слепого шаблонного мышления»⁴⁰.

Исторические факты свидетельствуют о том, что гендерные стереотипы никоим образом не связаны с «естественными, биологическими» различиями между мужчинами и женщинами, а социально конструируются в зависимости от определенной исторической ситуации. Следовательно, вслед за изменением социально-экономической ситуации стереотипы и основанные на них конкретные практики дискриминации также могут быть изменены, т.е. «социально переконструированы». И хотя этот процесс длительный и сложный, но только с его помощью можно добиться изменения общественного сознания в сторону повышения социального статуса женщин, искоренения гендерных стереотипов и дискриминации. В связи с этим становятся актуальными следующие вопросы: какими методами можно целенаправленно влиять на процессы изменения стереотипов в желаемом направлении? Какие направления работы по искоренению дискриминации в отношении женщин могут быть наиболее эффективны в современных российских условиях?

Некоторые позитивные идеи, связанные с ответами на эти вопросы, мы находим у Ненси Фрейджер, которая предложила в аналитических и практических целях разделить проблемы гендерного неравенства на два типа: «культурно-символическая» и «социально-экономическая» несправедливость в отношении женщин⁴¹. В соответствии с ее взглядами культурно-символическая несправедливость укоренена в социальных паттернах репрезентации, интерпретации и коммуникации. Рассмотренный с гендерных позиций этот тип несправедливости включает примеры культурного доминирования мужчин в сочетании с непризнанием и неуважением женщин, когда они становятся невидимыми в значимых репрезентативных, интерпретативных и коммуникативных практиках. *Исправление культурной несправедливости* должно основываться на переоценке социальных групп, лишенных доселе уважения, **признании** культурного и экономического вклада женщин и его позитивной оценки.

⁴⁰ Там же. С. 50.

⁴¹ Фрейджер Н. От перераспределения к признанию? Дилеммы справедливости в «постсоциалистскую» эпоху // Гендерные исследования. 2000. № 5. С. 88–89.

Социально-экономическая несправедливость коренится в политэкономической структуре общества. Она выражается 1) в эксплуатации, когда плоды труда одного человека апроприируются в пользу другого человека; 2) в экономической маргинализации, когда трудовая деятельность ограничивается плохой или низкооплачиваемой работой или вообще перекрывается доступ к работе, приносящей доход; 3) депривации, понимаемой как бедность и препятствия к адекватному стандарту жизни. *Исправление социально-экономической несправедливости* должно основываться на политическом и экономическом реструктурировании, **перераспределении дохода и ресурсов**, реорганизации разделения труда, демократических процедурах принятия решений по инвестициям (гендерные бюджеты), а также на трансформации других социальных и экономических структур и институтов.

При этом *гендер* как различие в культурных оценках структурирует общественное сознание таким образом, что возникают андроцентризм и сексизм. *Гендер* как политико-экономическое различие структурирует *разделение труда* таким образом, что возникают гендерно-специфические формы эксплуатации, дискриминации, маргинализации, депривации женщин. В реальности экономическая и культурная несправедливости не отделены отчетливо одна от другой, скорее они переплетаются и усиливают друг друга, поскольку андроцентристские культурные нормы институционализированы в экономике и общественном устройстве⁴².

В соответствии с задачами нашего исследования предлагается рассматривать *гендерные стереотипы* как культурно-символическую составляющую, а *гендерную дискриминацию* – как социально-экономическую составляющую неравенства мужчин и женщин в обществе. При таком подходе более отчетливыми становятся направления в работе, которую необходимо проводить для преобразования и социального «переконструирования» стереотипов, а также задачи по преодолению дискриминации. В тех случаях, когда речь идет о культурно-символической несправедливости, т.е. стереотипах, должны выдвигаться и последовательно проводиться в жизнь требования **признания** женщин равноправными с мужчинами, а не второсортными членами общества. Также необходима оценка их домашнего труда как вклада в экономику, поскольку стоимостной эквивалент домашней работы сегодня оценивается примерно как третья часть ежегодного ВВП в мире⁴³. Для устранения социально-экономической

⁴² Там же. С. 90, 113.

⁴³ Социология гендерных отношений: учеб. пособие для вузов. С. 101.

несправедливости и гендерной дискриминации основным требованием становится более справедливое *перераспределение* в обществе материальных благ и ресурсов, и прежде всего собственности и заработной платы.

Значительный интерес представляет **динамический аспект гендерных стереотипов**, поскольку он позволяет понять не только их природу, но и перспективы. Пример спорта, где женщины и мужчины не соревнуются и не конкурируют друг с другом, показывает путь развития, в котором достаточно быстро исчезают разного рода гендерные барьеры и табу. Если раньше в спорте существовали запреты для женщин заниматься такими видами, как бокс, футбол, хоккей, поднятие штанги, и были ярко обозначены «мужские» и «женские» виды спорта, то теперь ситуация в корне изменилась.

Аналогичные процессы начинают происходить и в сфере труда, что проявляется в изменении международных стандартов труда, которые находят отражение в Конвенциях Международной организации труда (МОТ). Постепенно довоенные Конвенции МОТ 20-х–40-х годов XX в., где существовали запреты на профессии и определенные виды работ, заменяются правом женщин самим выбирать сферу занятости. На примере последних Конвенций МОТ и документов ООН по вопросам гендерного равенства в сферах труда, образования и политики отчетливо видно, как сначала из законов, а постепенно и из жизни уходят двойные стандарты, ранее широко распространенные.

Россия, хотя и ратифицировала большинство конвенций МОТ по вопросам гендерного равенства, но от запретительных мер, ограничивающих выбор сфер труда для женщин, в Трудовом кодексе 2002 г. не отказалась. В условиях рыночных отношений и конкуренции за рабочие места запретительные меры государства становятся опасным орудием манипулирования и усиления эксплуатации на рынке труда. Альтернативой запрещенным для женщин работам в официальной сфере занятости становится труд в неформальной экономике, где вообще не действуют никакие законы и гарантии. Поэтому следует проводить целенаправленную работу, чтобы в России постепенно возобладали процессы обновления сферы труда, основанные на отказе от гендерных стереотипов и двойных стандартов. Эту работу нужно проводить усилиями всей прогрессивной российской общественности, как женщин, так и мужчин. Для устранения стереотипов и гендерной дискриминации, а следовательно, для обеспечения гендерного равенства в сфере труда и в обществе в целом необходимы следующие шаги.

На политическом уровне:

- признать, что достижение гендерного равенства между мужчинами и женщинами – основной критерий демократизации и цель общества; всячески способствовать внедрению этого принципа в политику и жизнь, понимая, что его достижение невозможно в условиях дискриминации и «двойных стандартов» для женщин и мужчин в области труда, политики и семьи.

На законодательном уровне:

- принять закон о гендерном равенстве, а также программы и меры, запрещающие дискриминацию и пропаганду гендерного неравенства в обществе;

- ускорить принятие процессуального трудового кодекса и включить в него перечень строгих мер и санкций в качестве наказания работодателя за акты дискриминации работников, в том числе по признаку пола, а также разработать и узаконить четкую систему доказывания факта гендерной дискриминации в суде;

- провести гендерную экспертизу трудового законодательства с целью искоренения двойных стандартов для женщин и мужчин, а также приведения его в соответствие с современными международными документами МОТ.

На государственном и муниципальных уровнях:

- создать институциональные условия, такие как специализированные органы, которые бы выявляли и боролись с проявлениями дискриминации в трудовых отношениях, например, специальные отделы в Государственных инспекциях труда, занимающиеся вопросами трудовой дискриминации, куда работники могли бы подавать жалобы;

- необходимо разработать и проводить информационные, просветительские и образовательные программы и кампании по ликвидации гендерных стереотипов в обществе;

- предпринять конструктивные шаги по запрещению публикации информации о вакансиях со стереотипным делением профессий на «мужские» и «женские»;

- запретить сексистскую рекламу на телевидении и в СМИ, основанную на стереотипном представлении о роли женщин как товаров или только домохозяйки, обслуживающей других членов семьи, а не личности.

Итак, в данном параграфе, основываясь на гендерном анализе, была предпринята попытка не просто описать ситуацию, отвечая на вопрос «*какие* гендерные асимметрии, основанные на стереотипах, существуют в сферах общественного и домашнего труда?», но пойти дальше и ответить на вопрос «*почему* в нашем обществе продолжает существовать гендерное неравенство?»

Учитывая высокий уровень занятости россиянок в сфере общественного производства и дома, трудно назвать более актуальную задачу в этой области, чем обеспечение равных прав и возможностей для мужчин и женщин в этих сферах. Как было показано, одним из существенных препятствий на пути гендерного равенства является профессиональная и вертикальная сегрегация по признаку пола, создающая и воспроизводящая гендерные стереотипы. Положив конец профессиональной сегрегации, решая проблему недостаточной оценки «женской работы» и обеспечивая равноправие для работников с семейными обязанностями, можно достичь гендерного равенства в сфере труда и занятости. При этом ответ на извечный вопрос – «*Что делать*, чтобы снизить уровень гендерной сегрегации в сфере общественного труда и добиться более равномерного распределения домашнего труда между всеми членами семьи?» – решается однозначно: необходимо изменить всю совокупность гендерных стереотипов, касающихся не только женщин, но и мужчин. Это будет не только способствовать повышению социального статуса женщин, но делать жизнь российского общества более гармоничной и гендерно сбалансированной.

ГЕНДЕРНАЯ ПРОЕКЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

Определяющей причиной гендерного неравенства в Республике Дагестан (особенно статуса женщины) выступает этническая культура народов, в рамках которой доминирующая роль принадлежит мужчине как главе семьи. Женщина в таких культурах полностью подчиняется воле мужчины, он принимает важные решения в семье, обязательные к исполнению для жены и детей. Соответственно и вопрос, будет замужняя женщина работать или нет, решается мужчиной. По традиционной дагестанской культуре (по адатам и обычаям) женщине заниматься оплачиваемой работой считалось большим позором для семьи. Женщина должна была заниматься ведением домашнего хозяйства и никакой иной работой. Слому традиций способствовала советская власть, которая насильно загоняла всех в колхозы и заставляла заниматься тяжелым ручным трудом. На наш взгляд, именно это способствовало появлению во многих семьях желания во что бы то ни стало дать образование дочерям. 70-летнее существование советской власти способствовало укоренению традиции давать

**Основные показатели социально-экономического развития
Республики Дагестан (РД) в сравнении с показателями по РФ**

Показатель	2005 г.	2006 г.
ВВП на душу населения по России, тыс. руб.	125,8	165,4
ВРП на душу населения по РД, тыс. руб.	34,4	44,6
ВРП на душу населения по РД от ВВП на душу населения по России, %	27,3	27,0
Объем отгруженных товаров собственного производства на душу населения по РФ, тыс. руб.	95,2	109,4
Объем отгруженных товаров собственного производства на душу населения по РД, тыс. руб.	6,7	6,9
Объем отгруженных товаров собственного производства на душу населения по РД от объема отгруженных товаров собственного производства на душу населения по РФ, %	7,0	6,3
Продукция сельского хозяйства на душу населения по РФ, тыс. руб.	10,4	12,0
Продукция сельского хозяйства на душу населения по РД, тыс. руб.	9,8	11,1
Продукция сельского хозяйства на душу населения по РД от продукции сельского хозяйства на душу населения по РФ, %	94,2	92,5
Инвестиции на душу населения по РФ, тыс. руб.	25,2	32,1
Инвестиции на душу населения по РД, тыс. руб.	10,2	14,9
Инвестиции на душу населения по РД от инвестиций на душу населения по РФ, %	40,5	46,4
Доходы консолидированного бюджета на душу населения по РФ, тыс. руб.	21,0	26,7
Доходы консолидированного бюджета на душу населения по РД, тыс. руб.	8,7	10,2
Доходы консолидированного бюджета на душу населения по РД от доходов консолидированного бюджета на душу населения по РФ, %	41,4	38,2
Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата одного работника по РФ, руб.	8554,9	10634,0
Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата одного работника по РД, руб.	3659,8	4530,0
Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата одного работника по РД от номинальной начисленной среднемесячной заработной платы одного работника по РФ, %	42,8	42,6

Таблица 2.6 (окончание)

Показатель	2005 г.	2006 г.
Безработица, по данным выборочных обследований населения по проблемам занятости по РФ, % от экономически активного населения	7,2	7,2
Безработица, по данным выборочных обследований населения по проблемам занятости по РД, % от экономически активного населения	22,3	22,3
<i>Источники:</i> Данные по РФ взяты из официального статистического бюллетеня Росстата за 2005 и 2006 гг. «Регионы России. Социально-экономические показатели»; Данные по РД взяты из официального статистического бюллетеня Территориального управления Росстата по РД за 2005 и 2006 гг.		

хорошее образование девушкам как залога стабильности их последующей жизни.

В настоящее время Республика Дагестан представляет собой полиэтнический, поликонфессиональный, социально и политически нестабильный, высокодотационный регион с низким уровнем и качеством жизни населения и высокой безработицей. Уровень экономического развития республики и остроту социальных проблем характеризуют следующие данные: ВРП на душу населения в республике составляет 27,0% от среднероссийского уровня; объем отгруженных товаров собственного производства на душу населения по отношению к этому же показателю в среднем по РФ равен 6,3%; инвестиции на душу населения достигают лишь 46,4% от среднероссийского уровня; номинальная начисленная среднемесячная заработная плата на одного работника составляет 42,6% от среднего по России; уровень безработицы, по данным выборочного обследования населения по проблемам занятости, – 22,3% экономически активного населения республики, а по РФ – 7,2% (табл. 2.6).

Анализ демографической ситуации в регионе выявил существенный рост демографической нагрузки на экономику республики: численность постоянного населения за 17 лет увеличилась на 47,5% при одновременном снижении производственного потенциала. В настоящее время в республике проживает 1,87% населения страны и 1,6% экономически активного населения, производится 0,56% ВРП, 0,12% объема промышленной продукции, 1,83% продукции сельского хозяйства. Объем инвестиций в основной капитал в расчете на душу населения за годы рыночных реформ был в 2–3 раза меньше, чем в среднем по России, а в отдельные годы – в 5–5,5 раза меньше. Это обусловило формирование слабого про-

изводственного потенциала в республике: основные фонды в расчете на одного жителя в 2,5 раза меньше, чем в целом по стране. Все это характеризует наличие высокой демографической нагрузки на экономику региона, что в условиях низких темпов прироста производственного потенциала и высокого прироста населения можно оценить как негативный фактор развития.

По данным Росстата, численность постоянного населения республики на начало 2007 г. составила 2658,6 тыс. чел., из которых 42,6% проживают в городах и поселках городского типа; 57,4% – в сельской местности (в 2005 г. – 42,7 и 57,3% соответственно). Преобладающая часть населения проживает в сельской местности, что обусловлено в значительной мере возвращением в Дагестан лиц коренных дагестанских национальностей, которые в основном направляются на постоянное место жительства в сельскую местность, а также более высоким, по сравнению с городской местностью, уровнем рождаемости. Удельный вес женщин в общей численности населения республики равен 51,2%, мужчин – 48,8%. Если рассматривать удельный вес женщин и мужчин в трудоспособном возрасте, то доля женщин составит 50,4%, а мужчин – 49,6% (табл. 2.7).

В 2006–2007 гг. Дагестан продолжал оставаться одним из многих регионов России, где сохраняется естественный прирост населения. В то же время по сравнению с 2005 г. естественный прирост населения снизился на 2,1%, что обусловлено снижением рождаемости и увеличением смертности в республике. Общий показатель смертности в расчете на 1000 человек населения по сравнению с предыдущим годом также увеличился на 1,7% и составил 6,0 промилле (5,9 промилле за 2005 г.). Важным в обеспечении воспроизводства населения кроме количественных аспектов является качественная сторона рождаемости, которая зависит от репродуктивного здоровья как женщин, так и мужчин. В последние годы существенно увеличилось число женщин в регионе с инфекционными, гинекологическими и соматическими заболеваниями. Кроме того, низкое качество и уровень жизни, высокая социальная и политическая напряженность в обществе приводят к росту психологических проблем и как следствие – к хроническому стрессу. Низкое качество медицинского обслуживания, отсутствие общественных и государственных структур поддержки и реабилитации женщин, оказавшихся в сложных жизненных ситуациях, отсутствие сбалансированного питания и прочие негативные факторы способствуют значительному ухудшению репродуктивного здоровья женщин в Дагестане. За исключением некоторых из перечисленных факторов в основном они также влияют на

**Показатели численности населения в гендерной проекции
по возрастным группам в Республике Дагестан**

Показатель	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Численность населения (на конец года)*, всего	2486,0	2536,1	2576,5	2602,0	2621,8	2641,0	2658,6
Мужчины	1198,4	1222,8	1242,4	1254,5	1264,1	1273,3	1281,6
Женщины	1287,5	1313,3	1334,1	1347,5	1357,7	1367,7	1377,0
В том числе в возрасте:							
<i>моложе трудоспособного, всего</i>	813,9	799,2	792,3	769,7	751,9	732,8	711,9
мужчины	412,7	405,0	401,3	390,0	381,6	372,2	361,9
женщины	401,2	394,2	391,0	379,7	370,3	360,6	350,0
<i>трудоспособном, всего</i>	1391,9	1456,2	1501,3	1550,2	1587,0	1621,6	1657,0
мужчины	683,0	714,3	736,7	762,7	782,9	802,6	821,4
женщины	708,9	741,9	764,6	787,5	804,1	819,0	835,6
<i>старше трудоспособного, всего</i>	280,2	280,7	282,9	282,1	282,9	286,6	289,7
мужчины	102,8	103,5	104,4	101,8	99,6	98,5	98,3
женщины	177,4	177,2	178,5	180,3	183,3	188,1	191,4
Естественный прирост, убыль (–), тыс. чел.	22,1	23,2	25,3	25,6	25,8	25,2	24,7
на 1000 чел. населения	9,0	9,2	9,9	9,9	9,9	9,6	9,3
Миграционный прирост, убыль (–) населения, тыс. чел.	–4,5	–3,9	–4,8	–5,2	–6,2	–6,1	–7,1
Число детей, умерших в возрасте до одного года на 1000 родившихся живыми	18,5	17,5	17,9	14,5	16,1	13,6	14,8

* 2000–2001 гг. – оценка скорректирована с учетом итогов ВПН–2002 г.; 2002 г. – по данным переписи населения на 9 октября; 2003–2006 гг. – оценка.

Рис. 2.7. Динамика занятых и безработных в экономике Республики Дагестан по признаку пола

репродуктивное здоровье мужчин, что в совокупности приводит как к снижению количественных темпов воспроизводства населения в республике, так и к росту количества детей с врожденными заболеваниями.

Анализ процессов воспроизводства населения характеризует наличие негативной тенденции в демографических процессах, что представляет собой следствие увеличения младенческой смертности. В Дагестане в 2006 г. число детей, умерших в возрасте до одного года, составило 602 чел. (рост на 8,5%) и коэффициент младенческой смертности в расчете на 1000 детей, родившихся живыми, составил 14,8 промилле, против 13,6 – за 2005 г. Наиболее частыми причинами смертности детей первого года жизни являются состояния, возникающие в перинатальном периоде (55,1%), врожденные аномалии (23,4) и болезни органов дыхания (9,0%).

Как уже было отмечено, один из факторов снижения репродуктивного здоровья женщин и мужчин – это низкое качество и уровень жизни населения. Республика Дагестан занимает одно из последних мест среди субъектов федерации по уровню и качеству жизни населения. О низком уровне и качестве жизни говорит и то, что в республике доля затрат в структуре потребительских расходов домашних хозяйств на организацию отдыха и культурные мероприятия в 2,1 раза ниже, чем в среднем по России (3,4 и 7,1% соответственно), почти в 2 раза – на здравоохранение (1,3 и 2,5% соответственно), в 7 раз – на транспорт (1,9 и 12,2% соответственно).

Ключевым аспектом повышения уровня жизни человека является его занятость в общественном производстве. Проблема безработицы для Республики Дагестан была актуальной всегда. Но за последние годы она приобрела острейший характер: с 2001 по 2006 гг. численность постоянного населения республики выросла на 7%, трудоспособного – на 17,3%, а экономически активного – на 19,9%. Это стало одним из важных факторов увеличения безработицы, рассчитываемой по методологии МОТ, в 2006 г. по сравнению с 2000 – на 5,5%. В 2006 г. 269,1 тыс. чел. (23,3%) экономически активного населения Дагестана не имели работы, но интенсивно ее искали. По данным обследований занятости населения, проведенных в 2000–2006 гг. Территориальным управлением Росстата РФ по РД, доля женщин в общей численности безработных составляла 45–50% (за 2004 и 2005 г. – более 50%, а за остальные годы рассматриваемого периода колебалась в пределах 45%). По данным Министерства социального развития Республики Дагестан, доля женщин в общей численности безработных, зарегистрированных в органах государственной службы занятости, за рассматриваемый период составляла 65–68%. В 2006 г. официально зарегистрированы в органах службы занятости в качестве безработных 4,8% экономически активного населения республики.

Анализ показателей занятости экономически активного населения по половому признаку показывает наличие сильных колебаний в численности безработных. Так, в 2000 г. безработных женщин было 117,9 тыс. чел., а мужчин – 137,2 тыс., в 2005 г. – женщин – 132,2 тыс., а мужчин – 129,3 тыс., в 2006 г. – женщин – 121,3 тыс., а мужчин – 147,8 тыс. чел. (рис. 2.7).

Если рассматривать структуру занятых в экономике по возрастным группам среди женщин и мужчин в 2006 г., то основная доля занятых женщин – это люди в возрасте 30–39 лет (26,6%) и 40–49 лет (25,9%). Доля занятых женщин в возрасте 40–49 лет на 0,6 процентных пункта (п.п.) выше доли мужчин, а в возрасте 25–29 лет – на 1,2 п.п. выше соответствующего показателя у мужчин (14,6% – доля женщин и 13,4% – доля мужчин). Незначительна доля женщин, занятых в экономике в возрасте старше 60 лет. Формированию относительно пропорциональной структуры занятых по половому признаку в основном способствуют стабильное функционирование сферы образования, здравоохранения, а также пропорциональное развитие двух «поглотителей» вновь вливаемых или временно свободных трудовых ресурсов на региональный рынок труда – торговли и строительства. В сфере образования доля женщин среди занятых, по данным Министерства

образования РД, составляет более 73%, а в сфере дошкольного образования – 96,4%. В сфере здравоохранения доля женщин среди занятых составляет около 68%. Что касается торговли и строительства, то одну сферу (торговлю) можно назвать «женской» (доля женщин здесь по разным оценкам колеблется от 78 до 89%), а строительство – «мужской» (доля мужчин, занятых в строительстве, превышает 87,1%). В торговле к традиционно «мужским» сферам относятся рынок стройматериалов, автомобилей и автокомпонент.

Анализ структуры занятых в экономике по уровню образования среди женщин и мужчин в 2006 г. выявил заметные различия по некоторым показателям. В частности, доля мужчин с высшим профессиональным образованием составляет 22,2%, в то время как подобный показатель среди женщин – 21,1%, доля мужчин с неполным высшим профессиональным образованием – 3%, а доля женщин – 1,8%. Значительные различия по категориям со средним профессиональным (доля мужчин – 14,8, доля женщин – 19,1%), с начальным профессиональным образованием (доля мужчин – 9,6, доля женщин – 4,5%). Высока в структуре занятых в экономике численность женщин с начальным общим или не имеющих начального общего образования – более 16,4 тыс. чел. (или 3,7%). У мужчин и женщин среди занятых по уровню образования основную долю составляют люди со средним (полным) общим образованием: у мужчин – 38,8%, у женщин – 37,7%.

Отличную от вышеописанной структуру имеет распределение безработных по уровню образования. Высока доля безработных, как женщин, так и мужчин, со средним (полным) общим образованием. В структуре женской безработицы эта доля в 2006 г. составляла 53,2%, мужской – 44,2%. Высока также доля безработных мужчин и женщин со средним профессиональным образованием: у мужчин – 12,7%, у женщин – 17,7%. По возрастным группам больше всего безработных в 2006 г. приходилось на возраст 30–49 лет: у мужчин – 40,8%, у женщин – 42,2%. Из общей численности безработных женщин 36,1% не замужем, 3,9 – вдовы и 8,7% – разведенные. В структуре безработных в 2006 г. 60,3% женщин и 53% мужчин не имели никакого опыта работы.

Несмотря на положительную динамику реальных денежных доходов населения Дагестана в последние годы, они значительно ниже аналогичных среднероссийских показателей. Среднедушевые денежные доходы населения в Дагестане в 2006 г. (6260,7 руб. в месяц) в 1,5 раза ниже среднероссийского уровня (10183,0 руб. в месяц). По числу собственных легковых автомобилей на 1000 чел. республика находится на 84-м месте среди регионов

России. По общей площади жилых помещений, приходящихся в среднем на одного жителя, от уровня Дагестана отстают только три региона России (Бурятия, Ингушетия и Чечня). С 1996 по 2005 г. жилищный фонд республики увеличился на 31,2%, а общая площадь жилых помещений на начало 2006 г. составила 42 млн кв. м. За 2006 г. было введено в эксплуатацию 715,2 тыс. кв. м жилья (112,2% к 2005 г.). Однако общая жилая площадь в среднем на одного жителя в 2006 г. равнялась 16,2 кв. м и увеличилась по сравнению с 1995 г. лишь на 8,3%, а с 1990 г. – на 4,0%. Кроме того, если рассматривать показатели, характеризующие качественное состояние жилищного фонда, то мы заметим, что по всем параметрам благоустройства жилья (кроме газификации) республика существенно отстает от средних показателей по России. Там фактическое водопотребление на одного человека в отдельных сельских районах составляет 20% от норматива, а в городах – не более 60%.

Одной из основных проблем, препятствующих повышению качественных показателей воспроизводства населения, выступает высокая доля бедного населения. В совокупности с низким уровнем медицинского обслуживания (особенно бесплатного государственного), с отсутствием сбалансированного питания и безразличным отношением к своему здоровью среди беднейших групп приводит к тому, что в республике снижается возраст женщин, рожаящих в первый раз, и основная доля родившихся детей приходится на женщин до 27–29 лет. Большинство женщин, рожаящих после 30 лет, – это женщины из обеспеченных семей, что показывает их серьезное отношение к своему здоровью и к будущему своих детей. В целом доходы 10%-ной группы населения республики с наименьшим уровнем в 2005 г. были в 12,2 раза ниже, чем у группы с наибольшими доходами. В 2006 г. 17,5% населения республики имели доходы ниже прожиточного минимума. Есть существенные диспропорции в уровне оплаты труда в различных секторах экономики. Если в целом по Республике Дагестан среднемесячная зарплата в 2006 г. превышала прожиточный минимум (2442,9 руб.) в 1,93 раза, то в сельском хозяйстве она была ниже минимума в 0,52 раза.

Социальной проблемой, имеющей важное значение для обеспечения воспроизводства населения и сохранения репродуктивного здоровья, является, как уже отмечалось, качество оказываемых услуг здравоохранения. Здравоохранение республики в последние годы в рамках реализации федеральной национальной программы, федеральных и республиканских целевых программ, республиканской инвестиционной программы и др. получает су-

щественную поддержку. Численность работающих в здравоохранении и предоставлении социальных услуг в 2005 г. составила 59,0 тыс. чел. (6,8% занятых в экономике) и по сравнению с 2000 г. увеличилась на 22,2%. За это время постепенно начали расти число больничных коек, мощность врачебно-амбулаторно-поликлинических учреждений, численность врачей всех специальностей и среднего медицинского персонала. Улучшается оснащение медицинских учреждений современным оборудованием и приборами, проектируется использование высоких медицинских технологий, однако здравоохранение республики сталкивается с весьма серьезными проблемами, а состояние и уровень развития не вполне удовлетворяют потребности населения. По мощности врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений на 10000 чел. населения республика отстает от средних по России показателей в 2,2 раза. На 10000 чел. населения в Дагестане приходится на 10,7 врачей меньше, чем в среднем по стране, и на 5,3 меньше, чем в ЮФО. Заболеваемость на 1000 чел. населения в республике выше на 15,0%, чем в России, и на 30,7% выше чем в ЮФО. Среди регионов России Дагестан по числу больничных коек на 10000 чел. населения занимает 86-е место, по численности врачей – 64-е, среднего медицинского персонала – 85-е место.

Таким образом, на решение социальных проблем в гендерной проекции в Республике Дагестан существенное воздействие оказывают, с одной стороны, исторически сформировавшаяся ментальная предрасположенность дагестанских народов к определенным видам деятельности и разбивка отраслей и сфер деятельности по половому признаку, а с другой – отраслевая структура экономики региона через спрос/предложение влияет на формирование трудовых ресурсов определенного уровня. Так, наличие высокого спроса в сфере торговли и услуг на малоквалифицированную рабочую силу не способствует повышению уровня образования у женщин, работающих в данной сфере. Точно такая же картина наблюдается и в сфере строительства, но по отношению к представителям мужского пола.

Стабильный спрос на квалифицированных специалистов в сфере здравоохранения и образования способствует сохранению сложившихся пропорций занятости женщин и мужчин в экономике региона. При этом следует отметить, что доля занятых в промышленности женщин ничтожно мала, в то время как в сельском хозяйстве – более 63%, что связано в основном с высокой долей сельского населения в республике и стабильной сезонной миграцией мужского населения из сельской местности на заработки в города республики и за ее пределы. В целом от решения этих со-

циальных проблем зависит уровень воспроизводства населения в регионе, а также, что принципиально важно, сохранение репродуктивного здоровья мужчин и женщин. Наличие множества социальных проблем в регионе диктует необходимость разработки стратегического комплекса мер, ориентированных на их решение и обеспечение высокого уровня и качества жизни населения.

РАЗДЕЛЕНИЕ ДОМАШНЕГО ТРУДА КАК РЕСУРС ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Сфера домашнего труда традиционно рассматривается исследователями. Это одна из наиболее инерционных областей, в которой влияние гендерных стереотипов сохраняет наибольшую значимость. Анализируя революционные сдвиги в социальном статусе женщин, произошедшие в 60–70-х годах XX в., западные исследователи нередко подчеркивают, что революция эта не была завершена. На фоне быстрых изменений в других сферах жизни общества проблематика семейной жизни, и в особенности организации домашнего быта, оказалась отодвинута на периферию интересов общества, что и позволило некоторым авторам сформулировать тезис о «забуксовавшей» революции.

Сказанное выше вовсе не отрицает наличия целого ряда сдвигов в разделении домашнего труда. Как показывают исследования, проведенные в западных странах, мужья стали выполнять больше работы по дому (а их жены – соответственно меньше), чем их сверстники в 60-х годах XX в., однако, если учесть массовый выход замужних женщин на рынок труда и распространность эгалитарной модели гендерных отношений, масштабы гендерного неравенства в сфере разделения домашних обязанностей не могут не удивлять.

В еще большей степени инерционность гендерного разделения труда в домашней сфере характерна для России. Процессы социально-экономического реформирования 90-х годов оказали на эту сферу достаточно противоречивое воздействие. С одной стороны, в 90-е годы необходимость материального выживания семьи нередко заставляла всех ее членов включаться в такие совместные виды деятельности, как личное подсобное хозяйство, домашние заготовки, бытовой ремонт. С другой – домашние обязанности в реальности часто оказывались прерогативой тех членов семьи, которые не могли по разным причинам найти достойного места на рынке труда и внести существенный вклад в домашний бюджет.

Гендерное разделение труда в домашнем хозяйстве: теоретические подходы

Рассматривая домашнее разделение труда с точки зрения теоретических объяснительных концепций, можно выделить несколько ключевых подходов. Исторически этот вопрос впервые привлек внимание марксизма, причем преимущественно в контексте «освобождения женщины». Среди экономистов наибольшую значимость имели работы, выполненные в русле неоклассики, и в первую очередь теоретические разработки Гэрри Беккера.

Неоклассический подход к проблеме – «новая экономика домохозяйства» Г. Беккера. Беккер предложил рассматривать семью не как пассивного потребителя рыночных товаров, а как самостоятельную производственную единицу, которая выпускает конечную продукцию, при этом используя товары, покупаемые на рынке, и время членов семьи. Кроме того, Беккер отметил, что одно и то же благо семья может производить с помощью различных технологий. Выбор конкретной альтернативы зависит от доходов семьи, цен на соответствующие факторы производства и времени, которым располагают члены семьи. Ценность времени определяется по альтернативным издержкам, т.е. по той цене, которую придется заплатить, если домашний труд будет выполняться наемными работниками.

Выбор каждого члена семьи относительно того, на что тратить свое время (на работу в рыночном секторе или в домашнем хозяйстве) зависит от соотношения заработков на рынке труда и альтернативных издержек на производство благ в домашнем хозяйстве. Соответственно чем выше образование и квалификация лиц, занятых в домашнем хозяйстве, и чем выше уровень их занятости на рынке, тем «дороже» стоит их домашний труд. Исходя из сказанного, рост образования и занятости женщин на рынке труда фактически оказывается стимулом для развития времяяберегающих «технологий» домашнего труда. По прогнозам Беккера, участие мужчин в домашнем труде должно увеличиваться вслед за повышением статуса женщины на оплачиваемой работе на рынке труда. А сокращение работы по дому со стороны женщин объясняется стремлением к максимизации полезности домохозяйства в целом.

Наряду с чисто экономическими подходами к вопросам гендерного разделения домашних обязанностей в данной проблемной области получили широкое развитие и социологические подходы. Наиболее известные из них – это концепция временных ограничений и концепция соотношения ресурсов.

В рамках концепции соотношения ресурсов (представляющей собой фактически социологическую версию «новой экономики домохозяйства» Беккера) в качестве ресурсов рассматриваются такие факторы, как образование, уровень зарплаты, профессиональный статус и т.п. Чем большим объемом ресурсов обладает один из супругов, тем меньше времени он затрачивает на работу в домашнем хозяйстве. Логика, лежащая в основе подобного поведения, состоит в том, что домашняя работа представляет собой низкостатусный вид деятельности, результаты которой не выходят за пределы домашнего мира и не получают общественной оценки. Предполагается, что и мужчины, и женщины негативно относятся к домашней работе и оба в равной мере заинтересованы в сокращении своей доли в домашнем труде. Избежать участия в работе по дому позволяют ресурсные преимущества, которыми обладает тот или иной супруг. Эти преимущества получают оценку за пределами домашнего хозяйства, т.е. на рынке труда. Поскольку мужчины, как правило, имеют более высокий уровень образования и более сильные позиции на рынке труда, они одновременно обладают и определенной властью в рамках домохозяйства, которая материализуется в том, что мужчины имеют возможность не заниматься малопривлекательным домашним трудом, оставляя его женщинам.

Эмпирические проверки этого объяснения дали весьма схожие результаты. При исследовании воздействия величины зарплаты на разделение труда в домашнем хозяйстве большинство авторов пришло к выводу, что чем меньше разрыв между мужчиной и женщиной по заработной плате, тем более равномерно их участие в домашнем труде. Еще один важный эмпирический результат заключается в том, что уровень образования мужчины положительно связан с его участием в домашнем труде. Одновременно отмечалась отрицательная связь между уровнем образования мужа и участием жены в домашнем труде. Эти результаты противоречат предсказаниям теории соотношения ресурсов, поэтому их нередко интерпретируют как признак связи между образованием и идеологической системой или субкультурой.

Уровень образования жены негативно связан с ее участием в домашнем труде. Хотя эти результаты подтверждают теорию соотношения ресурсов, они могут быть интерпретированы и иным образом: женщины, имеющие более высокий уровень образования, придерживаются более эгалитаристских ролевых установок и поэтому выполняют меньше домашней работы, тогда как высокообразованные мужчины, напротив, делают больше труда по дому. Исследования воздействия принадлежности к тому или ино-

му социальному классу на разделение труда в домохозяйстве в большинстве случаев показали отсутствие или незначительность такого воздействия. Большинство исследователей приходит к выводу о том, что труд по дому и стандарты выполнения домашних обязанностей стали более однородными между социальными классами.

Одной из версий концепции ресурсов является **концепция экономической зависимости**. Согласно данному подходу, домашний труд выполняется в обмен на экономическую поддержку, т.е. жены выполняют основную часть домашних обязанностей, поскольку большинство замужних женщин зарабатывает меньше, чем их мужья, и зависит от них экономически. При этом отношения обмена между кормильцами и экономически зависимыми имеют контрактную природу: деньги обмениваются на труд согласно определенным правилам, оговаривающим права и обязанности брачных партнеров⁴⁴.

Концепция временных ограничений. Логика данного подхода состоит в том, что домашний труд распределяется рациональным образом в соответствии с наличием у членов домохозяйства времени для его выполнения. Время, которым мужчины и женщины располагают для выполнения домашних дел, жестко увязано с уровнем трудовой нагрузки супругов на рынке труда и составом домохозяйства. Исследования Бет Энн Шелтон показали, что временные ограничения, связанные со статусом занятости, семейным положением и наличием в семье детей, в значительной степени объясняют различия в затратах времени на домашний труд. При этом все перечисленные показатели оказывают более выраженное воздействие на объем домашней трудовой нагрузки женщин⁴⁵.

В исследовании Голдшайдер и Уайт было показано, что объем домашней трудовой нагрузки мужей изменяется в зависимости от уровня занятости их жен на рынке труда, но сравнительно мало зависит от профессионального статуса последних⁴⁶. Кроме того, было выяснено, что в тех супружеских парах, где и муж, и жена заняты вне дома, количество времени, которое женщины проводят на работе, значительно больше влияет на равномерное

⁴⁴ Walby S. Gender, Class, and Stratification: Toward a New Approach // Gender and Stratification / ed. by R. Crompton and M. Mann. Cambridge: Polity Press, 1986. P. 34.

⁴⁵ Shelton B.A. Women, Men and Time: Gender Difference in Paid Work: Housework and Leisure. Greenwood Press, 1992.

⁴⁶ Goldscheider F.K., Waite L. New Families, No Families? University of California Press. 1991.

распределение домашних обязанностей, чем затраты времени мужчин на рынке труда. В других исследованиях было выявлено, что мужчины, занятые на рынке труда меньше времени, чем их жены, тратят больше времени на труд в домашнем хозяйстве по сравнению с теми мужчинами, которые имеют такой же уровень занятости на рынке труда, что и их жены⁴⁷.

Замужние женщины проводят значительно больше времени за работой в домашнем хозяйстве по сравнению с женщинами, которые проживают в гражданском браке. Женщины, состоящие в первом браке, тратят больше времени на выполнение домашней работы, чем одинокие женщины или женщины, состоящие во втором (третьем) браке. Что касается мужчин, то данные различных исследований приводят примерно к одному выводу: независимо от брачного статуса затраты времени мужчин на домашний труд примерно одинаковы, хотя, по некоторым данным, мужчины, проживающие в гражданском браке, уделяют больше времени домашней работе⁴⁸.

В целом концепция временных ограничений дает возможность объяснить значительную часть различий в распределении труда в домохозяйстве. Основной недостаток данного подхода состоит в его неспособности объяснить собственно гендерные различия в направлении и силе связи. Например, хотя режим и объем рыночной занятости оказывает влияние как на женскую, так и на мужскую работу по дому, эффект для женщин отличается от эффекта для мужчин. Модель временных ограничений не объясняет эти различия. Это верно и для переменной «наличие детей». Эти проблемы, равно как и противоречивость полученных оценок, заставляют предположить, что существуют и другие факторы, определяющие то, каким образом домашняя работа распределяется между членами семьи.

Гендерные концепции разделения домашнего труда возникли как реакция на рационалистические парадигмы в интерпретации разделения труда, предложенные в рамках теорий соотношения ресурсов и временных ограничений. Первоначальные версии гендерного подхода опирались на идею о **гендерных идеологиях**, формирующихся в период социализации в детском возрасте и отражающих представления о «правильном» поведении взрослых мужчин и женщин. Соответственно чем более традиционные

⁴⁷ Presser H.B. Employment Schedules among Dual-Earner Spouses and the Division of Household Labor by Gender // American Sociological Review 59. 1994. P. 348–364.

⁴⁸ South S. Housework in marital and nonmarital households // American Sociological Review. 1994. Vol. 59. P. 327–347.

взгляды на гендерные роли разделяют супруги, тем в большей степени они будут придерживаться традиционной модели разделения труда. Эмпирические исследования в основном подтверждают положительную связь между наличием эгалитарных установок и степенью равномерности в распределении домашнего труда. Например, в работе Хэриет Прессер было показано, что эгалитарные установки мужчин ведут к более равномерному разделению домашнего труда в домохозяйстве⁴⁹. Большинство исследователей также склоняется к выводу, что ролевые установки мужчин имеют более сильную связь с разделением труда в домохозяйстве, чем ролевые установки женщин.

Впоследствии идея о роли гендерных идеологий была дополнена тезисом о том, что разделение домашнего труда является *символическим выражением гендерных отношений*⁵⁰. Так, исследования, проведенные Сарой Берк⁵¹, показали, что разделение домашнего труда служит не только производству потребительских благ, но и воспроизводству гендера. Исследование супружеских пар, где функцию кормильца выполняет жена, хорошо подтверждает эту точку зрения: люди, гендерные роли которых отклоняются от социальной нормы, нередко сталкиваются с осуждением со стороны родственников, друзей и коллег⁵². Эти результаты наглядно подтверждают тезис о том, что разделение домашнего труда является так называемой гендерной границей («gender boundary»), символически разделяющей социальное пространство «мужского» и «женского».

Концепция «гендерного дисплея». В целом гендерный подход делает основной акцент на том, что проблема разделения домашнего труда должна быть вписана в более широкий контекст социального конструирования гендера («doing gender»). В этом случае в центр поставлена категория гендера, а поведенческие проявления «маскулинности» и «феминности» рутинизируются в рамках института брака, который создает особое социальное пространство

⁴⁹ Presser H.B. Employment Schedules among Dual-Earner Spouses and the Division of Household Labor by Gender.

⁵⁰ Ferree M.M. The Gender Division of Labor in Two-Earner Marriages: Dimensions of Variability and Change // Journal of Family Issues. 1991. 12:158-80; West C. Zimmerman D. Doing Gender // Gender and Society. 1987. 1:125-51.

⁵¹ Berk, Sarah Fenstermaker. The Gender Factory: The Apportionment of Work in American Households. New York: Plenum, 1985.

⁵² Hornung C.A., McCullough B.C. Status Relationships in Dual-Employment Marriages: Consequences for Psychological Well-Being // Journal of Marriage and the Family 1981. 43:125-41; Atkinson M., Boles J. WASP (Wives as Senior Partners) // Journal of Marriage and the Family. 1984. 46:861-70.

для реализации статусных притязаний, в особенности относящихся к гендерной идентичности⁵³. С этих позиций разделение домашнего труда может рассматриваться как фундамент, поддерживающий межличностное подтверждение гендерных статусов в браке, поскольку «для женщины включенность в домашний труд, а для мужчины – невключенность в него означает проявление “внутренней природы” каждого»⁵⁴.

Подтверждение этого тезиса было получено при исследовании супружеских пар, которые нарушают нормативные предписания относительно половой принадлежности кормильца и зависимого. Вследствие того, что жены-кормилицы и зависимые мужья вынуждены преодолевать более узкие возможности символического внутрисемейного обмена, с одной стороны, и негативную реакцию окружающих – с другой, логика модели «гендерного дисплея» предполагает, что они будут стремиться компенсировать это путем следования традиционным гендерным моделям поведения во всех возможных аспектах брачных отношений⁵⁵. В этом плане показательны результаты эмпирического обследования 50 супружеских пар, в которых оба супруга в той или иной мере участвовали в материальном обеспечении семьи⁵⁶: среди мужей, зарабатывающих больше своих жен, около 20% участвовали в домашнем труде; в семьях, где супруги зарабатывали поровну, в домашних делах принимала участие 1/3 мужей, однако среди тех, кто зарабатывал меньше своей жены, ни один не принимал участия в работе по дому⁵⁷.

Джулия Брайнс выявила гендерную асимметрию в реакции супругов на потерю работы: оказалось, что поведение женщин следует рациональной логике экономического обмена, в то время как поведение мужчин противоречит этой логике. В случае потери работы и возникновения экономической зависимости от мужа женщины увеличивают свой вклад в домашнее хозяйство. Напро-

⁵³ Goffman E. The Arrangement between the Sexes // *Theory and Society*. 1977. 4:315.

⁵⁴ West C., Zimmerman D. *Doing Gender*.

⁵⁵ Так, в ходе одного исследования жены говорили, что они включаются в демонстрацию традиционной женственности по отношению к своим мужьям, предпринимая специальные усилия, чтобы выглядеть привлекательно, устраивать «романтические минуты» и пр., чтобы «компенсировать тем самым недостаточное участие мужей в традиционных мужских ролях» (Atkinson M., Boles J. *WASP (Wives as Senior Partners)*).

⁵⁶ Hochschild A., Machung A. *The Second Shift: Working Parents and the Revolution at Home*. New York: Viking, 1989.

⁵⁷ В данном исследовании мужьями, «участвующими» в выполнении домашних обязанностей, считались те, кто занимался домашним трудом от 45 до 55% времени, потраченного обоими супругами на эту работу.

тив, зависимые мужья выполняют тем меньше домашних дел, чем больше они экономически зависят от своих жен. Наиболее выраженную тенденцию уклоняться от выполнения домашней работы демонстрируют мужчины, которые зависят от жен вследствие длительной безработицы. Подобный «иррациональный» сценарий поведения в значительной степени объясняется тем, что существующие гендерные нормы и стереотипы заставляют мужчин отказываться от домашней работы, поскольку ее выполнение подтверждает их несостоятельность в традиционной гендерной роли основных кормильцев семьи.

Таким образом, когда отношения экономической поддержки/зависимости внутри семьи соответствуют гендерным нормативным ожиданиям, т.е. когда «женский» домашний труд обменивается на плоды «мужской» работы, обмен не вызывает никаких проблем с точки зрения реализации гендерной идентичности. Однако когда ожидаемые и реальные отношения экономической поддержки/зависимости отклоняются от гендерной нормы, изменяются правила, регулирующие участие в домашнем труде. Перераспределение домашнего труда (как «женской» работы) внутри таких семей становится средством, с помощью которого жены и мужья могут обеспечить взаимную «компенсацию» за использование «несанкционированных» символических возможностей и «нормативно отклоняющееся» поведение.

Правомерность подобного подхода подтверждается и российскими исследованиями, демонстрирующими исключительную значимость символов гендерной идентичности в современных условиях. Структурные сдвиги в экономике, в результате которых мужчины, традиционно занятые в промышленности, часто попадают в разряд длительно безработных, переводят проблему инверсии гендерных ролей из разряда редких аномальных явлений в разряд достаточно типичных. Утрата профессиональной роли или роли кормильца семьи чрезвычайно разрушительны для личности многих мужчин, попадающих в подобные ситуации⁵⁸. При этом поведение российских мужчин ненамного отличается от поведения американцев, описанного в работе Дж. Брайнс: в большинстве случаев они также не располагают адекватными средствами подтверждения своей гендерной идентичности в рамках домашнего хозяйства.

⁵⁸ Ашвин С. Утверждение мужской идентичности на рынке труда современной России // РУБЕЖ. Альманах социальных исследований. № 16–17: <http://hghltd.yandex.ru/yandbtm?url=http://socnet.narod.ru/Rubez/archieve-frame.htm&text>

Гендерное разделение домашнего труда: анализ эмпирических данных⁵⁹

В большинстве современных российских исследований, посвященных проблемам распределения домашних обязанностей (как и в настоящей работе), используются данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS – РМЭЗ). Данные Мониторинга образуют два массива: отдельно представлены ответы на вопросы, касающиеся функционирования домохозяйств в целом, и результаты индивидуальных опросов. Инструментарий анализа включает «Семейный вопросник», «Вопросник для взрослых», «Вопросник для детей».

В рамках РМЭЗ 15-й волны (2006 г.) респондентам задавался более широкий круг вопросов, касающихся их бюджета времени, чем в аналогичных опросах РМЭЗ предшествующих лет. В частности, наряду с традиционно «женскими» видами деятельности, вроде приготовления еды, стирки, уборки квартиры, в соответствующие вопросы были включены также те виды деятельности, которые по традиции считаются «мужскими», например, мелкий бытовой ремонт, ремонт автомобиля, поездки на автомобиле по семейным нуждам – в магазин, на дачу и пр. Благодаря этому в значительной степени был снят «гендерный перекос» в домашних занятиях, который на более ранних волнах РМЭЗ закладывался уже на уровне вопросов анкеты. Кроме того, в опросник 2006 г. вошли закрытия, более детально раскрывающие деятельность, связанную с уходом за родственниками, проживающими отдельно, чего не было в опросах предшествующих лет. Важная особенность вопросника 2006 г. заключается в том, что респондентам предлагалось описать не только свои домашние занятия в обычный будний день, но и в выходной. Еще одна существенная деталь опроса состояла в том, что был увеличен до 30 дней период времени, за который респонденту предлагается охарактеризовать свое участие в домашнем труде. В предшествующих опросах РМЭЗ этот период времени был равен семи дням.

В вопросе, посвященном затратам времени на домашний труд, в опроснике 2006 г. было упомянуто 18 позиций. Ниже они перечислены в тех формулировках, которые были использованы в анкете РМЭЗ. Далее в таблицах и графиках мы будем использовать сокращенные наименования некоторых позиций.

⁵⁹ По данным о домашнем труде, полученным в ходе обследований бюджетов времени населения в рамках Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения.

В последние 30 дней Вы...

1. Ездили на работу, учебу и обратно.
2. Посещали учебные занятия или занимались дома.
3. Покупали продукты питания.
4. Приготовление еды.
5. Мыли посуду.
6. Стирали, гладили.
7. Убирали квартиру.
8. Делали мелкий ремонт по дому, даче, ремонтировали автомобиль.
9. Вели ремонтно-строительные работы по дому, даче.
10. Работали на своем садово-огородном участке.
11. Водили автомобиль с «семейными» целями – для поездок в магазин, на дачу.
12. Играли, занимались, проводили свой досуг с детьми, внуками, с которыми Вы живете вместе.
13. Ухаживали за детьми, внуками, с которыми Вы живете вместе, – купали их, кормили, водили на занятия.
14. Ухаживали за другими членами семьи, кроме детей, с которыми Вы живете вместе.
15. Помогали в ведении хозяйства родителям Вашим или супруга(и), живущим отдельно, в том числе ухаживали за кем-либо из них.

16. Помогали в ведении хозяйства детям Вашим или супруга(и), живущим отдельно, в том числе ухаживали за кем-либо из них.

17. Помогали в ведении хозяйства бабушкам и дедушкам Вашим или супруга(и), живущим отдельно, в том числе ухаживали за кем-либо из них.

18. Помогали в ведении хозяйства внукам Вашим или супруга(и), живущим отдельно, в том числе ухаживали за кем-либо из них.

Методологические особенности статистической обработки данных о бюджетах времени населения (на примере массива РМЭЗ). При расчете средних затрат времени на домашний труд мы использовали три ряда показателей.

1. Показатели включенности в тот или иной вид домашней деятельности (эти вопросы в РМЭЗ сформулированы в виде дихотомических вопросов об участии в каждом из перечисленных видов деятельности в течение последних 30 дней).

2. Показатели затрат времени на каждый вид деятельности для респондентов, которые указали, что в течение последних 30 дней фактически принимали участие в данном виде деятельности.

3. Показатели совокупного фонда времени, затрачиваемого раздельно мужчинами и женщинами на выполнение каждого вида домашних обязанностей, в расчете на одного человека. Этот показатель носит условный характер и дает возможность сравнивать значения затрат времени, полученные для отдельных групп респондентов (например, гендерных, возрастных), различающихся по уровню включенности в отдельные виды деятельности. В этом случае для респондентов, указавших, что на протяжении последнего месяца они не принимали участия в том или ином виде деятельности, затраты времени на данный вид деятельности принимались равными нулю. При этом результаты, полученные для различных групп, являются статистически сопоставимыми.

А теперь обратимся к эмпирическим данным и посмотрим, каковы тенденции, наблюдающиеся в настоящее время в разделении домашнего труда, и какие из описанных выше теоретических подходов позволяют дать наиболее адекватную интерпретацию современных российских реалий в этой сфере.

Оценка уровня гендерной сегрегации в сфере домашнего труда. Для начала постараемся оценить масштабы гендерных различий в уровне участия в различных видах домашней работы, а также рыночной занятости. На рис. 2.8 отмечены доли мужчин и женщин, указавших, что они за прошедший месяц принимали участие в перечисленных видах деятельности. Данные об уровне участия отсортированы по показателям для женщин (по убыванию). Даже визуальное сопоставление приведенных данных позволяет выявить те виды деятельности, в отношении которых мужчины и женщины демонстрируют наибольшие различия в масштабах участия. К наиболее сегрегированным по полу видам деятельности следует отнести мытье посуды, приготовление еды, уборку квартиры, покупку продуктов, стирку и глажение одежды. Максимальный уровень гендерной сегрегации отмечается в отношении стирки: женщины занимаются этим в 5 раз чаще, чем мужчины (89,5% женщин и 16,9% мужчин). По остальным перечисленным позициям доля женщин, занимающихся этими видами домашней работы, в 2–3 раза выше, чем аналогичная доля среди мужчин.

Помимо видов домашнего труда, в которых отмечается явное преобладание женщин, есть и такие, где однозначно преобладает мужское участие. Среди них надо отметить мелкий ремонт по дому, даче, ремонт автомобиля, ремонтно-строительные работы по дому и даче, поездки на автомобиле с «семейными» целями (магазин, дача). Однако если по «женским» видам домашнего труда уровень участия женщин достигает 85–90% от общей численно-

Рис. 2.8. Доля мужчин и женщин, указавших, что они за прошедший месяц принимали участие в перечисленных видах деятельности, %

сти опрошенных, то в отношении «мужских» видов деятельности цифры значительно меньше (максимальное значение – 45,1% – мелкий ремонт по дому).

В основном показатели участия в каждом виде деятельности относительно слабо дифференцированы по возрасту. Исключение составляют те виды деятельности, которые связаны с поездками на работу, с учебой, уходом за детьми и занятиями с ними. Обращает на себя внимание тот факт, что практически никак не зависит от возраста участие женщин в наиболее традиционных и рутинных видах домашней деятельности – мытье посуды, стирка, приготовление еды. Типично мужские виды деятельности, вроде ремонта, дачного строительства и пр., имеют в большинстве случаев нелинейную зависимость от возраста – с повышением в возрасте 40–50 лет и выраженным снижением после 60. Единственная позиция, в отношении которой можно с уверенностью говорить о росте ее значимости с возрастом участников – это работа на садовом участке (для обоих полов). Более детально типы возрастной динамики уровня участия по всем видам деятельности показаны в табл. 2.8.

Обратимся теперь к данным о затратах времени на отдельные виды деятельности и сравним полученные результаты с теми, которые были выявлены по показателю уровня участия. Для начала сопоставим фактические данные о затратах времени только по тем респондентам, которые указали, что они принимали участие в том или ином виде деятельности.

Анализ показывает, что, вопреки ожиданиям, фактические абсолютные затраты времени на разные виды деятельности, относительно слабо варьируются в зависимости от пола (табл. 2.9). Обращает на себя внимание тот факт, что масштаб различий по показателю фактических затрат времени ни в одном случае не превышает двукратной величины (напомним, что масштабы различий по показателю участия/неучастия превышают пятикратную величину). Это позволяет сделать вывод о том, что в тех случаях, когда мужчины включаются в домашние виды деятельности, распределение фактических затрат времени по полу выглядит достаточно равномерным (рис. 2.9).

Вместе с тем даже тогда, когда оба пола включены в определенный вид деятельности, существуют гендерные различия в затратах времени. В наименьшей степени сегрегированы по полу те виды деятельности, которые связаны с рыночной занятостью, а также затраты времени на работу на садовом участке. И, напротив, по тем видам деятельности, которые относятся к наиболее традиционным «женским» домашним занятиям, разница в затратах времени наиболее велика. Если учесть приведенные ранее

Возрастная динамика участия мужчин и женщин в различных видах деятельности

Вид деятельности	Мужчины	Женщины
1. Поездки на работу, учебу и обратно	Снижение	Снижение
2. Посещение учебных занятий или занятия дома	Снижение	Снижение
3. Покупка продуктов питания	Снижение	Нет возр. динамики
4. Приготовление еды	Нет возр. динамики	Нет возр. динамики
5. Мытье посуды	Нет возр. динамики	Нет возр. динамики
6. Стирка, глажение одежды	Нет возр. динамики	Нет возр. динамики
7. Уборка квартиры	Нелин. зависимость	Нет возр. динамики
8. Мелкий ремонт по дому, даче, ремонт автомобиля	Нелин. зависимость	Нет возр. динамики
9. Ремонтно-строительные работы по дому, даче	Нелин. зависимость	Нет возр. динамики
10. Работа на своем садово-огородном участке	Рост	Рост
11. Поездки на автомобиле с "семейными" целями – для поездок в магазин, на дачу	Нелин. зависимость	Нет возр. динамики
12. Игры, занятия, досуг с детьми, внуками, с которыми Вы живете вместе	Снижение	Снижение
13. Уход за детьми, внуками, с которыми Вы живете вместе	Снижение	Снижение
14. Уход за другими членами семьи (кроме детей), с которыми Вы живете вместе	Нет возр. динамики	Нет возр. динамики
15. Уход и помощь в ведении д/х родителям, живущим отдельно	Снижение	Снижение
16. Уход и помощь в ведении д/х детям, живущим отдельно	Рост	Рост
17. Уход и помощь в ведении д/х бабушкам и дедушкам, живущим отдельно	Снижение	Снижение
18. Уход и помощь в ведении д/х внукам, живущим отдельно	Рост	Рост
19. Работа	Нелин. зависимость	Нелин. зависимость

**Фактические затраты времени мужчи и женщи на различные виды
рыночной и домашней деятельности***

Вид деятельности	Фактические затраты времени		Соотношение жен./муж.
	мужчины	женщины	
1. Поездки на работу, учебу и обратно	65,1	58,5	0,90
2. Посещение учебных занятий или занятия дома	238,8	227,5	0,95
3. Покупка продуктов питания	24,3	32,4	1,33
4. Приготовление еды	38,4	68,0	1,77
5. Мытье посуды	13,5	21,9	1,62
6. Стирка, глажение одежды	27,3	46,1	1,69
7. Уборка квартиры	20,9	37,3	1,78
8. Мелкий ремонт по дому, даче, ремонт автомобиля	50,1	63,9	1,28
9. Ремонтно-строительные работы по дому, даче	66,4	84,1	1,27
10. Работа на садовом участке	56,5	56,6	1,00
11. Поездки на автомобиле с "семейными" целями	45,5	52,2	1,15
12. Игры, занятия с детьми, внуками, с которыми Вы живете вместе	62,9	90,5	1,44
13. Уход за детьми, внуками, с которыми Вы живете вместе	43,7	74,5	1,70
14. Уход за другими членами семьи, с которыми Вы живете вместе (кроме детей)	45,2	54,6	1,21
15. Уход и помощь в ведении д/х родственникам, живущим отдельно	48,9	53,1	1,08
16. Время на работе в минутах	609,8	539,4	0,88

* Респонденты старше 18 лет, принимавшие участие в данном виде деятельности (в мин. на чел. в сутки)

Рис. 2.9. Фактические затраты времени мужчин и женщин на различные виды рыночной и домашней деятельности, мин. на чел. в сутки

данные о степени включенности мужчины и женщины в различные рыночные и домашние занятия, то можно сделать вывод о том, что женщина участвует в учебе и работе практически на равных с мужчинами, но в домашней среде отрабатывает дополнительную «вторую смену».

Сравнивая масштабы различий в уровне участия, с одной стороны, и фактических затратах времени – с другой, можно сделать

Гендерное распределение совокупного фонда времени с учетом занятости в рыночной и домашней сфере *

Вид деятельности	Совокупные затраты времени мужчин и женщин на рыночную и домашнюю деятельность				Соотношение затрат времени мужчин и женщин
	мин на чел. в сутки		%		
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	
«Женские» виды деятельности					
6. Стирка, глажение одежды	3,2	23,4	12,0	88,0	731,3
7. Уборка квартиры	4,9	19,1	20,4	79,6	389,8
4. Приготовление еды	9,2	35,5	20,6	79,4	385,9
5. Мытье посуды	4,5	11,6	28,0	72,0	257,8
14. Уход за другими членами семьи, с которыми Вы живете вместе (кроме детей)	1,6	3,9	29,1	70,9	243,8
13. Уход за детьми, внуками, с которыми Вы живете вместе	5,4	11,8	31,4	68,6	218,5
«Смешанные» виды деятельности					
3. Покупка продуктов питания	10,6	17,2	38,1	61,9	162,3

12. Игры, занятия с детьми, внуками, с которыми Вы живете вместе	15,5	19,1	44,8	55,2	123,2
2. Посещение учебных занятий или занятия дома	14,6	16,8	46,5	53,5	115,1
15. Уход и помощь в ведении д/х родственникам, живущим отдельно	3,2	2,6	55,2	44,8	81,3
16. Время на работе в минутах	381,2	284,9	57,2	42,8	74,7
10. Работа на садовом участке	9,1	6,2	59,5	40,5	68,1
1. Поездки на работу, учебу и обратно	39,8	26,8	59,8	40,2	67,3
«Мужские» виды деятельности					
9. Ремонтно-строительные работы по дому, даче	7,7	1,6	82,8	17,2	20,8
8. Мелкий ремонт по дому, даче, ремонт автомобиля	15,6	2,7	85,2	14,8	17,3
11. Поездки на автомобиле с "семейными" целями	9,2	0,8	92,0	8,0	8,7

* Принимали участие респонденты старше 18 лет. РМЭЗ, 15 волна, 2006 г.

вывод о том, что различия в домашней трудовой нагрузке мужчин и женщин формируются в первую очередь за счет участия/неучастия в том или ином виде деятельности, и в существенно меньшей степени – за счет различий в фактической продолжительности затраченного времени. Это обстоятельство позволяет интерпретировать участие / неучастие в тех или иных видах деятельности как «гендерную границу», разделяющую «мужское» и «женское» пространство в сфере домашнего хозяйства.

С учетом уровня участия мужчин и женщин в разных видах деятельности и фактических затрат времени на каждый из них можно оценить масштабы гендерного неравенства в распределении общего бюджета времени (включая как рыночную занятость, так и домашнюю). В табл. 2.10 приведены результаты подобного расчета на одного человека. Естественно, полученная величина затрат времени носит условный характер и отличается от фактических данных, приведенных в табл. 2.9, поскольку учитывает не только тех респондентов, которые принимали участие в конкретном виде деятельности, но и тех, которые в нем не участвовали (для них величина затрат времени принималась равной нулю). С учетом этого обстоятельства данные табл. 2.10 следует интерпретировать как гендерное распределение совокупного фонда рабочего времени в рыночной и домашней сферах.

Анализ данных, приведенных на рис. 2.10, позволяет легко выделить те виды деятельности в домашнем хозяйстве, которые в настоящее время приближаются к слабо сегрегированным по признаку пола. К их числу можно отнести следующие (соотношение затрат времени мужчин и женщин в интервале 40–60%):

- покупка продуктов питания;
- игры, занятия с детьми, внуками, с которыми Вы живете вместе;
- посещение учебных занятий или занятия дома;
- уход и помощь в ведении д/х родственникам, живущим отдельно;
- время на работе в минутах;
- работа на садовом участке;
- поездки на работу, учебу и обратно.

К категории «женских» видов деятельности относятся традиционные и наиболее трудозатратные виды домашней работы:

- стирка, глажение одежды;
- уборка квартиры;
- приготовление еды;
- мытье посуды;

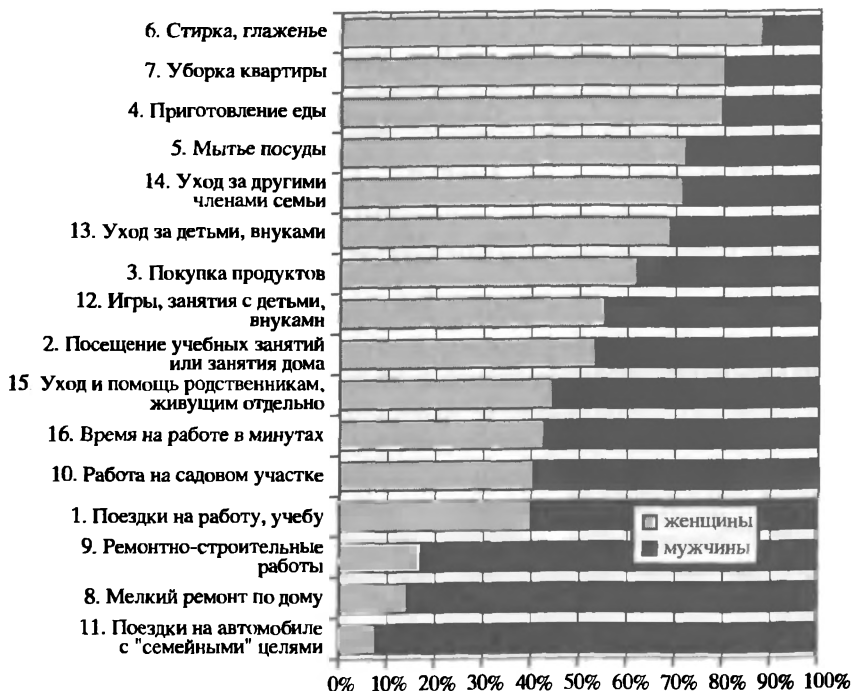

Рис. 2.10. Структура совокупного фонда рабочего времени с учетом занятости в рыночной и домашней сферах, %

- уход за другими членами семьи, с которыми Вы живете вместе (кроме детей);

- уход за детьми, внуками, с которыми Вы живете вместе.

Для всех этих видов деятельности характерна одна важная особенность: здесь труд выражен в форме личной услуги, и в принципе невозможна аккумуляция результатов. Именно эти виды деятельности, обычно относимые к категории «невидимого» обслуживающего труда, играют наиболее важную символическую роль в утверждении гендерной идентичности в сфере домашней занятости.

«Мужские» виды деятельности в домашнем хозяйстве в целом менее многочисленны и менее затратны по времени (см. табл. 2.10). Кроме того, не все они относятся к собственно услугам и их результат в некоторой степени может быть аккумулирован (например, дачное строительство). К данной категории относятся:

- ремонтно-строительные работы по дому, даче;
- Мелкий ремонт по дому, даче, ремонт автомобиля;
- Поездки на автомобиле с «семейными» целями.

Структура общей трудовой нагрузки мужчины и женщины

Показатель	Совокупные затраты времени				Соотношение затрат времени мужчин и женщин
	в минутах		в часах		
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	жен./муж.
Общая продолжительность домашнего труда в день в расчете на одного чел.	154,1	199,1	2,57	3,32	1,29
Общая продолжительность труда в рыночной сфере в день в расчете на одного чел.	381,2	284,9	6,35	4,75	0,75
Общая продолжительность совокупной трудовой нагрузки в рыночной и домашней сфере в день в расчете на одного чел.	535,3	484	8,92	8,07	0,90

Завершая наш анализ, рассмотрим соотношение в продолжительности трудовой нагрузки мужчин и женщин с учетом обеих составляющих, т.е. рыночной и внерыночной занятости. Для этого вновь обратимся к данным табл. 2.10 и рассчитаем основные составляющие общей трудовой нагрузки (табл. 2.11). Как показывают приведенные в табл. 2.11 данные, продолжительность общей трудовой нагрузки в рыночной и внерыночной сферах несколько выше у мужчин, чем у женщин. Этот результат не вполне совпадает с теми данными, которые мы получили ранее в ходе анализа аналогичных данных по обследованию РМЭЗ за 1998 г. Объяснение этого факта связано, в частности, с отмеченным выше изменением методологии сбора информации о бюджетах времени, т.е. с более полным учетом в структуре видов деятельности тех, которые принято относить к «мужским». Вместе с тем для работающих женщин продолжительность совокупной трудовой нагрузки устойчиво превышает аналогичные показатели для мужчин. Оценивая это обстоятельство, нужно принять во внимание и тот факт, что в данном параграфе мы рассматривали структуру бюджета времени мужчин и женщин только в будние дни.

Однако по соображениям корректности анализа необходимо в перспективе учесть также гендерные различия в затратах времени на домашний труд в выходные дни, которые могут дополнительно сместить соотношение величин совокупной трудовой нагрузки мужчин и женщин.

* * *

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что в российских домохозяйствах сохраняются гендерно дифференцированные модели поведения, соответствующие мужским и женским сферам ответственности. В рамках этих моделей включенность или невключенность в домашнюю работу выступает в роли своеобразной «гендерной границы», позволяющей разделить символическое пространство «мужского» и «женского». Возникает вопрос, насколько устойчивыми во времени являются подобные асимметричные модели участия в домашнем труде со стороны мужчин и женщин. Если следовать логике «гендерного дисплея» (а ее выводы отчасти подтверждаются и нашими результатами), асимметрия в распределении домашнего труда по полу должна сохраняться и впредь, поскольку служит задаче подтверждения гендерных идентичностей мужчин и женщин.

Вместе с тем далеко не все исследователи однозначно убеждены в том, что предложенные на сегодняшний день теоретические объяснения разделения труда в частной сфере являются взаимоисключающими. Подобный подход представляется вполне правомерным, поскольку иначе пришлось бы признать, что в сфере домохозяйства есть место только одному типу логики: либо экономически рациональной логике обмена (в той или иной версии), либо ценностно-рациональной (но экономически бесперспективной) логике поддержания гендерной идентичности вопреки всяким экономическим соображениям.

Кроме того, следует отметить и тот факт, что стереотипные представления о том, какие виды деятельности следует расценивать как «мужские», а какие – как «женские», к настоящему времени претерпели значительные изменения. Этот вывод вполне справедлив, в частности, применительно к основной мужской обязанности в семье, лежащей в фундаменте мужской идентичности, а именно – обязанности быть основным добытчиком и кормильцем. Результаты РМЭЗ показывают, что, хотя продолжительность занятости на рынке труда у женщин в среднем меньше, чем у мужчин, соотношение рабочего времени мужчин и женщин не позволяет говорить о том, что роль кормильца в настоящее время – однозначная прерогатива мужчины. Еще более сомнитель-

ным было бы прогнозировать подобный сценарий на будущее, особенно с учетом начавшегося сокращения численности трудовых ресурсов.

В этой связи трудно предложить разумные аргументы против разрушения стереотипных представлений и в той области, которая традиционно считалась сферой «женских» обязанностей, — это выполнение основного объема работы по дому, включая личные услуги членам домохозяйства. Очевидно, что такие факторы, как рост уровня занятости женщин, проникновение на прежде не доступные им этажи должностной иерархии, активизация их участия в политике, наконец, рост числа разводов и неполных семей, активно воздействуют на гендерное разделение труда в рыночной и домашней сферах, снижая степень жесткости гендерных стереотипов в этой области. Одним из наглядных проявлений этого процесса можно считать, в частности, тот факт, что в разряд «смешанных» видов деятельности попали такие, как покупка продуктов питания, игры, занятия с детьми, внуками, уход и помощь в ведении домашнего хозяйства родственникам, живущим отдельно. Отметим, что согласно результатам исследований 60-х–70-х годов эти виды деятельности однозначно относились к категории «женских».

Эти сдвиги в практиках участия в домашнем труде позволяют предположить, что в настоящее время ресурсы поддержания гендерной идентичности через разделение домашнего труда постепенно сокращаются и в недалекой перспективе могут оказаться исчерпанными. Одновременно с исчезновением соответствующих практик можно будет ожидать и разрушения стереотипов относительно домашней работы как зоны преимущественной ответственности женщин.

Согласно концепции «гендерного дисплея», сокращение пространства утверждения гендерной идентичности за счет размывания границ между мужскими и женскими видами деятельности должно привести к поиску иных ресурсов поддержания символической границы мужского и женского. Иными словами, на место гендерных стереотипов в области разделения домашнего труда могут прийти не менее (а возможно, и более) жесткие стереотипы относительно полоролевых предписаний. Определенные тенденции в этом направлении прослеживаются уже сегодня. В частности, Н.Е. Тихонова отмечает, что «среди мужчин до 30 лет число сторонников патриархальной семьи в 3 раза больше, чем среди женщин этого же возраста...»⁶⁰.

⁶⁰ Тихонова Н.Е. Специфика семейного положения и семейных ролей женщин из бедных слоев городского населения: <http://www.iksiran.ru/comlex.htm>

Альтернативный сценарий связан с перспективами формирования в России так называемого безгендерного общества, в котором границы «мужского» и «женского» символического пространства размываются параллельно с разрушением жестких стереотипов в отношении гендерного разделения труда и возникновением соответствующих практик. Вместе с тем, учитывая современные российские реалии, очень трудно ожидать, что подобная «безгендерная» модель может стать в обозримом будущем массовой практикой.

ГЕНДЕРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ СТРАН СНГ В РОССИЮ

Российская Федерация занимает особое место в процессах миграции на постсоветском пространстве, поскольку она основной реципиент трудовых мигрантов из всех стран СНГ. По количеству мигрантов Россия занимает второе место в мире после США. В связи с этим на страну ложится большая ответственность за поиск инструментов, которые позволили бы мигрантам и членам их семей успешно адаптироваться в новых экономических условиях, способствовали бы поддержанию социальной и политической стабильности в регионе СНГ, предотвращению неравенства и бедности, особенно среди женщин-мигрантов и их детей. Кроме очевидной экономической значимости для всех стран СНГ миграция имеет важную социальную значимость. Она стала важным ресурсом человеческого развития, но и остается проблемной сферой для государственного управления и общественной жизни. В первую очередь это относится к нелегальной трудовой миграции, которая достигла чрезвычайных масштабов.

В общей сложности, по данным ФМС, в России 10 млн мигрантов пребывают нелегально⁶¹, что неизбежно ставит этих людей в бесправное положение, которое усугубляется низким развитием миграционной инфраструктуры (различного рода правовых, социальных, бытовых и прочих услуг). Более того, на нуждах трудовых мигрантов наживаются разнообразные окологосударственные неформальные структуры, а также неформальные структуры из числа самих мигрантов, активность которых лежит вне правового поля. Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации А. Яковенко отмечает, что к услугам теневого

⁶¹ Миграционное право: науч.-практ. и информационное издание. 2007. № 4. С. 8.

бизнеса обращаются 90% трудовых мигрантов⁶². У женщин – трудовых мигрантов часто нет другого выбора. Основные сферы применения их труда – это частная сфера услуг (помощь семьям в ведении домашнего хозяйства и воспитании детей, уход за престарелыми людьми и инвалидами, массажи, стрижки, секс-услуги и т.п.). Легализовать эту занятость крайне сложно, так же как и регламентировать трудовыми контрактами, поэтому борьба за легализацию трудовой занятости в России влияет прежде всего на количество мужчин-мигрантов и в гораздо меньшей степени на женщин.

В Российской Федерации миграционная политика находится в стадии формирования, механизмы мониторинга трудовой миграции разработаны слабо. Неразвитость правовой сферы и коррупция в области регулирования миграционных процессов дают полное основание многим экспертам относить миграцию на постсоветском пространстве к самой массовой сфере нарушений прав человека. В связи с этим исследование положения отдельных категорий мигрантов, в частности женщин и детей, могло бы стать отправной точкой для формирования дифференцированного взгляда на миграционные процессы и создания более «отзывчивой» миграционной политики, с учетом гендерных различий конкретных контингентов мигрантов.

Вследствие нелегального положения многие мигранты не имеют доступа к правосудию и правовым формам защиты. В первую очередь это относится к женщинам, так как они чаще, чем мужчины, работают в неформальной сфере и не имеют правового статуса. Правозащитных организаций, готовых заниматься восстановлением нарушенных прав трудовых мигрантов, очень мало. Эта область правозащитного движения в России только формируется. Вместе с тем развитие миграционной политики неотделимо от развития правозащитного движения в сфере привлечения и использования иностранной рабочей силы.

Гендерные стереотипы в сфере миграции

Трудовая миграция в Россию сегодня – самый динамичный и многочисленный миграционный поток. Общая численность работающих в РФ трудовых мигрантов, по разным оценкам, колеблется от 5 до 10 млн чел. В 2006 г., по официальным данным Федеральной миграционной службы, в России работало 1014 тыс. тру-

⁶² Там же. С. 8.

довых мигрантов, из которых женщины составляли менее 20%. Однако, по данным выборочных опросов мигрантов, реальная доля женщин среди них может составлять от 30 до 35%⁶³. В целом же женщины неадекватно представлены как в официальной статистике, так и в выборочных опросах, потому что многие из них работают в неформальных и теневых секторах занятости – частных домохозяйствах, торговле, сфере досуга и развлечений. Отсюда вытекает целый ряд гендерных стереотипов.

Стереотип 1. Традиционно трудовая миграция воспринимается в основном как мужское занятие: мужчина выезжает на заработки, сохраняя за собой роль основного кормильца в семье, а женщина либо остается дома, либо следует за ним в качестве члена семьи. Такой стереотип очень устойчив, но не вполне соответствует реальности. Женщины давно стали самостоятельными и активными участниками миграции. На международном уровне это было признано еще в начале 1990-х годов, когда начала действовать специальная рабочая группа ООН по вопросам миграции женщин. В мировых масштабах женщины сегодня составляют 50% населения, вовлеченного в международную миграцию⁶⁴.

Стереотип 2. Считается, что экономическая роль женщин – трудовых мигрантов не столь велика, как роль мужчин, поскольку их заработки существенно ниже мужских. Осуществляемые женщинами денежные переводы в страну происхождения ниже, как и налоги, которые они платят в стране назначения. Если оставаться в рамках чисто количественных характеристик, то оспорить справедливость этого стереотипа довольно сложно, однако ряд исследований, проведенных в середине 2000-х годов, показывает, что женщины инвестируют подавляющую часть своих заработков в образование детей и здоровье близких, тем самым трансформируя свой экономический капитал в социальный капитал младшего поколения и увеличение продолжительности жизни старшего поколения. Экономический эффект этих инвестиций является отложенным и его довольно сложно подсчитать, хотя, конечно, такая задача вполне выполнима, если бы она была серьезно поставлена перед экономистами.

Есть еще одно важное обстоятельство, которое необходимо принимать во внимание. Хотя, как правило, женщины в целом пе-

⁶³ Демографические проблемы Российской Федерации и пути их решения: докл. ПРООН. М., 2008.

⁶⁴ International Organization for Migration (2005). World Migration 2005: Costs and benefits: http://portal.unesco.org/shs/en/ev.php-URL_ID=8128&URL_DO=DO_PRINTPAGE&URL_SECTION=201.html

реводят меньше, чем мужчины, исследования показывают, что они переводят своим семьям, оставшимся дома, более высокую долю своего скромного заработка. Это отражает приоритеты бюджета расходов женщин-мигрантов во всем мире. Кроме того, вклад женщин-мигрантов в жизнь своих общин не ограничивается одними денежными переводами. Всемирный Банк объясняет улучшение качества медицинского обслуживания детей и сокращение показателей детской смертности тем, что женщины, находившиеся за рубежом, получили определенные медицинские знания⁶⁵.

Стереотип 3. Проблемы, с которыми сталкиваются женщины – трудовые мигранты, мало чем отличаются от проблем мужчин – трудовых мигрантов. Таково мнение большинства государственных чиновников, которые не видят специфики занятости женщин, а потому не учитывают их особое положение на рынке труда. Устойчивость этого стереотипа проистекает из того обстоятельства, что трудовая миграция на пространстве СНГ активизировалась и набрала темпы относительно недавно. Соответственно тема женской миграции практически не поднималась. Но даже немногие проведенные исследования показали, что уже в 1990-х годах трудовая миграция в Россию превратилась в распространенную стратегию выживания для многих женщин из стран СНГ, имеющую характерные особенности.

Занятость женщин-мигрантов носит преимущественно *индивидуальный характер*, в отличие от группового или «бригадного» характера мужской занятости. Это накладывает отпечаток на все стадии женской трудовой миграции, начиная с поиска работы, установления отношений с работодателем и заканчивая возможностью защиты прав, а также доступом к базовым социальным гарантиям. К основным проблемам женщин-мигрантов, которые требуют углубленной проработки, относятся неадекватные с правовой точки зрения трудовые договоры (или их отсутствие), заниженная оплата труда, крайне ограниченные возможности устроить детей в детский сад и школу, ограниченный доступ к базовой бесплатной медицинской помощи; сексуальная эксплуатация, поборы со стороны работодателей и коррумпированных представителей власти.

Стереотип 4. Четвертый стереотип состоит в устойчивом убеждении, что женщины – мигранты, получающие социальные пособия (в том числе по беременности и родам), изымают из рос-

⁶⁵ Доклад UNFPA «Народонаселение мира в 2006 г.»: <http://www.europa.md/eng/info/586>

сийского бюджета средства, которые не компенсируются их трудовым вкладом. В какой мере это убеждение оправдано или ошибочно, пока никто ответить точно не может. Здесь тоже нужны серьезные исследования.

Все названные проблемы вызвали озабоченность общества, на которое государственные структуры, разрабатывающие миграционную политику, реагирует очень слабо, поэтому анализ проблем и акцентирование внимания на месте и роли женщин в миграционных процессах, объяснение специфики этого контингента мигрантов очень важны.

Стереотип 5. В СМИ широко обсуждается точка зрения, согласно которой нехватку трудовых ресурсов в Российской Федерации и даже естественную убыль населения можно компенсировать за счет притока мигрантов. Однако эти представления не учитывают оттока мигрантов. Женская эмиграция вносит свою лепту в ухудшение демографической ситуации в стране. Так, по данным ООН, на 100 мужчин, выезжающих из России на заработки за рубеж, приходится 115 выезжающих женщин⁶⁶. Причем мигрируют именно женщины репродуктивного возраста. В то же время на 100 мужчин, въезжающих в Россию, приходится только 25–30 женщин, причем подавляющая часть мигрантов из СНГ в силу существующего законодательства и других социально-экономических причин прибывает в нашу страну не на постоянное место жительства, а временно, для решения острых материальных проблем. Таким образом, и сами иммигранты, и рожденные ими дети только временно улучшают статистические показатели динамики численности населения.

Актуальные направления исследований в сфере женской трудовой миграции

К сожалению, приходится констатировать, что за последние десять лет в России не было репрезентативных исследований, где нашли бы отражение гендерные аспекты трудовой миграции. Уникальными остаются проекты, реализованные до 1998 г. исследователями Института социально-экономических проблем народонаселения РАН⁶⁷. Из числа самых последних проектов, в ко-

⁶⁶ UNFPA (2006) A Passage to Hope: Women and International Migration: http://www.unfpa.org/swp/2006/pdf/en_sowp06.pdf>. Accessed 10.05.0

⁶⁷ Проекты были поддержаны Фондом Макартуров и Институтом «Открытое общество»/Фонд Сороса. Результаты опубликованы в кн.: *Мальшиева М., Тюрюканова Е. Женщина, государство, миграция.* М., 1998.

торых содержатся дезагрегированные по полу данные, можно назвать лишь исследование, организованное Международной организацией по миграции «Предотвращение торговли людьми в РФ, 2007»⁶⁸. Опрос проводился в Московской и Астраханской областях и республике Карелия. Он содержит информацию о распределении мигрантов по сферам занятости и о нарушении трудовых прав, в том числе по полу. В опросе представлены данные о распределении женщин в группах повышенного риска – потенциальных «донорах», жертв торговли людьми, а также статистика о денежных переводах мигрантов, в том числе мужчин и женщин. Наконец, сравнивается положение легальных и нелегальных мигрантов. В случае заинтересованности, можно было бы сделать сопоставления по полу.

Важно отметить, что с методологической точки зрения гендерные исследования в сфере миграции могли бы сегодня опираться на высокопрофессиональные методические разработки, подготовленные агентствами ООН и МОМ. Речь идет прежде всего об информационном руководстве «Предотвращение дискриминации, эксплуатации и притеснений женщин – трудовых мигрантов»⁶⁹, которое включает в себя шесть буклетов.

1. Зачем делать акцент на женщинах международных мигрантах?

2. Принятие решений и подготовка к занятости за рубежом.

3. Рекрутинг и выезд на заработки за рубеж.

4. Жить и работать за рубежом.

5. Возвращение домой и реинтеграция.

6. Торговля женщинами и девушками.

Первый буклет представляет особую ценность. Он дает динамику «феминизации» миграции по странам мира (без СНГ); описание секторов занятости и связанные с ними риски; показывает уязвимость на разных стадиях миграции; устанавливает связь между постоянной и временной миграцией; включает обзор международного законодательства по правам мигрантов. Хорошим информационным источником для понимания гендерных аспектов трудовой миграции служит издание Фонда по народонаселению «Путь к воплощению надежды. Женщины и международная миграция»⁷⁰.

⁶⁸ См.: Итоговый доклад по исследовательской части проекта Европейского союза «Предотвращение торговли людьми в РФ». М., 2008.

⁶⁹ An Information Guide. Preventing Discrimination, Exploitation, and Abuse of Women Migrant Workers. Gender Promotion Programme, ILO, IOM, OSCE. Geneva, 2007.

⁷⁰ Путь к воплощению надежды. Женщины и международная миграция. UNFPA: Народонаселение мира в 2006 г.

Раздел этой книги «Могучая и тихая река: женщины и миграция» включает следующие важные темы: глобализация и миграция женщин; брачные агентства и миграция; индустрия развлечений; воздействие миграции на роль мужчин и женщин и равенство между ними; преднамеренная и непреднамеренная дискриминационная политика; миграция, фертильность, контрацепция, ВИЧ; эксплуатация домашних работников; предотвращение торговли женщинами; доступ к медицинским услугам; создание организаций для равенства.

Для стран СНГ уникальным остается проект «Содействие повышению социальной защиты женщин, участвующих в процессе трудовой миграции», реализованный ПРООН в Узбекистане в 2007 г. Особое внимание было уделено вопросам внутренней миграции. Проект состоял из двух основных направлений деятельности: 1) социологического исследования внутренней трудовой миграции среди женщин, правовой и административной защиты их прав с рекомендациями для соответствующих государственных органов и групп гражданского общества по решению выявленных проблем; 2) анкетирования и case study. Вторая фаза этого проекта (2008) – «Содействие повышению социальной защиты женщин, участвующих в процессе трудовой миграции», – имеет целью развитие инфраструктуры и социальных услуг, направленных на женщин – трудовых мигрантов и членов их семей (в особенности на их детей в четырех регионах Узбекистана, определенных по результатам первой фазы проекта: в Ташкентском, Ферганском, Джизакском вилояхтах и в Республике Каракалпакстан). Вторая основная цель – повышение уровня информированности и знаний представителей правительственных, правоохранительных учреждений и гражданского общества и среди населения о правах женщин – трудовых мигрантов.

Обзор немногочисленной литературы по гендерным аспектам миграции и анализ существующих стереотипов о женщинах – трудовых мигрантах позволяют сформулировать актуальные направления исследований. Это вопросы *репродуктивного труда* женщин-мигрантов и масштабов их занятости в основных сферах «сервисной экономики»; брачные модели поведения и репродуктивные установки; роль в формировании моделей поведения женщин среднего класса России и культурное влияние на воспитание российских детей; вопросы здоровья женщин – трудовых мигрантов и их доступа к медицинским услугам; денежные переводы на родину; наконец, проблемы, связанные со сложными взаимоотношениями в семье, что отражается на психологии и социализации детей. Крайне необходимы исследования о развитии гражданских

инициатив и деятельности НПО, направленных на оказание помощи работающим женщинам-мигрантам и детям мигрантов в их адаптации к новым политическим, культурным и экономическим условиям.

Своевременно и качественно выполненные исследования в сфере женской трудовой миграции из стран СНГ в Россию могли бы иметь существенное значение для государственных служащих, принимающих решения в области миграционной, трудовой и социальной политики в России и странах выхода мигрантов; для самих женщин – трудовых мигрантов и членов их семей; НПО в области защиты прав мигрантов; журналистов, ведущих центральных и региональных СМИ; работодателей и работников бирж занятости; сотрудников международных организаций и агентств, а также госструктур, работающих в сфере трудовой миграции.

Методология анализа нужд женщин – трудовых мигрантов

Для эффективного развития миграционной политики лица, ответственные за ее функционирование в странах исхода и странах приема мигрантов, должны понимать нужды мигрантов и осознавать, что их управленческие решения должны учитывать дифференциацию этих нужд по различным категориям трудовых мигрантов, в том числе мужчин и женщин. В этом параграфе названы основные ступени анализа, которые позволяют охватить всю полноту данных о социально-демографическом составе мигрантов (пол, статус, образование, семейное положение), учесть объективные факторы и субъективные причины и мотивы выезда на заработки за рубеж, специфику занятости и прохождения всех фаз миграционного процесса, типичные кризисные ситуации, в которые попадают трудовые мигранты.

Ступень 1. Работа с информационно-статистическими источниками:

- данными национальных Комитетов по статистике;
- данными миграционных служб и профильных комитетов правительств республик, опубликованные в корпоративных изданиях (сайты, профильные журналы, информационные вестники и т.п.);
- с результатами выборочных исследований (если таковые проводились);
- сайтами и публикациями ключевых агентств ООН – МОТ, ЮНИФЕМ, ЮНИСЕФ, Фонда по народонаселению и МОМ;

- с приемными общественных организаций, занимающихся содействием трудовой миграции в каждой из республик;

- федеральными и региональными сайтами ФМС России и российских общественных организаций, занимающихся содействием трудовой миграции, сайтами научных организаций и исследовательских институтов, изучающих миграционные процессы, сайтами ключевых информационных агентств республик; сайтами международных организаций, специализирующиеся на вопросах миграции;

- приемными и сайтами уполномоченных по правам человека в республиках и в России (региональный и федеральный уровни).

Ступень 2. Анализ социально-демографического состава женщин – трудовых мигрантов.

В миграционных исследованиях выделяют *четыре основные социально-демографические группы женщин*: 1) женщины – самостоятельные трудовые мигранты; 2) женщины, которые становятся трудовыми мигрантами, присоединяясь к мужьям – трудовым мигрантам; 3) женщины, которые выезжают просто как жены трудовых мигрантов и оказываются в полной зависимости от них, поскольку не имеют самостоятельного дохода; 4) женщины, которые остаются без мужей в связи с их выездом на заработки за рубеж.

В качестве основной группы исследования выступают женщины – самостоятельные трудовые мигранты и женщины, выезжающие на заработки вместе с мужьями. К ним применим наиболее распространенный метод опроса – количественный с использованием структурированного вопросника. Дополнительные группы: женщины, которые выезжают как жены трудовых мигрантов; женщины, которые остаются на родине без мужей в связи с их выездом на заработки. Основной метод изучения положения этой группы женщин – кейс-стади. Среди выделенных категорий женщин можно по разным параметрам определить наиболее уязвимые. К таким группам принадлежат женщины – трудовые мигранты, которые, например, выезжают с детьми или рожают детей за рубежом, не владеют русским языком, никогда ранее не проживали в городских условиях и т.д.

Ступень 3. Поиск женщин-респондентов в посылающих странах и в стране назначения.

Выявить женщин – *легальных трудовых мигрантов* в принимающей стране можно через федеральные и региональные миграционные службы, по месту работы (магазины, кафе, рестораны, парикмахерские и т.п.), по месту жительства (РЭУ, общежития, частные дома, вагончики и т.п.), через приемные обществен-

ных организаций, через диаспоры. *Женщин – нелегальных трудовых мигрантов* легче искать через частные агентства, которые выступают посредниками между семьями, нуждающимися в сиделках, домработницах, нянях и т.д., и женщинами-мигрантами; в ресторанах, ночных клубах, кафе, саунах; по неформальным каналам. *Женщин – жен трудовых мигрантов* можно найти по месту работы их мужей, по месту учебы детей, через диаспоры. В *посылающей стране* поиск женщин-респондентов, которые остались на родине без мужей, и женщин, которые выезжали как жены трудовых мигрантов, может осуществляться через миграционные службы, у которых есть данные о выехавших на заработки мужчинах, по неформальным каналам, через общественные организации.

*Степень 4. Выделение стимулирующих (подталкивающих) и выталкивающих факторов миграции*⁷¹.

Здесь приводится перечень этих факторов, отраженный в Сводной рекомендации № 27 Комитета по искоренению всех форм дискриминации в отношении женщин за 2006 г.

Стимулирующие: получить новое образование; освоить новую профессию; присоединиться к мужу (жене) или другим членам семьи; экспансия индустрии развлечений, которая ориентирована на спрос мужчин и связана с финансовыми интересами бизнесменов этой сферы досуга, активно рекрутирующих женщин; потребность стран назначения в дешевой рабочей силе и в заполнении низовых ниш занятости, которые пустуют из-за отказа коренного населения выполнять малоквалифицированную и физически тяжелую работу; работа по дому, уход за детьми, престарелыми, инвалидами.

Выталкивающие (преимущественно факторы экономической глобализации): распространение бедности вследствие дерегуляции занятости на рынке труда; экспортно-ориентированная политика стран происхождения, включая экспортирование труда женщин определенных занятий в целях повышения уровня доходов семей и в конечном итоге улучшения экономического положения самих этих стран; стремление вырваться из зоны конфликтов или военных действий;

Демографические факторы: снижающийся уровень рождаемости в странах-донорах; семейная неустроенность женщин в странах-донорах (потеря кормильца, развод); давление со стороны членов семьи, которые рассматривают миграцию как страте-

⁷¹ Gender Focus in Migration Studies. International level as defined by CEDAW 2006 General Recommendation No 27 on Migrant Women.

гию выживания или способ улучшить экономический и социальный статус семьи.

Ступень 5. Составление списка основных нужд мигрантов.

Эта ступень особенно важна для принятия управленческих решений в сфере миграционной политики. Ниже приводится список тех нужд, которые чаще всего упоминаются в разных исследованиях. Их можно структурировать по ряду оснований, например: обеспечение трудовых прав; обеспечение социальных гарантий; информирование и консультирование и т.д.

Список основных нужд, представленных в исследованиях:

1) образование или обучение профессии, связанное с миграционными планами в стране происхождения и (или) стране назначения;

2) единая информационная система о наличии трудовых вакансий в принимающей стране или просто надежная *официальная* информация;

3) организация процесса миграции через официальные и безопасные сервисы, которые позволили бы получать надежную информацию о работодателях, доступном жилье и условиях проживания в странах назначения (культурных, политических, экономических), осуществить связь с работодателем;

4) консультационные и справочные сервисы, включая юридические консультации, со стандартизированным содержанием по правовым, экономическим и социальным аспектам миграции;

5) обучение русскому языку в стране происхождения или назначения в объемах, необходимых для реализации миграционных планов;

6) список надежных национальных и международных рекрутинговых агентств, принимающих заявки на трудоустройство от мигрантов;

7) свободные и доступные предмиграционные тренинговые программы, включающие гендерные и правовые аспекты перспектив проживания женщин в чужой стране, повышающие осведомленность о риске эксплуатации по признаку пола;

8) разработка типового содержания трудового контракта мигранта, в котором были бы четко прописаны все условия труда и проживания (в случае, когда жилье предоставлено работодателем);

9) обеспечение прав на социальные пособия в странах занятости или проживания, регулирования пенсионных вопросов;

10) запрет на работу свыше установленного по контракту времени без дополнительной оплаты;

11) вводный курс в трудовое законодательство и трудовые права: правовое регулирование гарантированных выплат минимальной оплаты труда;

12) горячая линия для обжалования невыплаты или задержек с выплатой зарплаты и по другим вопросам нарушения трудовых прав;

13) запрет на перевод зарплаты мигрантов на счет работодателей или на оплату труда «по окончанию произведенных работ»;

14) запрет на перевод зарплаты жены трудового мигранта на счет мужа;

15) процедуры и механизмы для возмещения убытков при расторжении контрактов с работодателями в конфликтных ситуациях и для получения компенсаций;

16) неотложные меры помощи (включая телефонные номера посольств и других организаций), которые необходимы в экстренной ситуации;

17) информация о безопасности во время передвижения (включая ж/д вокзалы, аэропорт и ориентацию в авиакомпаниях);

18) информация о защите здоровья в целом и репродуктивного здоровья в частности, доступ к базовому медицинскому обслуживанию;

19) убежища или шелтеры на случай крайней опасности;

20) доступ к участию в общественных объединениях и к социальной жизни;

22) доступ к свободным юридическим консультациям;

23) запрет на сокращение сроков пребывания в стране занятости после обжалования противоправных действий работодателя;

24) безопасное жилье;

25) безопасные условия труда;

26) доступ детей мигрантов к образованию аналогичного уровня с образованием детей страны проживания;

27) возможности для воссоединения семей мигрантов;

28) устройство детей мигрантов в детские учреждения и получение базового бесплатного медицинского обслуживания;

29) доступ к правосудию, восстановлению прав, получению компенсации за причиненный материальный и моральный вред.

Ступень 6. Определение кризисных ситуаций, в которые попадают женщины – трудовые мигранты.

Через кризисные ситуации проходят мигранты обоих полов, но есть такие, которые типичны только для женщин. Известно также, что рекрутеры, работодатели, милиция, сотрудники посольств не совсем одинаково обращаются с женщинами и мужчинами в кризисных ситуациях.

Наиболее распространенные кризисные ситуации:

- противоправные денежные поборы при выезде в аэропортах, на вокзалах и т.п.;
- препятствия для получения регистрации в стране прибытия;
- нежелание заключать контракт и/или вынужденное расторжение трудовых контрактов по инициативе работников или работодателей;
- нарушения трудового законодательства (невыплата заработной платы, отсутствие выходных, увеличенное рабочее время и т.п.);
- удержание документов работодателем или посредником, потеря документов в стране пребывания;
- задержание и содержание в изоляционных центрах (приемниках) и депортация;
- болезнь, беременность или производственная травма;
- потеря временного жилья;
- насильственные действия со стороны работодателя (или мужа в случае с женщинами-мигрантами).

Нужды женщин, которые остаются без мужей на родине в связи с их выездом на заработки, существенно отличаются от нужд трех других выделенных нами категорий женщин. Их быт остается во многом неизменным, но семейные обязанности и роли подлежат кардинальной перестройке. Основным становится вопрос, насколько их нужды могут попадать в зону управленческих решений или общественного вмешательства, а в какой мере они являются приватным пространством семьи, т.е. подлежат именно внутрисемейному урегулированию. В любом случае для них могут организовываться какие-либо необходимые сервисы и механизмы, как государственные, так и не государственные, и этим сервисам нужно уделить особое внимание.

Рекомендуемые группы вопросов при принятии управленческих решений относительно женщин – трудовых мигрантов:

об основных мотивах и причинах выезда (нуждах для выезда на заработок);

о намерениях в отношении получения гражданства;

об истории трудовой миграции (настоящая, прошлая, продолжительность);

об истории переезда из страны происхождения в страну назначения;

о поиске работы и оформлении разрешения на работу (информация о вакансиях, работодателях, рекрутинговых агентствах и др.);

о прохождении процедуры регистрации по прибытии (какие препятствия возникли);

о профессиональной подготовке (специальность, русский язык);

взаимоотношениях с работодателями (факты нарушения контрактов или неформальных договоренностей);

о проблемных, кризисных ситуациях и возникших вследствие этого нуждах;

о получении медицинской справки, медобслуживании (своем и детей);

об условиях проживания и бытовых нуждах;

группа вопросов, связанных с образованием, бытом и досугом детей;

о затратах на выезд, размерах заработков и денежных переводов на родину;

о возможности социальных контактов;

о необходимости в базовой правовой подготовке;

о необходимости воссоединения членов семей.

Анализ институциональной среды в странах-донорах и России

Институциональная среда стран-доноров (СНГ) и принимающей стороны (РФ) оказывает решающее влияние на возможности мигрантов, в данном случае женщин-мигрантов, выехать на заработки за рубеж, адаптироваться к новым социально-экономическим условиям, заработать и перевести денежные средства на родину, реализовать основные нужды. Исследование институциональной среды, в которой протекают миграционные процессы, позволяет:

- соотнести нужды женщин – трудовых мигрантов с отдельными организациями и институтами (государственными и негосударственными), которые могут создать необходимые механизмы обеспечения этих нужд и открыть новые сервисы для женщин – трудовых мигрантов;

- понять то, что уже существует, а чего не хватает, по крайней мере с точки зрения оказания технической помощи действующим институтам и организациям;

- содействовать развитию наиболее активных организаций и их программ, имеющих значение для повышения эффективности миграционного менеджмента.

Чтобы реализовать эти задачи, нужно иметь четкое представление о том, как существующие институты взаимосвязаны между собой (вертикальный и горизонтальный уровень) и с какими из

них необходимо активно взаимодействовать в ближайшем будущем для обеспечения национальных интересов принимающей стороны, социально-экономического развития региона СНГ, а также для удовлетворения базовых нужд мигрантов в целом и наиболее уязвимых групп мигрантов в особенности, к которым, безусловно, относятся женщины. При анализе необходимо учитывать кардинальные изменения, произошедшие в миграционной России в 2007 г. Нелегальная занятость в Российской Федерации взята под жесткий контроль миграционных служб и пресекается высокими штрафами. Если в 2007 г. легальные возможности миграции в Россию увеличились в связи с действием новых законов (новые законы привели к росту легальной миграции более чем в 2 раза по сравнению с 2006 г.), то в последующие годы могут возобладать ограничительные тенденции. При этом потребность выезда из стран СНГ в Россию на заработки останется такой же острой. Таким образом, первостепенное внимание в новых условиях должно быть уделено поиску (оценке) возможностей основных миграционных структур и профильных организаций существенно усилить взаимодействие между собой как внутри республик, так и на уровне межстранового взаимодействия.

Все институты, которые работают в миграционном поле, можно разделить в зависимости от направлений их деятельности.

- Правительственные механизмы и структуры, которые *регулируют* миграцию (иммиграционные и таможенные службы и др.).

- Службы и структуры, которые *формулируют* миграционную политику (в России это МВД, Федеральная миграционная служба России – ФМС).

- Организации и структуры, которые *предоставляют различные сервисы* мигрантам.

- Особую группу составляют исследовательские и учебные институты, которые *готовят кадры* для работы с мигрантами.

Для определения того, по каким направлениям и с какими институтами нужно активно взаимодействовать в будущем для эффективного управления миграционными процессами, следует ответить на приведенные ниже вопросы о проводимой миграционной политике в странах назначения, которые ставятся в специализированной литературе.

- 1) Обеспечивается ли доступ трудовых мигрантов к информации, содержащей сведения о потребности в рабочей силе разного уровня квалификации?

- 2) Осуществляется ли защита национальной рабочей силы в случае расширения приема трудовых мигрантов из других стран?

3) Осуществляется ли мониторинг в странах назначения национального рынка труда, чтобы понять, может ли трудовая миграция служить решением проблем хотя бы частично (принимая во внимание различные демографические тренды, особенно сокращение численности людей в экономически активном возрасте)?

4) Влияет ли рост числа трудовых мигрантов на доступность системы социального обслуживания населения?

5) Просчитываются ли выгоды и потери для будущих поколений?

6) Разрабатываются ли меры для предотвращения эксплуатации трудовых мигрантов по месту работы и в обществе в целом?

7) Предпринимаются ли меры для противоборства ксенофобии и вражде среди коренного населения, включая работу политиков и чиновников по убеждению и просвещению коренного населения о потребности в трудовых мигрантах?

8) Ведется ли строительство жилых центров или специальных кампусов для размещения трудовых мигрантов?

9) Имеют ли политики и чиновники достаточный уровень знаний о международной трудовой миграции и ориентированы ли они на общие цели защиты, развития межгосударственного взаимодействия и расширения возможностей?

10) Понимают ли управленцы в сфере трудовой миграции необходимость развития гендерно чувствительной миграционной политики, современной и согласованной с планами национального развития?

11) Открыты ли административные структуры для мониторинга их деятельности и доступна ли их работа для оценки по определенным параметрам мониторинга и оценки?

12) Способствуют ли чиновники сбору данных по трудовой миграции, учитывая, что это имеет существенное значение для подготовки статистических отчетов и предоставления информационной поддержки для разработки миграционной политики и планирования в этой области?

13) Используют ли чиновники отработанные механизмы для определения масштабов потребностей в рабочей силе и распределения трудовых мигрантов по секторам занятости или регионам?

14) Задумываются ли чиновники о том, отдать ли приоритет временной трудовой миграции или размещать мигрантов на постоянной основе?

15) Организовано ли обучение по месту работы в странах назначения?

16) Проводится ли политика воссоединения членов семей?

17) Осуществляется ли контроль над системой рекрутинга?

18) Ведется ли подготовка кадров для развития законодательства и предоставления общественной помощи?

19) Предпринимаются ли меры для признания соответствия образовательных сертификатов?

20) Отслеживается ли возможность получения мигрантами социального обслуживания и медицинской помощи?

21) Разработаны ли меры инспектирования труда?

22) Оказывается ли юридическая и психологическая помощь?

Межсекторное взаимодействие в сфере формирования гендерно восприимчивой миграционной политики

Оценки экспертов, разрабатывающих гендерные разделы программ и стратегий национального развития стран СНГ, должны стать важным ресурсом для специалистов и управленцев в области миграционных процессов в формировании гендерно восприимчивой миграционной политики. Нужна кропотливая работа по ознакомлению государственных чиновников, занимающихся миграционным менеджментом, с обязательствами правительств республик СНГ в области обеспечения политики гендерного равенства, а также инициация диалога о специальных мерах по легализации женщин – трудовых мигрантов в сфере труда и занятости, расширение миграционных возможностей для преодоления бедности среди женщин. Эта работа должна положить начало межсекторному взаимодействию и заключению в дальнейшем партнерских отношений с тем кругом людей, от которых в будущем будет зависеть формирование гендерно ориентированного миграционного законодательства, включая статьи и нормы, которые регламентируют услуги в частном секторе, особенно работу на дому.

Межсекторное взаимодействие предполагает, во-первых, переговорный процесс относительно этих норм и статей внутри республик, во-вторых, обмен ходом переговоров между республиками, в-третьих, отчеты о достижениях или неудачах по интеграции гендерной составляющей в определенные статьи миграционного законодательства. Предваряющим шагом на этом пути выступает изучение потенциала основных заинтересованных субъектов, которые включают в себя правительственные структуры республик, научно-исследовательские учреждения и НПО, занимающиеся миграционным законодательством и легализацией труда мигрантов. Кроме того, должны приниматься во внимание основные характеристики социальной, экономической и политической среды в странах СНГ.

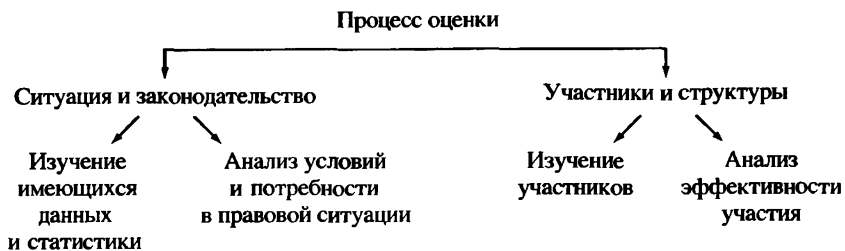

Рис. 2.11. Процесс оценки

Важная часть оценки возможностей межсекторного взаимодействия – организация общественных мероприятий, например, тематических круглых столов, которые являются инструментами и площадками для консультаций и повышения осведомленности. Круглые столы собирают представителей правительственных и неправительственных структур, а также международные организации, которые работают в данной сфере. В процессе диалога по миграционному законодательству участники могли бы наилучшим образом определить свою роль в формировании гендерно восприимчивой миграционной политики. Оценка должна способствовать четкому и общему пониманию всеми заинтересованными сторонами существующих потребностей и проблем. Этого можно достичь посредством применения подхода, основанного на участии и партнерстве, который включал бы всех возможных участников, а также посредством использования интерактивных методов анализа и прозрачного рассмотрения результатов этого процесса⁷² (рис. 2.11).

Составные элементы оценки. Процесс оценки возможностей межсекторного взаимодействия включает:

- оценку потенциала основных заинтересованных субъектов, включая правительственные структуры республик, научно-исследовательские учреждения и НПО, занимающиеся миграционным законодательством;
- основные характеристики социальной, экономической и политической среды в странах СНГ.

Оценка должна давать общее представление об опыте и потенциале участников, которые могут быть вовлечены в работу, их способности вырабатывать новые идеи, направленные на формирование механизмов гендерно восприимчивой миграционной политики, адаптированной к особенностям национального кон-

⁷² См. практическое руководство: «Механизмы перенаправления жертв торговли людьми на национальном уровне. ОБСЕ/БДИПЧП. М., 2004. С. 39.

текста страны. Оценка состоится только в том случае, если республиканские партнеры будут полностью вовлечены в процесс *на всех его этапах*, начиная с решения о проведении анализа законодательства и заканчивая рекомендациями о его модернизации. Наконец, должно быть достигнуто взаимное согласие относительно задач и целей этого процесса. Только тогда можно приблизиться к главной цели – созданию гендерно ориентированного миграционного законодательства и миграционной политики и гарантировать их устойчивое развитие в будущем.

ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЗДОРОВЬЕ

Мужские и женские стратегии профилактики и лечения заболеваний различны. При этом женщины оценивают свое здоровье ниже, чем мужчины, но живут дольше. Результаты ряда российских исследований конца 1990-х годов показывают: по одному хроническому заболеванию имеют приблизительно одинаковая доля мужчин и женщин, одновременно несколько заболеваний у каждого десятого мужчины и у каждой пятой женщины⁷³. Есть нарушения здоровья, которые чаще встречаются у мужчин. Так, заболеваемость активным туберкулезом у них в 3 раза выше, что связано с большей численностью представителей сильного пола в местах заключения⁷⁴. Нередко проблемы здоровья женщин связаны с их репродуктивной функцией: широко распространена анемия у беременных, а различные осложнения после абортов обусловлены большим количеством случаев прерывания беременности.

Статистические данные, результаты исследований в сфере здоровья, традиции и социальные нормы способствуют распространению гендерных стереотипов в обществе и на уровне реализации государственной социальной политики. Гендер формирует индивидуальное здоровье⁷⁵. По-разному социализируясь в семье и учебных заведениях, мужчины и женщины вырабатывают различное самосохранительное поведение. Как женские, так и мужские поведенческие роли, ограниченные общественными нормами, мо-

⁷³ Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века / под ред. Н.М. Римашевской. М.: ИСЭПН, 2001.

⁷⁴ Социальное положение и уровень жизни населения России: стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). М., 2004.

⁷⁵ Brodkey A.C., Shaw D.L. Women's health competencies in the undergraduate psychiatry curriculum: Past and future // Am J Obstet. Gynecol. 2002. N 187(3). P. 15–18.

гут быть связаны с особенностями их заболеваний⁷⁶. Смена же привычных (традиционных) гендерных ролей обычно ведет к депрессии⁷⁷. Во многих странах женщины имеют ограниченный доступ к различным ресурсам, в том числе к системе здравоохранения; у них меньше возможностей защитить свое здоровье⁷⁸. На женщину возлагается нагрузка по дому, уход за членами семьи, в том числе больными⁷⁹. Чрезмерная занятость женщин плохо отражается и на здоровье супруга. Доминирующая роль жены в семье негативно отражается на ее здоровье, но здоровье мужа, наоборот, улучшается⁸⁰. Включенность в трудовую деятельность положительно влияет на здоровье женщины, поскольку вносит разнообразие в ее жизнь и повышает психологическую самооценку⁸¹.

Индивиды имеют множество ролей, иногда сложных и противоречивых, что может вести к состоянию хронической усталости и депрессии. Менее ей подвержены женщины, занимающие несколько социальных позиций, включая оплачиваемую работу, требующую интеллектуального потенциала и высокой степени автономии⁸². Считается, что мужские стили поведения более рискованные, а женские – сохраненные⁸³. Мужчины и женщины по-разному чувствительны к стрессам и эмоциям⁸⁴. Гендерные стереоти-

⁷⁶ *Vlassoff C., Bonilla E.* Gender-related differences in the impact of tropical diseases on women: what do we know? // *Biosci.* 1994. N 26(1). P. 37–53.

⁷⁷ *Ware N.C., Kleinman A.* Culture and Somatic Experience: The social cause of illness in neurasthenia and chronic fatigue syndrome // *Psychosomatic Medicine.* 1992. N 54. P. 546–560.

⁷⁸ *Phillips S.P.* Defining and measuring gender: A social determinant of health whose time has come // *International Journal for Equity in Health.* 2005. N 4. P. 11–17 (<http://www.equityhealthj.com/content/4/1/11#IDAG1A15>).

⁷⁹ *Tonnies F.* Community and Society. N.Y.: Harper Row, 1957; *Parsons T.* Definitions of health and illness in the light of American values and social structure // *Social structure and personality* / ed. E.G. Jaco. N.Y.: Free Press, 1979. P. 165–187; *Римашиевская Н.М.* Человек и реформы: секреты выживания. М.: РИЦ ИСЭПН, 2003.

⁸⁰ *Hall E.M.* Double exposure: The combined impact of the home and work environments on psychosomatic strain in Swedish men and women // *International Journal of Health Service.* 1992. N 22. P. 239–260.

⁸¹ *Cubbins L.A., Szaflarski M.* Family effects on self-reported health among Russian wives and husbands.

⁸² См. напр.: *Brown G.W., Harris T.* Social origins of depression. N.Y.: Free Press, 1978; *Lennon M.C.* Sex differences in distress: the impact of gender and work roles // *Journal of Health and Social Behavior.* 1987. N 28. P. 290–305; *Lennon M.C., Rosenfield S.* Women and Mental Health: The Interaction of Job and Family Conditions // *Journal of Health and Social behavior.* 1992. N 33. P. 316–327.

⁸³ См., напр.: *Неравенство и смертность в России* / под ред. В. Школьников, Е. Андреева и Т. Малевой. М., 2000.

⁸⁴ *Robertson M.D., Johnson J.T.* Is it emotion or is it stress? Gender stereotypes and the perception of subjective experience // *Sex Roles.* 1997. Vol. 36. Iss. 3/4. P. 235–259.

пы, связанные с состоянием здоровья и отношением к нему, формируются как в приватной сфере жизнедеятельности людей, так и в трудовой. Существует разделение на женские и мужские профессии, с различными условиями труда, влияющими и ведущими к профессиональным заболеваниям⁸⁵. Предприниматель должен компенсировать «недостатки» женской рабочей силы в связи с выполнением материнских обязанностей, предлагая менее квалифицированную и низкооплачиваемую работу⁸⁶. Эксперты МОТ отмечают, что существуют «мужские» и «женские» риски на производстве. В основном трудовая деятельность женщин характеризуется выполнением большого числа однообразных операций, где нет места творческому и инициативному подходу, поэтому среди промышленных рабочих-женщин чаще происходят травмы, которые являются следствием стресса и однообразной деятельности⁸⁷.

Методология исследования. В качестве основной базы данных здесь мы использовали данные Российского мониторинга экономики и здоровья (РМЭЗ) за 1994–2005 гг., ежегодно интервьюировалось более 10 000 чел., а также данные исследований по проектам «Занятые на рынке труда: ресурс здоровья и условия работы в России» (далее – «Занятые на рынке труда»)⁸⁸, в ходе которого в 2005 г. в нескольких российских городах были проведены формализованные и полужформализованные интервью с респондентами – представителями различных социальных групп и глубинные тематические интервью с медицинскими работниками (в том числе с главными врачами больниц и поликлиник, врачами различных специальностей, заведующими и сотрудниками аптек). Всего 130 интервью.

Особенности формирования стереотипов применительно к здоровью

Полученные нами глубинные интервью содержат информацию о том, как респонденты понимают здоровье, что предпринимают для его сохранения или восстановления, какая существует

⁸⁵ См., напр.: *Тартаковская И.Н.* Социальное положение женщин и мужчин: гендерные проблемы постсоветской России // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / под ред. В.А. Ядова. М., 2005. С. 391–420.

⁸⁶ *Римашевская Н.М.* Человек и реформы: секреты выживания.

⁸⁷ Охрана труда в цифрах и фактах. Направления совершенствования глобальной культуры охраны труда. М.: МОТ, 2004.

⁸⁸ Исследование проведено при поддержке Фонда Дж. и К. Макаруров, грант № 04-81338-000-GSS.

разница между отношением к здоровью у мужчин и у женщин. Существует две основные группы стереотипов: 1) автостереотипы – описание собственной гендерной группы; 2) гетеростереотипы – описание другой гендерной группы. На основе имеющихся данных в нашем исследовании можно выделить пять видов стереотипов: когда женщины говорят о себе и о мужчинах, когда мужчины характеризуют себя и представительниц противоположного пола (как пациенты, так и врачи), когда каждый рассуждает о здоровье безотносительно к полу.

Участники глубинных интервью, в том числе врачи, отметили особенности поведения женщин и мужчин по отношению к здоровью, характеризуя тех и других нейтрально, отрицательно или положительно, в том числе основываясь на общественных стереотипах. Стереотипы касались в основном гендерных различий в отношении к здоровью в личной и трудовой сфере, в период заболевания и хорошего самочувствия. Анализ интервью респондентов, как врачей, так и пациентов, позволяет сделать вывод, что в отношении самосохранительного поведения мужчин и женщин существуют и позитивные, и негативные стереотипы. Эти стереотипы формируются в зависимости от ситуации, в которую человек попадает, имея возможность заниматься профилактикой своего здоровья или лечиться. Причем женщинам и мужчинам приписывают как одни и те же, так и противоположные стереотипы.

К позитивным стереотипам, которые в равной степени были названы в качестве основных для мужчин и женщин, можно отнести заботу о собственном здоровье и здоровье близких людей, что больше присуще женщинам.

К негативным стереотипам отнесено:

- отсутствие заботы о здоровье и обращение за медицинской помощью в крайних случаях, что характерно для людей с высокой занятостью, прежде всего для мужчин, но также и для женщин, делающих карьеру, являющихся главами домохозяйств, с большой иждивенческой нагрузкой; у женщин отсутствие времени на заботу о собственном здоровье часто связано с двойной занятостью;

- отказ от необходимой медицинской помощи: женщины, прежде всего имеющие детей, не хотят покидать дом и уходить на лечение в стационар («не на кого семью оставить»), мужчины – из-за боязни получить негативную характеристику на работе («на работе отрицательно относятся к болеющим сотрудникам»); как мужчины, так и женщины выходят на работу во время болезни, поскольку боятся ее потерять;

- вредные привычки больше характерны для мужчин: курение, употребление алкоголя, неправильное питание и др.;
- преувеличение количества и серьезности заболеваний свойственно как мужчинам, так и женщинам;
- необходимость жертвовать карьерой: женщины жертвуют карьерой ради семьи (остаются дома в случае необходимости ухода за близкими);
- подверженность депрессиям: мужчины легче впадают в депрессию, если остаются без работы (крайний случай – самоубийство).

Некоторые стереотипы сочетают в себе как позитивные, так и негативные характеристики индивидов: работники обращаются за медицинской помощью при необходимости, но лишь для того, чтобы восстановиться для включения в трудовую деятельность, а не потому, что признают важность здоровья как самоценность. Медицинские работники считают, что мужчины чаще выполняют рекомендации врача, поскольку больше доверяют им, а женщины – реже, поскольку считают, что достаточно собственных знаний в области лечения заболеваний.

Помимо мнений о существующих моделях поведения мужчин и женщин были высказаны предположения о том, что разница в самосохранительном поведении зависит не от гендера. Некоторые респонденты стиль поведения пациентов объясняли особенностями стереотипов больного человека, возрастных и этнических характеристик, ограничений структуры рынка и переходной экономики. Врачи считают, что поведение в отношении здоровья меняется с образом жизни людей и зависит от высоких нагрузок в трудовой сфере. Дистрессу и профессиональным заболеваниям подвержены как мужчины, так и женщины, однако разная структура гендерной занятости (в различных отраслях и на различных рабочих местах) формирует и структуру заболеваемости полов.

Занятость и здоровье

Дистресс – один из самых распространенных факторов среди других неблагоприятно влияющих на здоровье работников. Большая часть москвичей (88%) считает, что их работа связана с теми или иными неблагоприятными условиями: психоэмоциональными нагрузками, умственным напряжением, стрессами, монотонным ритмом. По данным компаративного исследования в Москве и Хельсинки в 1991 г., каждый пятый москвич ответил, что его работа связана с большими стрессами. В это же время в столице Финляндии так ответил каждый десятый. Не испытывали стресс

на рабочем месте вообще только 0,4% мужчин и 3% женщин в Москве, а в Хельсинки – 10 и 7% соответственно⁸⁹. Чаще всего характеризуют свою работу как напряженную и стрессовую мужчины с высоким уровнем образования, занимающиеся умственным трудом. Практически у каждого из них деятельность связана с новыми технологиями и современной техникой, требующей повышенного внимания. Часто это работа с небольшой физической активностью.

Жесткий контроль на рабочем месте со стороны руководства выступает риск-фактором для эмоционального и физического здоровья работника. Чаще всего именно мужчины принимают решение относительно своего рабочего окружения (4–5 баллов пятибалльной шкалы), полная свобода в данном вопросе (на уровне 5 баллов) связана с умственным напряжением, психоэмоциональными нагрузками, стрессами и одновременным сочетанием всех этих факторов. Если же такая возможность практически отсутствует (на уровне 1 балла), то психоэмоциональная составляющая работы заменяется физическими факторами, например, повышенным уровнем шума и влажностью. В некоторых случаях тяжелые условия не дают достойного заработка, а продолжительность рабочего времени и график человек не может установить сам. У женщин, занятых на государственных предприятиях и в акционерных обществах с участием государства, работа чаще связана с отсутствием свободы по всем позициям (оценка в 1–2 балла). Для мужчин отсутствие свободы на рабочем месте связано с наличием большого числа вредных факторов.

Состояние здоровья зависит от структуры занятости, а его ухудшение наблюдается при снижении статуса образования и квалификации, ограничения свободы выбора на рабочем месте. Так, переход на руководящую должность сопровождается увеличением степени свободы, но вместе с тем и числа нарушений здоровья.

Вредные факторы труда. В 2004 г. 18,3% мужчин и 11,7% женщин – участников РМЭЗ (в 2005 г. – 18,3 и 13,0% соответственно) отметили, что производство, на котором они работают, является вредным или опасным, т.е. дающим право на досрочное назначение трудовой пенсии и на дополнительные выплаты и льготы. Располагая данными исследований, проведенных в Москве и других российских городах, можно сказать, что вредные воздействия на рабочем месте мужчины испытывают чаще, чем жен-

⁸⁹ Palosuo H., Zhuravleva I., Uutela A., Lakomova N., Shilova L. Perceived health, health-related habits and attitudes in Helsinki and Moscow: a comparative study of adult populations in 1991. Helsinki: Julkaisija – Utgivare – Publisher. 1995.

щины, особенно это касается повышенного уровня загрязнения и наличия вибрации. Однако во вредных условиях труда женщины работали дольше мужчин или равное с ними количество лет. Например, женщины в среднем на пять лет дольше работали в условиях повышенного загрязнения. Возможно, мужчины легче меняют место работы, расстаются с рабочим местом и находят другую сферу деятельности⁹⁰.

В 1998 г. в Казани почти половина мужчин и женщин были заняты на работах, требующих больших энергозатрат (в том числе ношение тяжестей более 10 кг), при повышенном шуме, выполняли свою работу стоя: у прилавка, у конвейера, у служебной стойки, проводя занятия. Мужчины чаще женщин ездили в командировки, работали на улице и под действием вибрации, а женщины выполняли рутинную работу или трудились в условиях недостаточной вентиляции.

У мужчин, занятых на предприятиях с вредными производствами (ВП), уровень здоровья практически не отличается от остальных, а женщины, работающие под действием вредных факторов, оценивают свое здоровье ниже: среди них также больше больных и нездоровых, чем среди работниц других сфер. Тем не менее люди, занятые во вредных условиях труда, реже оформляют больничные, чем те, чья работа не считается вредной, опасной и тяжелой. Это связано с тем, что сотрудники предприятий с вредными производствами проходят обязательный медицинский контроль и раньше выходят на пенсию. Вредная работа у женщин чаще, чем у мужчин, связана с переживаниями. Среди тех, кто работает на вредном и опасном производстве, 61,1% мужчин и 37,3% женщин ответили, что не испытывают чувства беспокойства или депрессии (на других видах работ – 62,7 и 41,5%).

Социальные льготы, предоставляемые работникам вредных и опасных производств государством или предприятием в качестве компенсаций, – серьезный мотив занятости. Социальная и экономическая поддержка на таких производствах распространяется как на самого сотрудника, так и на членов его семьи, например, организация летнего отдыха для детей. Работники предприятий с вредными и опасными условиями труда реже меняли место работы или профессию: в 2004 г. место работы по сравнению с 2003 г. прежним осталось у 81,2% мужчин и 89,4% женщин, занятых на вредных производствах, против 73,7% мужчин и 79,8% женщин, занятых на других рабочих местах, в 2005 г. (по сравнению с 2004 г.) – 84,5 и 89,1% против 71,8 и 79,6%, и работа на предпри-

⁹⁰ Сбережение народа / под ред. Н.М. Римашевской. М.: Наука, 2007.

ятях с неблагоприятными условиями труда в 2004 г. была в 2,6 раза привлекательнее для мужчин и в 2,2 раза – для женщин за счет оплаты путевок в санатории, дома отдыха, турбазы, детские лагеря, а в 2005 г. – в 3,8 и 2 раза соответственно. Бесплатное лечение в ведомственных медицинских учреждениях, полная или частичная оплата лечения в других медицинских учреждениях делает работу с воздействием вредных факторов привлекательнее в 1,7 раза для мужчин и в 2 раза для женщин, а бесплатное или льготное питание или его оплата – в 2,4 раза для мужчин.

Очевидно, что руководство предприятий с вредными производствами может удерживать работников, не прикладывая особых усилий и не проводя серьезных мероприятий по улучшению условий труда, оставаясь привлекательными в силу обеспечения основных социальных гарантий и отсутствия выбора на рынке труда. Подавляющее большинство респондентов говорило не о том, что необходимо улучшать условия труда, а о том, что надо увеличивать льготы и заработную плату за работу в неблагоприятных условиях. Необходимость заработка и некоторые социальные гарантии являются мотивом продолжения работы на этом же рабочем месте и после выработки стажа, необходимого для получения трудовой пенсии.

Чем выше уровень здоровья, тем дольше человек готов эксплуатировать его. Более половины женщин (55,1%) и чуть меньше половины мужчин (44,6%) собирались продолжить работу после того, как выработают стаж, дающий право на льготную пенсию, 34,8% мужчин и 21,6% женщин в этом случае прекратят работу. 19,3% мужчин и 20,0% женщин уже выработали стаж, но продолжают работать, только 1,3% и 3,2% опрошенных мужчин и женщин собираются уйти на пенсию своевременно. Более того, среди больных треть мужчин и женщин предполагали продолжить работу после выработки специального стажа, среди нездоровых – 39,7% мужчин и 45,1% женщин, среди здоровых – половина мужчин и более половины женщин.

Мотивом занятости на работе с неблагоприятными условиями труда служит уверенность в том, что человек занимается полезным трудом. В 2005 г. считали свою работу полезной 79,9% мужчин и 81,7% женщин, занятых на предприятиях с вредными производствами, против 71,4% мужчин и 71,7% женщин, занятых на других видах работ.

По словам молодых участников глубинных интервью, частые командировки, отрицательно действующие на здоровье, большинством считаются преимуществом, и такая работа характеризуется как интересная, разнообразная и престижная. Женщины связывают

ее еще и с возможностью сделать карьеру. Ради удобного графика мужчины готовы мириться с химическими факторами и работой в ночное время, женщины согласны работать на улице. Фиксированные часы работы (без сверхурочных) для женщин являются компенсатором работы в условиях травмоопасности.

За два года, с 2004 по 2005, стало больше удовлетворенных жизнью, в том числе и среди занятых в неблагоприятных условиях труда. Но неудовлетворенных жизнью женщин на предприятиях с ВП больше, чем в других организациях. Повысился в целом и уровень удовлетворенности работой. Однако условиями и оплатой труда работники предприятий с ВП не довольны больше остальных: в 2005 г. каждый пятый мужчина и каждая третья женщина.

Небольшие позитивные сдвиги произошли в вопросе удовлетворенности профессиональным ростом. Стало чуть меньше неуверенных в том, что смогут найти себе работу не хуже настоящей в случае, если предприятие закроется. Однако среди женщин совсем неуверенных больше, чем среди мужчин, – практически каждая четвертая на рынке труда. Причем самый высокий уровень беспокойства о возможной потере работы (28,2%) у женщин, не занятых на вредных производствах. Женщины, работающие под воздействием вредных факторов, чуть меньше боятся потерять работу, но и среди них доля очень велика – боится утратить работу каждая четвертая. В 2005 г. 24,4% мужчин и 25,9% женщин, занятых на предприятиях с ВП (2004 – 32,0 и 27,0%), 25,6% мужчин и 27,6% женщин, занятых на других видах работ (2004 – 30,0 и 30,8%), хотели бы найти другую работу. Следовательно, рабочие места все больше устраивают работников. Мотивация занятости на предприятиях с вредным производством остается достаточно высокой.

Выявление профессиональных заболеваний и компенсирующие мероприятия. В законе «Об основах охраны труда в Российской Федерации» сказано, что работник обязан соблюдать требования охраны труда и при поступлении на работу проходить обязательные предварительные и периодические (в течение трудовой деятельности) медицинские осмотры⁹¹ (обследования). Ответственность работодателя должна проявляться также в обеспечении работников медицинской страховкой по дополнительному

⁹¹ Министерство здравоохранения и медицинской промышленности Российской Федерации. Приказ от 14 марта 1996 г. № 90 «О порядке проведения предварительных и периодических медицинских осмотров работников и медицинских регламентах допуска к профессии» (в ред. Приказов Минздрава РФ от 11.09.2000 № 344, от 06.02.2001 № 23).

социальному страхованию и в организации служб здравоохранения по месту работы. Однако договор на дополнительное добровольное медицинское страхование, обслуживание с какой-либо страховой компанией в 2004 г. был только у 8,5% мужчин и у 3,7% женщин, занятых на вредных производствах, и у 4,6% мужчин и 3,4% женщин, занятых на других видах работ. В 2005 г. договоры были у 9,7% мужчин и 3,8% женщин, занятых на вредных производствах, и у 4,8% мужчин и 4,5% женщин, занятых на других работах. Большинству из тех, у кого есть договор на дополнительное медицинское страхование (ДМС), его оплачивал работодатель. В 2005 г. предприятие оплатило договор дополнительного медицинского страхования 95,0% мужчин и 92,3% женщин.

Занятые на вредных производствах чаще включены в программу добровольного медицинского страхования. Но женщины, в 2–3 раза реже мужчин, возможно, потому, что их, как правило, меньше в составе руководящего звена, труд их меньше ценится, а также, может быть, потому, что они выполняют менее вредную работу. Оказывается, не все работники, занятые на вредных производствах и имеющие право на льготную пенсию, обеспечены полисом обязательного медицинского страхования: договор об обязательном медицинском страховании имели 89,4% мужчин и 95,3% женщин, занятых на вредных производствах, и 95,1% мужчин и 97,5% женщин – работников обычных предприятий. Социальные льготы, отсутствие выбора на рынке труда, уверенность в том, что человек занимается общественно полезным делом, остаются важным мобилизационным элементом привлечения работников на предприятиях с вредными производствами.

Поведение работников во время заболевания. Зарубежные исследования утверждают, что женщины в среднем имеют больше пропущенных дней по болезни, чем мужчины⁹². В России же, по данным РМЭЗ, женщины болеют чуть реже и пропускают в среднем меньше рабочих дней во время заболевания. Такая ситуация сохранялась на протяжении исследования РМЭЗ, за исключением 1995 г. Частично это можно объяснить тем, что мужчины не обращаются своевременно к врачу, не занимаются профилактикой и не начинают лечить болезнь вовремя, поэтому им необходимо больше времени на восстановление. Возможно, женщины часть болезни переносят «на ногах». На российских предприятиях чаще пропускают несколько дней по болезни те, кто не удовлетворен работой в целом, условиями, оплатой труда и возможностями

⁹² *Barmby T.A., Ercolani M.G., Treble J.G.* Sicknes absence: an international comparison // *The Economic Journal*. 2002. N 112. P. 315–331.

профессионального роста. Причем у мужчин эта разница выражена ярче.

Различные исследования показывают, что количество пропущенных по причине болезни рабочих дней имеет гендерное различие и варьируется в зависимости от сферы занятости (преимущественно мужской или женской) и от гендерного принципа организации рабочего места (и деятельности). Отсюда следует, что изменение условий труда и организации рабочего места влияет на уровень заболеваемости. Для женщин количество дней, пропущенных по болезни, больше там, где женщины доминируют⁹³. Только каждый десятый россиянин никогда не выходит на работу с легким недомоганием, болезненными ощущениями, 24,5% мужчин делает это часто, 64,4% – иногда. Среди женщин соотношение практически сходное: 36,2% женщин – часто, 54,1% – иногда. Часто выходят на работу, несмотря на недомогание, работники организаций, где пропуски по болезни не устраивают администрацию, где персоналу снижают заработную плату или люди боятся потерять работу. Как правило, это люди с низким уровнем ответственности и влияния на рабочем месте. Жесткий контроль и повышенные требования со стороны руководства заставляют работников выходить на работу даже в случае очень плохого самочувствия. Ужесточение графика и трудовой дисциплины не всегда приводит к желаемому эффекту, и руководители своими контролирующими действиями иногда добиваются не повышения качества труда и дисциплины, а толкают работника к поиску возможности избежать нагрузок или даже смене места работы. Одним из способов уклонения в ситуации контроля может быть уход на больничный.

Между тем можно выделить две основные причины, заставляющие людей выходить на работу во время болезни:

- *«Не хочу пропускать работу»* (52,7% мужчин и 55,7% женщин) – так отвечают сотрудники государственных предприятий, которые не хотели бы менять место занятости и не боятся сокращения.
- *«Пропуски по болезни не устраивают администрацию»* (29,3% мужчин и 30,3% женщин) – эта причина характерна для сотрудников частных предприятий, которые считают, что получают достойную заработную плату. Их пугает потеря работы, снижение заработка в случае пропуска. Эти же люди в случае заболевания не обращаются к врачу, а пытаются лечиться самостоятельно.

⁹³ Mastekaasa A. Sickness absence in female- and male-dominated occupations and workplaces // Social Science & Medicine. 2005. N 60. P. 2261–2272.

тельно или ждут, когда болезнь пройдет сама. Это прежде всего мужчины, поскольку они чаще отмечали позицию «теряю в заработке». Каждый восьмой часто выходит на работу при плохом самочувствии потому, что пропуски по болезни могут быть причиной конфликта с руководством.

Представляется логичным, что должна быть связь между наличием проблем со здоровьем, посещением врача и последующим лечением, в том числе с соблюдением домашнего режима. Пропустившие по болезни рабочие дни в большинстве своем обращались за помощью к врачу (76,2% мужчин и 81,3% женщин). Каждый четвертый мужчина и каждая пятая женщина, оставшиеся дома из-за болезни, к врачу не обращались, их, скорее всего, можно заподозрить в прогуле (*absenteizm*). В любом случае, имея проблемы со здоровьем, за консультацией к специалисту обращается гораздо меньше больных, большая часть лечится самостоятельно. Интересно, что в 2005 г. работающие мужчины обращались за медицинской помощью даже несколько активнее женщин.

Среди отметивших наличие проблем со здоровьем только 21,3% мужчин и 15,8% женщин остались лечиться дома, а большая часть пошла трудиться. Значительная доля мужчин (78,7%) и женщин (84,2%), имевших недомогания, справлялись с ними на рабочем месте. Для большинства женщин, скорее всего, остаются важными традиционные ценности – семья и здоровье, однако и они выходят на работу в случае болезни или плохого самочувствия. Мужчины, состоящие в браке, остаются лечиться дома реже, подтверждая обязанности кормильца семьи – выходить на работу и сохранять заработок. Незамужние (в том числе разведенные) женщины чаще выходят на работу во время болезни, поскольку для них наименее вероятна материальная поддержка со стороны родных. Реже не выходят на работу во время болезни мужчины, работающие на предприятии, где в качестве владельцев или совладельцев выступают иностранные фирмы или иностранные частные лица. Мужчины скорее пропустят работу в случае болезни, если работают на государственных предприятиях и в частных российских компаниях. Легче остаются дома в случае недомогания те, кому предприятия осталось должно какие-то деньги, не выплаченные вовремя по тем или иным причинам.

Очевидно, что в организациях вырабатываются и закрепляются дискриминационные практики, различные варианты давления на работников (угроза увольнения, снижение заработка, ухудшения микроклимата в коллективе и отношений с руководством), что провоцирует их выходить на работу в период плохого самочувствия. Болезнь, как обратная сторона здоровья, в некоторых

случаях считается серьезным недостатком и может повлечь утрату части заработка, премии, перевод на другой участок работы, увольнение. Часто заболевшие не только не обращаются за квалифицированной помощью, но выходят на работу. В такую ситуацию попадают как мужчины, так и женщины, у которых формируется терпимость к практике дискриминации больных работников, в том числе связанной с гендерными стереотипами. Работники пренебрегают болезнью из-за страха материальных и моральных потерь. Сотрудники, ориентированные на карьеру, боятся сформировать негативную трудовую биографию, которая помешает вертикальной мобильности. В некоторых случаях для женщины под карьерой подразумевается не статусный и профессиональный рост, а сохранение работы.

Несмотря на наметившуюся положительную динамику в обращении за медицинской помощью, уровень самосохранительной активности граждан по сбережению здоровья остается очень низким. При этом на частоту посещения медицинского учреждения, наряду с проблемами здоровья, влияют факторы, лежащие вне физического или психологического состояния человека. В частности, на посещаемость работником поликлиники и соблюдение необходимых правил во время заболевания воздействуют структурные факторы рынка труда. Сегодня можно говорить не о двух видах стереотипов, которые соответствуют мужскому и женскому поведению в отношении к здоровью, а о четырех: первая группа стереотипов, существующая в представлениях населения как женская, соответствует и мужчинам. То же самое можно сказать и о второй группе стереотипов, которые были названы респондентами в отношении мужчин, – на практике они распространены и среди женщин. Современные работники ломают гендерные стереотипы, поступают в отношении здоровья и ведут себя на рынке труда в зависимости от обстоятельств.

Глава III

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ

РЕАЛЬНОСТЬ И УТОПИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Новая демографическая стратегия Российской Федерации и Национальный проект в сфере демографии вновь сделали актуальными проблемы соотношения демографической и гендерной политики. Демографическая ситуация – важный индикатор действительности гендерной политики. В современном мире женщины наряду с мужчинами все больше включаются в экономическую и политическую жизнь, меняется их роль на рынке труда, в домашнем хозяйстве, во внутрисемейных отношениях. Речь идет не только о количественных изменениях за счет перераспределения сфер ответственности, внутрисемейных обязанностей и доходов, а о возникновении нового социального качества женской гендерной группы на всех этапах жизненного цикла. Поддержка материнства и детства, полноценного участия женщин и мужчин в экономике, политической и социальной жизни, достойная старость для всех независимо от пола, социальной и этнической принадлежности и экономического статуса, – общие задачи гендерной, социальной и демографической политики.

Демографическая политика представляет собой целенаправленную деятельность государственных органов и иных социальных институтов по регулированию процессов воспроизводства населения, которая призвана сохранить или изменить тенденции динамики его численности. Цель демографической политики – достижение желательного для страны режима воспроизводства. В содержательном отношении демографическая политика представляет собой органическую часть и дополнение гендерной и социальной политики.

Гендерная политика – это государственная, общественная деятельность, направленная на достижение равенства мужчин и женщин во всех сферах общественной жизни. В центре ее вни-

мания – преодоление традиционных стереотипов о роли, месте и функциях мужчин и женщин в обществе; усиление участия женщин в политике; обеспечение равенства прав в сфере занятости (условий найма, уровня оплаты труда, возможностей карьерного роста, сроков выхода на пенсию); гендерная экспертиза проектов нормативно-правовых актов; профилактика насилия в семье и др.

И демографическая, и гендерная политика состоят из официально декларированных целей, принципов, приоритетных задач, конкретных мер и механизмов реализации: правовых, финансовых, организационных, институциональных, информационных, научных, пропагандистских, кадровых. Эффективность мер в сфере демографии и гендерной политики напрямую зависит от того, каким образом они связаны друг с другом. Это означает, что демографическая политика (в части регулирования рождаемости и поддержки семьи) не должна подменять собой гендерную, цели и задачи которой намного шире и выходят за пределы собственно демографических проблем. В то же время активная интеграция комплексного гендерного подхода в разработку и реализацию гендерной политики способна существенно повысить эффективность мер демографического регулирования.

К сожалению, при разработке демографической политики в России, равно как и в Национальном проекте по проблемам демографии, гендерным аспектам воспроизводства населения не было уделено достаточного внимания. Связь с принятой на уровне правительства Гендерной стратегией Российской Федерации специально не была обозначена. Гендерная экспертиза соответствующих документов не проводилась, поэтому эти важнейшие политические решения оказались перегруженными множеством гендерных стереотипов. Между тем опыт демографической политики в странах мира убедительно показывает, что государственные меры по демографическому регулированию оказываются эффективными только там, где гендерные вопросы не игнорируются и где проблемы поддержки семьи, стимулирование рождаемости, активное долголетие рассматриваются и решаются в контексте гендерных отношений. Анализ гендерных стереотипов демографической политики – важное и необходимое условие ее действенности. Основное место занимают гендерные стереотипы, связанные с регулированием рождаемости, поскольку репродуктивная роль женщины в значительной степени определяет ее жизненные возможности, что существенно влияет на гендерный баланс в обществе в целом.

Методологические подходы к демографической политике в сфере регулирования рождаемости

Демография и демографическая политика – это зона непримиримых политических и идеологических конфликтов, отражающих различные интересы многообразных участников политического процесса. В то же время, несмотря на различие идеологических подходов к демографической политике, многие теоретические и методологические установки противоборствующих политических направлений в сфере демографии сходны. В целом демографическая политика в сфере регулирования рождаемости сводится к мерам, позволяющим *помочь, убедить или вынудить* женщин (и семьи) согласовывать свое демографическое поведение с той или иной официально принятой стратегией демографического регулирования.

По мнению крайних либералов, в активной демографической политике со стороны государства вообще нет никакой необходимости, поскольку наилучшим демографическим регулятором выступает социально-экономический рост. Один и тот же аргумент используется в случае высокого популяционного роста (например, в странах Африки и Юго-Восточной Азии) и при низкой рождаемости (как это имеет место в Европе). Это не означает, однако, что демографическая политика отсутствует, ибо воспроизводство населения косвенно влияет практически на все социально-экономические процессы и меры их политического регулирования. Бездействие государства зачастую мнимо и означает, что либо существующий режим воспроизводства населения соответствует интересам правящих кругов, либо демографические процессы и их социально-экономические последствия недостаточно изучены.

Понятно, что проблемы гендерного равенства сторонников этой позиции не волнуют, однако при внимательном анализе можно обнаружить скрытые гендерные стереотипы. Во-первых, женщина выступает только как член домохозяйства (семьи) и, следовательно, не имеет собственной (персональной) стратегии демографического поведения. Причем гендерные роли членов семьи рассматриваются как неизменные, вне контекста экономических, социальных и социокультурных отношений. Во-вторых, делается ничем не оправданное предположение, что преимущества экономического роста равномерно распределяются на все домохозяйства, независимо от их социально-экономического статуса и гендерной структуры их доходов. В-третьих, игнорируется роль женщин на рынке труда, возможности сочетания материнства и

работы вне дома, а также реальная стоимость и трудозатраты на уход за детьми. В целом все эти методологические подходы следует охарактеризовать как структурированную с помощью понятийного аппарата и базовых когнитивных установок патриархатную идеологию, согласно которой материнство и рождение детей – «естественное предназначение» женщины, в то время как роль кормильца семьи и добытчика принадлежит мужчине. Гендерное разделение труда по поводу рождения и воспитания детей рассматривается как «естественное» и «изначальное», и формирование желательного для общества режима воспроизводства населения, изменения динамики рождаемости и численности населения рассматривается исходя из этого базового методологического допущения.

В настоящее время в большинстве стран преобладает точка зрения о необходимости государственного стимулирования демографических потребностей индивидов и семей и регулирования демографического поведения. Однако представления о природе демографических потребностей и механизмах демографического поведения различаются. Наиболее популярны три концепции демографических потребностей и поведения и соответствующие им модели демографической политики.

1. Концепция репродуктивного выбора. В центре внимания этой концепции находятся проблемы рождаемости. На протяжении 60-х–90-х годов последователи неоклассической школы экономики активно пропагандировали идею, согласно которой решение о рождении ребенка – результат рационального выбора родителей, которые сравнивают затраты и прибыль от наличия детей со своим предполагаемым доходом, ожидаемым карьерным ростом, принятыми стандартами качества ухода за детьми. Эта идея получила развитие в концепции репродуктивного выбора. Г. Беккер рассматривал природу и функционирование семьи, закономерности ее формирования, брачное и репродуктивное поведение, внутренние взаимоотношения ее членов и их семейные роли сквозь призму экономического поведения, направленного на максимизацию потребностей и определяемого рациональным выбором. Он считал, что решение о рождении ребенка, создании семьи и разводе зависит от стоимости и прибыльности каждой альтернативы. Решение родить ребенка – это экономически рациональный выбор (максимизация полезности) или (при условии ограниченности дохода) функция экономической ценности и выгоды детей. Любое сокращение «стоимости детей» (например, в случае получения субсидий), всякое увеличение доходов (например, вследствие сокращения налогов) ведет к росту «спроса на детей».

В пересмотренной версии этой модели Г. Беккер ввел также качественный компонент, утверждая, что любое увеличение доходов приводит или к большему числу детей, или к их «более высокому качеству» (т.е. повышает стоимость)¹. Правдоподобие этой точке зрения придавал тот очевидный факт, что урбанизация и промышленное развитие настоятельно требовали уменьшения размера семьи. Сокращение цены рабочей силы сделали невозможной модель многодетной семьи, поддерживаемой трудом «мужчины-кормильца». Требование семьи малого размера, по мнению П. Демени, является главной причиной, определяющей низкую рождаемость: «Даже если со стороны технологии контроль над репродуктивной функцией будет самым примитивным, рождаемость все равно окажется низкой. Переход к низкой рождаемости предполагает изменение предпочтений, а предпочтения, в свою очередь, посылают сигнал рынку. Если политика хочет играть ведущую роль, она не должна игнорировать этот сигнал»².

На модели репродуктивного выбора построена *система планирования семьи*, которая основана на идее «сознательного родительства» и рождения только «желанных» детей. Она активно используется как инструмент демографической политики. В материалах Международной конференции по народонаселению и развитию (Каир, 1994) право на «свободный, информированный и приемлемый репродуктивный выбор» интерпретируется в контексте прав человека и прав женщин («репродуктивные права»). В настоящее время концепция репродуктивных прав вошла в теоретический дискурс и политику в ряде (преимущественно европейских) стран³ и используется в текстах важнейших политических и политико-правовых документов ООН. Так, Платформа действий Пекинской конференции (параграф 96) гласит: «права женщин включают в себя право контролировать и принимать свободные и ответственные решения в отношении своей сексуальности, включая сексуальное и репродуктивное здоровье». В параграфе 223 того же документа утверждается фундаментальное право индивидов и семейных пар «свободно и ответственно принимать решения в отношении числа, промежутков и времени рождения детей и получать информацию об имеющихся средствах для реализации этих решений». Однако она оказалась непри-

¹ Becker G. A Theory of Marriage: Part I // Journal of Political Economy. 1973. Vol. 81 (4): S. 13–46.

² Demeny P. Population Policy: A Concise // International Encyclopedia of Population / ed. by P. Demeny, G. McNicoll. N.Y.: Macmillan Reference, 2003.

³ Например, в Нидерландах, Швеции, отчасти в Великобритании.

емлемой для демографического регулирования в тех странах, где сильны религиозные традиции и большую роль играют консервативные ценности. Активно выступают против принципа репродуктивной свободы и выбора Ватикан, республиканская партия в США, консервативные правительства Польши, Ирландии и практически все мусульманские страны.

Несмотря на амбивалентность результатов, теоретический дискурс репродуктивного выбора сыграл позитивную роль в демографической политике, поскольку акцентировал внимание на правах женщин и содействовал дальнейшему поиску теоретических и методологических идей, направленных на повышение ее эффективности.

2. Концепция социального стимулирования. Концепция построена на идее связи между демографическим регулированием и социально-экономической политикой. Сторонники этого подхода утверждают, что не все затраты, связанные с рождением и воспитанием детей, имеют экономическую природу.

В современном обществе для женщины *материнство* выступает как *социальный риск*. Рождение ребенка и уход за ним могут существенно повлиять на ее профессиональный и социальный статус, изменить степень экономической автономии, снизить конкурентные преимущества на рынке труда и проч. Чтобы минимизировать этот риск, государство обязано предоставить женщине определенные формы социальной защиты. В обзоре «Уход за ребенком и рождаемость» Р. Риндфус и К. Бревстер отмечают, что понятие «работающая мать» внутренне конфликтно. «Можно ожидать, что при прочих равных условиях улучшение качества, усовершенствование и приемлемость ухода за ребенком и уменьшение его стоимости, окажут положительное воздействие на рождаемость»⁴.

По данным на 2001 г., экономическая активность женщин составляла в странах Южной Европы около 60% от всех экономически активных женщин; в Северной Европе – до 80%. Изменения в экономической активности женщин потребовали более гибкого подхода к регулированию демографических процессов. Стало понятно, что простые формы поддержки семьи и стимулирования рождаемости не срабатывают и нужна более адаптивная концепция демографической политики. В такой – расширенной – модели взаимосвязи социально-демографической политики и демографического поведения поддержка семей и социальные пособия мо-

⁴ Rindfuss R.R., Brewster K.L. Childbearing and fertility // Population and Development Review. Vol. 22 (Suppl): 258-89, 1996.

гут воздействовать на демографическое поведение индивидуумов, но их потенциальное влияние больше не выступает результатом строгого сравнения между стоимостью детей и экономической ценностью социального пособия. Оно подчинено более широкому диапазону экономических и неэкономических факторов, а также норм социального поведения.

Социальное стимулирование демографического поведения выполняет следующие функции:

- экономическую – возмещение дополнительных расходов граждан при наступлении определенных жизненных обстоятельств – беременности, рождении ребенка, болезни и т.п., обеспечение воспроизводства рабочей силы, регулирование гендерной структуры занятости;

- политическую – поддержание социальной стабильности и принятие мер по минимализации гендерных социальных различий;

- собственно демографическую – обеспечение воспроизводства народонаселения;

- компенсаторную – восстановление и поддержание социального статуса женщин как полноценных членов общества.

Концепция социального стимулирования использует понятия «идеального» и «реального» числа детей. Иногда говорят о расхождении идеального и реального числа детей в семье как о потенциале демографического развития и обоснованности проведения мероприятий социально-демографической политики. Однако в ряде исследований в европейских странах (включая Россию) делается вывод о том, что несоответствие желаемого и реального числа детей таким образом интерпретировать нельзя. Согласно данным Обследования демографической политики в девяти странах⁵, «желаемое» число детей (для Европы это два ребенка в семье) следует рассматривать скорее как социально приемлемую норму для современной европейской семьи, чем как реальный индикатор потенциала рождаемости. Современное экономическое устройство *поощряет* низкую рождаемость. Товары и услуги оказываются более доступными тем, у кого нет детей, поскольку дети являются потребителями и не производят никакого дохода.

В этих условиях социальное стимулирование рождаемости, на первый взгляд, не противоречит гендерному равенству, поскольку его содержание – поддержка женщин-матерей. Однако реальные политические стратегии могут быть весьма различными.

⁵ Там же.

В одних странах (например, в Швеции и Франции) социальное стимулирование направлено на обеспечение возможностей для женщин сочетания работы вне дома и материнства, в других, напротив, оно призвано «вернуть» женщин в семью.

На демографическую политику в Германии большое влияние оказали долго находившиеся у власти христианские демократы, которые на уровне идеологии и политики активно защищают традиционные ценности и материнское воспитание детей. Отсутствие системы дошкольного воспитания, дороговизна услуг по уходу за детьми, продолжительный оплачиваемый материнский отпуск и другие меры по поддержке «традиционной» семьи с мужчиной-кормильцем позволяют квалифицировать демографическую политику в ФРГ как пронаталистскую и консервативную. Особенно наглядно это проявляется при сопоставлении ситуации в Восточной Германии после объединения с демографической политикой бывшей ГДР. В 1985 г. 91% женщин ГДР работали на условиях полной занятости, из них занятыми были 62% замужних матерей и 81% матерей-одиночек (в ФРГ – соответственно 28 и 45%)⁶. Социалистическое правительство поддерживало широкую сеть детских дошкольных учреждений (обычно привязанных к месту работы родителей), предоставляло материальную помощь и пособия семьям, а также субсидии на приобретение жилья. После объединения размеры пособий сократились на 56%, оказались привязанными к возрасту ребенка. Жилищные субсидии были упразднены, а вместе с закрытием предприятий исчезли детские сады и ясли. К 1994 г. женская занятость сократилась до 74%, а среди работающих матерей снизилась более чем вдвое. В конце 90-х годов женщины, проживающие в восточных регионах составляли 65% безработных. Как следствие, рождаемость сократилась в 4 раза, уровень брачности составил 3,4 на 1000 чел. (по сравнению с 7,9 в ГДР)⁷.

Эксперты полагают, что сокращение материнской занятости и закрытие детских дошкольных учреждений послужили главными причинами снижения рождаемости. Финансирование системы дошкольного воспитания было передано на уровень земель и муниципалитетов, которые не располагают для этого достаточными средствами. Немецкие женщины имеют право на оплачиваемый 14-недельный отпуск по беременности и родам, причем из них восемь недель предоставляется после родов (14 недель – в случае ос-

⁶ Adler M. Social Change and Declines in Marriage and Fertility in Eastern Germany // *Journal of Marriage and the Family*. 1997. Vol. 59. Issue 1. P. 37–50

⁷ Там же.

ложненной беременности или рождения двух и более детей). Оплачиваемый родительский отпуск распределяется между обоими родителями (по желанию и договоренности) и составляет два года после рождения ребенка. Родители также могут работать неполную рабочую неделю (в течение 19 недель) по договоренности с работодателем. Характерно, что шесть месяцев из 24 родительского отпуска зарезервированы за отцом (отцовский отпуск), однако этой льготой воспользовались только 2,5% отцов (в сравнении с 96% матерей)⁸. Каждый из работающих родителей детей до 12 лет может также взять оплачиваемый десятидневный отпуск в случае болезни ребенка, но не более 25 дней в год.

Женщины активно пользуются оплачиваемым материнским отпуском, особенно в связи с сокращением размера пособия по безработице, и с течением времени он стал рассматриваться как своего рода заработная плата за материнство, а не как компенсация утраченного дохода. Характерно, что многие женщины по истечении материнского отпуска не возвращаются в сферу занятости вне дома. По данным экспертов, в 1998 г. более половины женщин по окончании материнского отпуска не обращались на рынок труда в течение пяти-шести лет. В восточных землях детские пособия и выплаты в связи с материнским отпуском зачастую являются единственными денежными доходами женщин. Тем не менее это практически не сказывается на рождаемости и желании семей родить еще одного ребенка.

Пособия на детей выплачиваются независимо от величины дохода родителей (универсальный подход) до достижения 18 лет, но могут быть расширены до достижения ребенком 21 года (в случае, если он не работает и является иждивенцем) и до 27 лет, если он продолжает обучение. Размер пособия в 2000 г. составлял 115,74 долл. на первого и второго ребенка, 138,89 долл. – на третьего и 162,04 долл. – на четвертого. (В 2004 г. средний размер пособия составлял 150 евро.) Пособия могут быть меньше в тех землях, где ниже прожиточный минимум, и выше, если правительства земель имеют возможность производить доплаты к федеральному минимуму. Для родителей с низкими доходами используются также налоговые льготы⁹. Следует отметить, что льготы и детские пособия не индексируются в связи с инфляцией, поэтому их реальная стоимость со временем падает¹⁰.

⁸ Bettio F., Prechal S. Care in Europe. Brussels: European Commission, Employment and Social Affairs, 2001.

⁹ Германия, наряду с США, – одна из немногих стран, где практикуется налогообложение домохозяйств, а не индивидов.

¹⁰ Там же.

Большинство льгот и выплат адресованы семьям с двумя родителями. В 2001 г. Германия легализовала гомосексуальные союзы, предоставив им право на общую фамилию, наследование имущества друг друга, а также медицинское страхование, однако им не разрешено брать на воспитание детей и пользоваться семейными пособиями и налоговыми льготами. В этой связи было обновлено законодательное определение семьи, которое принимается в демографической и социальной политике. По выражению одного из представителей «красно-зеленой» коалиции, бывшей у власти до 2006 г., «семья там, где дети». В 1992 г. Конституционный суд приравнял к семьям партнерские сожительства «в том случае, если они включают в себя мужчину и женщину, которые намерены проживать совместно и исключительно друг с другом»¹¹. Несмотря на привязку мер социальной и демографической политики к «традиционной» семье, почти каждый второй брак в Германии распадается. 39,1% семей одиноких матерей являются бедными (в сравнении с общегерманским уровнем бедности 7,1%). В целом, однако, семьи одиноких родителей составили всего 2,4% от всех домохозяйств (данные ОБСЕ), и в этом смысле социально-демографическую политику ФРГ следует признать эффективной.

В Италии в качестве главной цели демографической политики заявлено «улучшение положения женщин и забота о семье». Особенность Италии заключается в относительно низком уровне социальной защиты населения, поэтому особую важность в глазах общественного мнения и в сфере норм поведения приобретает рекреативная функция семьи. Государственная политика отражает традиционные представления о семье и поощряет женщин к занятию домашним хозяйством, а не к деятельности на рынке труда, поэтому занятость женщин в Италии – одна из самых низких в Европе – 38,9% (данные ОЭСР, 2000). В то же время большинство работающих женщин в Италии занято полный рабочий день.

В середине 1990-х годов уровень рождаемости в Италии был равен 1,17 ребенка на одну женщину, хотя, по данным исследований, желаемое число детей составляло 2,2. Снижение рождаемости поразительным образом совпало с сокращением государственных семейных пособий с 13,3% от размера бюджета до 3,9%¹². Необходимо отметить, что уровень детской бедности в Италии – один из самых высоких в Европе – 14,1% (в целом по ЕС – 5%, в

¹¹ Adler M. Social Change and Declines in Marriage and Fertility in Eastern Germany.

¹² Chesnais J.-K. Fertility, Family and Social Policy in Contemporary Western Europe // Population and Development Review. 2002. Vol. 22. Issue. P. 729–739.

Великобритании – 8%, Германии – 6, в Испании – 7%)¹³. Брачность составляет 4,9 брака на 1000; разводы – около 15%, это самый низкий показатель в сравнении с другими странами ЕС, что объясняется действующим законодательством, значительно затрудняющим расторжение брака. Однако число супругов, живущих отдельно, велико и вдвое превышает официальную численность разводов. В настоящее время доля семей с одним родителем составляет всего 1,1% (данные ОЭСР). Пособия семьям выплачиваются в зависимости от получаемого ими дохода. Размер пособия обратно пропорционален доходу семьи и прямо пропорционален количеству членов семьи. Всего установлено три порога годового дохода семьи в абсолютных размерах. При доходе, превышающем 41 721 евро в год, пособие не выплачивается. Всего существует два вида пособий: пособия семьям и выплаты на детей. Программы поддержки семей с детьми были инициированы в середине прошлого столетия, когда Италия впервые столкнулась с сокращением рождаемости. Ими предусматривается значительное увеличение помощи при рождении трех и более детей.

Важнейшей мерой демографической политики выступают оплачиваемый отпуск по беременности и родами и родительский (в итальянских условиях – материнский) отпуск. Помимо гарантий женской занятости эти отпуска выполняют функцию поддержки семьи в уходе за ребенком, поскольку детские дошкольные учреждения мало распространены и не могут служить альтернативой для работающих женщин. Характерно, что государство поощряет женщин к длительному пребыванию в родительском отпуске: чем дольше женщина находится в отпуске, тем более значительной будет прибавка к заработной плате при выходе на работу. В этом заключается парадокс ситуации в Италии, где материнский отпуск (как и в Германии) выполняет функцию закрепления традиционной семьи. (В то время как консервативные политики таких стран, как США и Австралия, опасаются, что введение оплачиваемых родительских отпусков может воздействовать на традиционные семейные ценности.)¹⁴ Однако, вопреки ожиданиям, длительные материнские отпуска в Италии не стимулируют рождаемость. Исследователи полагают, что причина в том, что материнский отпуск в этой стране – субститут системы дошкольного образования и воспитания, в силу чего многие образованные

¹³ *Rainwater L., Smeeding T.-M., Burtless G.* US poverty in a cross-national context. Luxembourg Income Study Working Paper N 244. Syracuse, 2000. P. 231.

¹⁴ См.: *Heeck R.* Family Policy in the US, Germany, Italy and France. A Briefing Paper. N.Y.: Contemporary Family Council, 2003. P. 36.

и работающие женщины не желают делать выбор в пользу материнства и отказываются от рождения детей вообще¹⁵.

Пример Германии и Италии показывает, что наличие пособий и их величина мало влияют на уровень рождаемости, равно как и продолжительность родительского (материнского) отпуска. Особенно наглядно это видно при сопоставлении эффективности демографической политики Италии с политикой во Франции и Швеции, где наряду с расширением системы детских садов и пособиями были задействованы социальные, экономические, политические и другие механизмы, позволяющие женщинам успешно сочетать материнство и работу вне дома.

3. Гендерная концепция. Гендерная концепция демографической политики изначально складывалась как попытка сочетания концепций репродуктивного выбора и социального стимулирования и стремилась взять у обеих наиболее привлекательные с точки зрения гендерного равноправия элементы¹⁶. Отсюда свойственные ей определенный утопизм и некоторая умозрительность. На практике положения гендерной концепции не применялись, однако она активно пропагандируется представителями международного женского движения и служит идейной базой критики наиболее одиозных мер демографического регулирования. Некоторые из предложенных гендерной концепцией идей реализованы в демографической политике в Швеции, Финляндии и отчасти Франции.

Проблемы, которые фиксируют эксперты международного женского движения в отношении практической реализации моделей репродуктивного выбора и социального регулирования, можно обобщить следующим образом:

- использование понятий «репродуктивные права» и «репродуктивное здоровье» для осуществления фактического контроля над ростом народонаселения;
- «демонизация» аборта как средства контроля женщинами своей плодovitости;
- функциональная перестройка системы здравоохранения: замещение служб, нацеленных на оказание медицинской помощи, в том числе и гинекологической, службами планирования семьи;
- игнорирование проблем социального благополучия: сокращение финансирования и сворачивание социальной политики;

¹⁵ Аналогичная ситуация имеет место в Германии. – См.: Heeck R. Family Policy in the US, Germany, Italy and France. A Briefing Paper. N.Y. Contemporary Family Council, 2003. P. 36.

¹⁶ См.: Population Policy Reconsidered. Health, Empowerment, and Rights / ed. by G. Sen, A. Germain, L.C. Chen. Harvard University Press, 1994.

- стимулирование миграции – вместо экономических и социальных мер по ее сокращению, отсутствие защиты прав мигрантов, рост числа вынужденных и добровольных мигрантов, сопровождающийся «феминизацией» рынка неквалифицированного, низкооплачиваемого труда;

- структура массового потребления такова, что 86% потребления товаров и услуг сосредоточено в странах Севера, где проживает всего 20% населения. Происходит рост рынка контрацептивов и лекарств, ориентированных прежде всего на женщин, следствием чего становится медиализация повседневной жизни.

По мнению сторонников гендерной концепции, главная проблема низкой эффективности концепций репродуктивного выбора и социального регулирования – игнорирование интересов и потребностей женщин как активных субъектов демографической политики. Необходимо четко различать цели и средства демографического регулирования. Демографическая политика должна: базироваться на уважении к правам человека и правам женщин; стать частью более широкого политического процесса социально-экономического и человеческого развития; способствовать расширению возможностей женщин во всех сферах жизни. И концепция репродуктивного выбора, и модель социального регулирования исходят из ложной идеи о материнстве как «естественном предназначении» женщины и стереотипного представления о мужчине как «единственном кормильце семьи». Это не позволяет им предложить действительно эффективные меры, влияющие на рождаемость, продолжительность жизни и миграцию. Даже ограничение прав на аборт и планирование семьи (или, напротив, ограничение числа детей в семье и принудительная контрацепция) дают только кратковременный эффект. Еще меньше воздействие от пропаганды традиционных ценностей семьи и гендерных ролей. Становление гендерного равенства – это объективный процесс. Чтобы стать эффективной, демографическая политика должна быть интегрирована в *гендерную*. Гендерное равенство есть условие свободы не только женщин, но и мужчин. Оно создает предпосылки для развития возможностей социального производства и воспроизводства, включая демографическое.

Экономика развитых стран, испытывающих сокращение рождаемости, основывается на домохозяйстве с двумя источниками дохода (или не менее двух). Отсюда – большая доля женщин в составе экономически активного населения, сокращение рождаемости в ранее наиболее «репродуктивных» возрастах. Стимулировать «возвращение» женщин в семью ради рождения детей означает идти против основного направления экономического про-

цесса. Это объективно невозможно. Ни в одной стране нет достаточного количества мужчин для занятия рабочих мест женщин. Недостаточно экономических ресурсов для повышения заработной платы мужчин в 3–4 раза, что является минимальным условием перехода на тип домохозяйства с одним источником дохода. Нет инфраструктуры профессиональной переподготовки и переобучения специалистов на высвобождаемые женские рабочие места и т.д., не говоря уже о том, что невозможно позволить такое расточительное отношение интеллектуальным, профессиональным и человеческим ресурсам женщин.

Помимо прав женщин на репродуктивную свободу и расширение их участия во всех сферах жизни гендерная концепция демографической политики обращает внимание на ситуацию со здоровьем мужчин. Парадоксально, но гендерный разрыв в ожидаемой продолжительности жизни больше в странах с высоким уровнем экономического развития. Рост мужской смертности связывают с производственным травматизмом, сердечно-сосудистыми, онкологическими заболеваниями, болезнями, вызванными пьянством, наркоманией и насилием¹⁷. Мужчин в этих странах отличает нечувствительность к факторам социального и личного риска и угрозе смерти, повышенная чувствительность к макроэкономическому стрессу. Как отмечает И. Кон, «мужчинам больше свойственно вовлечение в политическую и экономическую сферу, где разочарование и потеря контроля над собственной судьбой могут доминировать. Женщины в силу причин экономического характера также вовлеченные в сферу общественной занятости, имеют обычно традиционный круг забот: домашнее хозяйство, семья, дети, муж, родители. Эти заботы вносят в их жизнь ощущение смысла и чувство ответственности, которые в определенной мере служат защитой от социального стресса и способны компенсировать его последствия»¹⁸. Нужна долгосрочная социальная политика и систематическая подготовка мужчин к усвоению новых гендерных ролей и минимизации связанных с «маскулинностью» социальных и психологических рисков. Кроме того, необходимо переориентировать систему здравоохранения на проблемы мужского здоровья (табл. 3.1)¹⁹.

¹⁷ См.: Кон И.С. Мужское здоровье как глобальная проблема: докл. на Второй Всероссийской конференции «Мужское здоровье» / Федеральное агентство по здравоохранению и социальному развитию РФ; НИИ урологии МЗСР РФ. М., 2005.

¹⁸ Неравенство и смертность в России. М., 2000. С. 23.

¹⁹ По данным В. Сергиенко, опыт европейских стран свидетельствует о том, что только посредством своевременной, качественной и, главное, доступной медицинской помощи в случае сердечно-сосудистых заболеваний можно сократить мужскую смертность 2 млн чел. в год (Российская бизнес-газета. 04.07. 2006).

Направления и инструменты гендерной демографической политики

Формы контроля	Формы воздействия	Институты
Государственный контроль Экономико-социальный	Демографическая политика Ликвидация гендерных ограничений доступа и участия в распределении собственности и экономических ресурсов; Воздействие на женскую занятость; Демаргинализация женских рабочих мест; Выравнивание гендерного распределения доходов; Социальная политика по принципу «адресного подхода»; Ликвидация гендерной дискриминации в трудовых отношениях; Воздействие на сексуализацию потребления; Ликвидация гендерной дискриминации при оказании медицинских услуг, декоммерциализация услуг в сфере здравоохранения; Демедиализация репродуктивной сферы; Борьба с коммерциализацией сферы сексуальных услуг и торговлей женщинами и детьми; Жилищно-коммунальные услуги	Законодательные; административные; судебные; Институты собственности и контроля над ресурсами на средства производства; Рынок труда; Экономические институты легального и криминального сектора; Гендерно стратифицированная сфера занятости, семья; Правовые (законодательные), управленческие (административные) институты Правовые (трудовое законодательство), экономические институты, социальная сфера; Потребительский рынок и его институты, СМИ, система здравоохранения; Рыночные институты медицинских услуг, система здравоохранения, фармацевтическое производство и рынок, СМИ; Правовые институты (законодательство); Уголовное законодательство;
Гендерный контроль	Ограничения сексуальной и репродуктивной свободы и репродуктивного выбора по признаку пола	Жилищно-коммунальная сфера Социальные ценности и механизмы их трансляции в процессе социализации, правовые институты (обычное право и законодательство)

Следует отметить, что, несмотря на очевидные успехи политики равных прав и возможностей в развитых странах, формирование институциональной среды гендерного равенства находится на начальной стадии. В тех странах, где экономическое и социальное развитие в той или иной степени отстает от уровня наиболее развитых стран Запада, этот процесс сталкивается с еще большим числом препятствий. Показательным примером эффективности гендерного подхода к демографической политике является Швеция. Швеция – одна из немногих стран мира, где удалось предотвратить демографический спад посредством совокупности мер, ни одна из которых не является специфической для демографической политики, т.е. непосредственно не направлена на стимулирование прироста населения и повышение рождаемости.

Демографическая политика Швеции построена на сочетании мер социальной поддержки семьи (семейные пособия выплачиваются всем, включая иммигрантов) с активной гендерной политикой, направленной на расширение возможностей женщин во всех сферах жизни общества. Концепция гендерного равноправия – ключевой компонент демографической политики Швеции. По международным стандартам Швеция является наиболее равноправной страной. Демографическая политика там выступает одним из элементов гендерной политики, в основе которой равенство, равноправие, равные права и возможности, равный доступ к власти мужчин и женщин. Основное внимание уделяется созданию условий экономической самостоятельности женщин, независимо от статуса в браке.

Почти 78% шведских женщин трудоспособного возраста заняты на рынке труда (в целом по ЕС – 57,3%); они составляют почти половину рабочей силы страны. Уровень безработицы у женщин ниже, чем у мужчин, и этим Швеция отличается от других стран Евросоюза, где женская безработица, как правило, выше мужской. 43% женщин работают неполный рабочий день (и это тоже выше, чем в целом по ЕС, – 31,3%)²⁰. Внебрачная рождаемость составляет 49% от всех родившихся детей. Удельный вес неполных семей – 30% (включая 11% семей, где отец и мать живут в консенсуальном браке).

Государство и местные власти обеспечивают необходимое количество мест в детских дошкольных учреждениях для работающих родителей. Беременным женщинам, которые по состоянию здоровья не могут продолжать работать, предоставля-

²⁰ См.: данные сайта Европарламента: http://www.europarl.europa.eu/workingpapers/soci/w13/summary_en.htm

ется пособие в течение двух месяцев до наступления родов (но не более 50 дней). Кроме того, работающие родители имеют право на отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года (с 1 января 2002 г. такой отпуск составляет 13 месяцев, в том числе два месяца отпуска зарезервированы за отцом, два – за матерью, а остальные они могут использовать по договоренности друг с другом). Характерно, что родительские отпуска продолжительностью 12 месяцев можно отложить на любое время между днем рождения ребенка и достижением им 8 лет, а мать может начать использовать родительский отпуск за шесть недель до предполагаемых родов. Одиноким женщинам с детьми государство выплачивает повышенное пособие на детей, независимо от того, получает ли она алименты от отца.

Система дошкольного воспитания в Швеции – одна из самых передовых в мире. Каждому ребенку от двух до шести лет гарантируется место в детском саду, и большинство детей посещает детские учреждения. Плата за них довольно высока, но семьи обычно оплачивают в среднем 10% от стоимости услуг, а остальные затраты распределяются между бюджетом местных органов власти и госбюджетом. С семи до 16 лет дети посещают среднюю школу, а по достижении 16-летия 90% из них продолжают обучение в системе среднего специального и высшего образования. Семейные пособия выплачиваются на всех детей до достижения ребенком 16 лет (и до 19 лет, если учатся). Размер пособия – 800 шведских крон в месяц (80 долл.), учащимся вузов выплачиваются стипендии 2000 шведских крон и льготный кредит – 5000 шведских крон в месяц с рассрочкой на 20 лет.

Большое внимание уделяется в Швеции проблемам планирования семьи и сексуального образования молодежи, профилактике семейного насилия. В стране имеется 250 молодежных центров сексуального образования, которые финансируются из местных бюджетов. Центры бесплатно консультируют подростков по вопросам психологии межличностных отношений, контрацепции, создания семьи. Обеспечивают нуждающихся контрацептивами (бесплатно и на льготной основе), помогают разобраться с сексуальной ориентацией, не навязывая своей точки зрения. Имеются телефоны доверия, по которым даются консультации по сексуальным проблемам и вопросам межличностного общения и конфликтов с родителями и сверстниками. В состав работников центров входят медики, психологи, социальные работники, педагоги.

Гендерные стереотипы в демографической политике России

Основной недостаток методологических оснований демографической политики в России состоит в том, что они слабо соотносятся с практикой реальной жизни, с тенденциями развития не только семьи (где, собственно говоря, и происходит воспроизводство населения, включая демографическое), но и других общественных институтов, включая экономику и рынок труда, а также государство. Обратимся к анализу гендерных отношений, непосредственно влияющих на демографическое поведение мужчин и женщин. Наиболее важную роль играют гендерные взаимодействия в семье, в сфере занятости и на рынке труда, а также в государственных институтах. Гендерные отношения в семье представлены в первую очередь как разделение труда в рамках домохозяйства. Здесь нас интересуют два аспекта: источники ресурсов домохозяйства; распределение обязанностей между супругами по поводу ведения домашнего хозяйства, включая труд по уходу за детьми.

С точки зрения *источников ресурсов домохозяйства* в настоящее время выделяют две модели домохозяйства: 1) семья с мужчиной-кормильцем, где труд мужчины вне дома выступает источником семейных доходов; 2) семья, основанная на гендерном равенстве супругов в отношении возможностей труда вне дома, где оба супруга участвуют в формировании ресурсов домохозяйства. Данные экономических и социологических обследований показывают, что в России имеет место сочетание обеих моделей семьи и организации домашнего хозяйства. Как явствует из результатов ряда общероссийских социологических опросов, вторая модель является в глазах общественного мнения социально приемлемой. На ней, по данным ФОМ (2003), останавливают свой выбор свыше 36% респондентов. На практике, по наблюдениям 48% респондентов, в семьях их знакомых и родственников мужа обычно зарабатывают больше, чем жены, однако 22% опрошенных отмечают, что чаще оба супруга зарабатывают одинаково, а каждый десятый признает, что в семьях его знакомых и родственников больше получают жены²¹. Таким образом, мужчина не только не является единственным кормильцем семьи, но довольно часто его доход равен доходу жены или даже ниже, чем у нее.

В отношении разделения домашнего труда, включая труд по уходу за детьми, модель, основанная на гендерном равенстве, также оказывается социально приемлемой. Ее в том же обследо-

²¹ См.: Российская семья: кто в доме хозяин? (<http://bd.fom.ru/report/map/d030935>).

нии поддерживали 68% мужчин и 75% женщин. Однако на практике – и в этом корень проблемы – более чем в половине домохозяйств основную нагрузку несут на себе женщины²². У нас много говорят о близком к исчерпанию ресурсов домохозяйства, но мало обращают внимание на сверхиспользование женского репродуктивного труда. А ведь значительная часть реформ в экономике и социальной сфере базируется на предположении, что устранение государства из сферы здравоохранения, образования, социальных услуг, включая дошкольное воспитание детей и уход за нетрудоспособными членами семьи, будет так или иначе компенсировано неоплачиваемым трудом женщин. Например, уже сейчас, по данным социологов, до 70% медицинских услуг оказывается дома, прежде всего женщинами²³. Низкая заработная плата работающих членов семьи также приводит к тому, что товары и услуги, ранее покупавшиеся на рынке или предоставлявшиеся за счет государства на безвозмездной основе, производятся членами домохозяйства, прежде всего женщинами.

Обратимся теперь к гендерному разделению труда в сфере занятости и структуре рынка труда. Прежде всего занятые исключительно в домашнем хозяйстве женщины составляют 5% от экономически неактивного населения. В составе экономически активного населения трудоспособного возраста женщины составляют 74,6%, мужчины – 80%. Преобладание мужчин связано в основном с более поздним выходом на пенсию. В то же время средняя заработная плата женщин составляет всего 64% от заработной платы мужчин. Причем в молодых возрастных группах этот разрыв больше и может достигать до 54%²⁴. Таким образом, вклад женщин в совокупный семейный бюджет составляет менее 2/3 от вклада мужчин²⁵. Женщины медленнее продвигаются по карьерной лестнице, имеют перерывы в работе, связанные с рождением и воспитанием детей; женские рабочие места сосредоточены в основном в низкооплачиваемой бюджетной сфере и других малопрестижных секторах рынка труда, включая теневую экономику. Соответственно при выходе на пенсию они могут рассчитывать на пенсионное пособие, составляющее уже менее 60% от средней

²² Там же.

²³ Сидорина Т.Ю., Сергеев Н.В. Государственная социальная политика и здоровье россиян. К анализу затрат домохозяйств на здравоохранение // Мир России. 2001. № 2 (http://www.hse.ru/journals/wrldross/vol01_2/Sid_Ser/sid_ser.html).

²⁴ Женщины и мужчины России / 2004: стат. сб. М., 2004.

²⁵ Женщина новой России: какая она? Как живет? К чему стремится? Аналитический доклад. ИКСИ РАН, 2001 (<http://www.ispr.ru/SOCOPROS/socoprosl00.html>).

пенсии мужчин. Причем в страховой стаж включены только два перерыва по рождению детей. Так что если женщина родит третьего ребенка, то ее пенсия станет еще меньше за счет сокращения как страховой, так и накопительной ее части. В то же время заработной платы мужчин даже в среднеоплачиваемых и части высокооплачиваемых секторах недостаточно для обеспечения домохозяйства необходимыми ресурсами.

Когда говорят об «эгоистических» интересах женщин как гендерной группы, ради которых они якобы отказываются от многодетной семьи, забывают о том, что в основе экономического поведения женщин лежат объективные закономерности развития экономики. Дело отнюдь не в том, что женщины стремятся к независимости от мужчин, карьере, образованию и т.д. в ущерб своему «естественному предназначению» быть матерью. Причина в том, что экономический статус мужчин оказывается низким. Мужчина не «не желает», а «не может» осуществить навязываемую ему извне функцию «единственного кормильца», потому что его роль на рынке труда (как и роль женщины) определяется не их индивидуальными предпочтениями и выбором, а необходимостью. Экономически целесообразное поведение вытесняет демографическую целесообразность. Здесь налицо конфликт интересов индивида и интересов рода, которые в разных формах пытаются представлять участники политического процесса. Социальные дотации семье ни в одной стране мира не компенсировали женщинам заработную плату. Наоборот, чем меньше их размер, тем в большей мере государство (а оно выступает ключевым игроком в сфере экономики) стимулирует женщин к участию на рынке труда. Почему предложения о материнском капитале и увеличении дотаций на ребенка и по уходу за детьми появились именно сейчас? Потому что в силу демографического всплеска 20-летней давности рынок труда в настоящее время не испытывает дефицита предложения рабочей силы. Но можно уверенно прогнозировать, что как только этот дефицит возникнет вновь, все эти льготы будут минимизированы.

В настоящее время более половины семей с детьми в России проживает за чертой бедности. Пока еще потребность во втором ребенке и представление о двухдетной семье как идеальной и желаемой сохраняются, но условия для реализации этой потребности ухудшились кардинальным образом. Сегодня далеко не все матери используют право на отпуск полностью, вплоть до достижения ребенком полутора лет. Несмотря на значительное увеличение социальных выплат и сохранение до 40% заработка женщины в течение полутора лет отпуска по уходу за ребенком, многие

семьи (женщины-матери) не могут себе позволить полностью (примерно 15,5 месяцев после окончания послеродового отпуска) находиться в отпуске по уходу и возвращаются на работу, чтобы вернуть в семью источник дохода, либо опасаясь потерять работу, особенно в негосударственном секторе. Из опроса ФОМ (2006) следует, что эта мера представляется неэффективной 49% женщин и 40% мужчин²⁶. Характерно, что распределение мнений российских женщин о продолжении трудовой деятельности при условии повышения заработной платы мужа на величину заработной платы жены таково: 18,3% женщин продолжали бы работать полное рабочее время, 46,8% продолжали бы работать неполное рабочее время, 18,1% – оставили бы работу и 16,8% – затруднились ответить. Причем среди опрошенных женщин-работчих оставили бы работу 21,6% женщин, тогда как в среде служащих женщин этот показатель равен 15,8%. В реальности работу сегодня теряют в основном женщины-служащие²⁷. В целом, по данным ФОМ, в российском обществе не сложилось единого представления о соотношении работы и семьи в приоритетах современной женщины. «По мнению половины респондентов (49%), большинство женщин предпочли бы работать, даже если бы в семье было достаточно денег. Другая половина (43%) считает, что в этой ситуации большинство женщин не стало бы работать. Надо отметить, что первая точка зрения более характерна для женщин, чем для мужчин. Мужчины значительно чаще полагают, что роль домашней хозяйки является желанной для большинства женщин»²⁸.

Отложенное и нереализованное рождение второго и третьего ребенка семейные пары объясняют неуверенностью в будущем и в своих возможностях содержать и воспитывать детей. Это, кстати, не уникальная особенность России. В недавно проведенном в 15 странах Европейского союза исследовании демографических установок семей обнаружилось, что подобную неуверенность испытывают семьи не только в постсоциалистических странах – Венгрии, Польше и Эстонии, но и во вполне «благополучных» Бельгии и Германии²⁹. В целом неолиберальный подход к эконо-

²⁶ Политика стимулирования рождаемости. Опрос населения. ФОМ май 2006: <http://www.bd.fom.ru>

²⁷ См.: *Калабихина И.* Социальный пол и проблемы населения. М., 1995.

²⁸ *Якушева Т.* Женское счастье и тяжелая доля россиянок. ФОМ. 2002: <http://bd.fom.ru/report/map/d050926>

²⁹ См.: *Dorbritz J., Hohn Ch., Naderi R.* The Demographic Future of Europe – Facts, Figures, Policies. Results of the Population Policy Acceptance Study (PPAS) – DIALOG. The European Commission, the Robert Bosch Foundation, Federal Institute for Population Research, Germany. November 2005.

мической политике не сочетается с повышением уровня рождаемости. Современное экономическое устройство *поощряет* низкую рождаемость. Товары и услуги более доступны тем, кто не имеет детей. С этой точки зрения низкая рождаемость соотносится с социальным равенством. Более того, современная экономика рождает не только «эмансипированных» женщин, но и вынужденно «эмансипированных» мужчин (эмансипированных от семьи в традиционном ее понимании).

Наглядным примером служит рост числа разводов и незарегистрированных сожительств. Государство как общественный институт поощряет мужчин и женщин регистрировать свои отношения, примером чего является новая редакция Семейного кодекса, отменившая существовавшее ранее приравнивание зарегистрированного брака и долговременного незарегистрированного сожительства. Еще совсем недавно доля лиц, никогда не состоявших в браке, составляла всего 4–5%, однако данные переписи населения и последних обследований показали, что число внебрачных партнерских отношений растет. Особенно это характерно для молодых и родившихся в 1970-х годах, где число подобных союзов достигает 45%. Сегодня почти 30% матерей при рождении ребенка не состоят в зарегистрированном браке. По данным ФОМ, в целом опыт внебрачных сожительств имеют 22% россиян³⁰. Несмотря на то что в партнерствах рождаются дети, вероятность рождения второго и третьего ребенка чрезвычайно мала. Зато намного выше социальная и экономическая уязвимость женщины-матери, даже при том, что пособия для матерей-одиночек выше, чем у женщин-матерей, состоящих в официальном браке.

Если в западных странах рост незарегистрированных партнерских отношений связывают с «социальным паразитизмом» женщин, не желающих работать в сфере оплачиваемой занятости (что также представляет собой, пример социального лицемерия), в нашем случае следует говорить о возрастании социальной безответственности и маргинализации мужчин. Реальный социально-экономический статус мужчины не позволяет ему быть «кормильцем семьи», а все остальные социальные роли (начальника, защитника, воина) не столь значимы для воспроизводства человеческого рода. Мужчина ощущает себя «социально лишним». Отсюда – инфантилизм, алкоголизм, сексуальная безответственность и, в частности, нетерпимость к феминизму, а также, между

³⁰ Материалы общероссийского опроса населения 25–26 декабря 2004 г., проведенного ФОМ 21 декабря 2004 г. в Москве, Новосибирске и Самаре: http://bd.fom.ru/report/cat/journ_socrea/number_1_05/gur050103/

прочим, такие экстравагантные идеи российских политиков-мужчин, как законодательные инициативы о необходимости согласия мужа на искусственное прерывание беременности. Можно прогнозировать, что либо оставшиеся 55% молодых людей до 30 лет не будут больше официально регистрировать браки, либо число одиноких матерей вырастет в разы.

Если говорить о разводах, то их число стабильно велико. По данным на 2003 г., примерно на миллион браков приходилось около 800 тыс. разводов. Количество разводов, хотя и несколько снизилось по сравнению с пиковым 2002 г. (5,9 развода на 1000 чел.), все еще остается очень высоким (4,5 – в 2006 г., 4,8 – в первом полугодии 2007 г.) и существенно превышает показатели конца 80-х – начала 90-х годов. Характерно, что 60% разводов в стране происходят по инициативе женщин. Перевес женской инициативы складывается за счет разводов в семьях с детьми (около 70%), а в семьях без детей число разводов по инициативе мужей и жен примерно одинаково. Мужская инициатива превалирует только в семьях, где возраст супругов превышает 40 лет. Дети в этих семьях чаще всего уже совершеннолетние, поэтому ответственность за них не удерживает отцов от развода. Преобладание женской инициативы имеет место не только тогда, когда развод вызван пьянством мужа, но и тогда, когда причиной развода является так называемое несходство характеров, за которым часто стоит физическое, психологическое или экономическое насилие со стороны мужа. Мужья выступают инициаторами развода главным образом тогда, когда у них уже есть другие женщины, к которым можно уйти. Среди мужчин гораздо реже можно встретить одиноких, чем среди женщин. Так, среди 35–50-летних одинокий мужчина – достаточно редкий феномен, таковых менее 10%. Среди женщин эта пропорция, как минимум, в 2 раза выше. К 50 годам каждая четвертая женщина не имеет спутника жизни, а к 60 доля одиноких женщин достигает 50%³¹.

Таким образом, налицо несбалансированность отношений между гендерными группами, причем их традиционные формы нежизнеспособны, а становлению новых государственная политика не способствует, поскольку находится во власти гендерных стереотипов. Анализ гендерных отношений в сферах общественной жизни, имеющих прямое отношение к демографическому поведению, показывает, что в рамках парадигмы «естественного предназначения» женщин и мужчин невозможно предложить эффективных мер по стимулированию рождаемости. Так, в реальности

³¹ Женщины и мужчины в России. 2004: стат. сб. М., 2004.

мы видим, что экономическая и социальная ответственность мужчин чрезвычайно низка. В национальном проекте по демографии все меры, направленные на повышение рождаемости, адресованы женщине, т.е., направлены на укрепление института материнства. Институт отцовства остается без внимания. Только под давлением женских неправительственных организаций были приняты поправки в закон.

Закон о материнском капитале, согласно которому государство будет предоставлять 250 тыс. руб. матерям, родившим второго ребенка после 1 января 2007 г., пожалуй, является первой мерой демографической политики, которую, вопреки гендерным стереотипам о «естественном предназначении», можно в определенном смысле интерпретировать как признание реального статуса российских женщин. Это первая попытка интеграции гендерного подхода в семейную политику. Вместе с другими мерами по поддержке работающей матери закон создает условия для совмещения материнства и работы вне дома, хотя и не вполне адекватно оценивает реальные сложности этого процесса. Так, женщина может потратить получаемые деньги на образование ребенка, покупку жилья или использовать их на пенсионные накопления, однако собственные потребности женщины – в получении образования, повышении квалификации (что необходимо после длительного перерыва в работе), лечении и т.д. остаются без внимания законодателей. Следует отметить, что в целом эта мера вызвала одобрение и мужчин (53% опрошенных ФОМ) и в еще большей степени у женщин (58%). В то же время больше половины женщин и мужчин не считают, что материнский капитал может существенно повлиять на увеличение рождаемости в стране, поскольку 58% женщин и 43% мужчин оценивают государственную семейную политику как «недостаточную»³².

Становление гендерного равенства и в семье, и в других социальных институтах – это объективный процесс, поэтому разумная демографическая политика должна быть интегрирована в гендерную политику. Гендерное равенство есть условие свободы не только женщин, но и мужчин. Именно оно создает предпосылки для развития возможностей социального производства и воспроизводства, включая демографическое.

³² Политика стимулирования рождаемости: опрос населения. Май 2006: <http://www.bd.fom.ru>

ОТ ТРАДИЦИОННОГО К СОВРЕМЕННОМУ ТИПУ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

Если рассматривать гендерные стереотипы как общепринятые нормы и суждения, касающиеся существующего положения мужчин и женщин, норм их поведения, мотивов и потребностей, то очевидно, что в условиях традиционного типа воспроизводства с высокой социально обусловленной рождаемостью и высокой смертностью мужчине отводится роль отца-кормильца семьи, а женщине – прежде всего роль матери. Рождение детей при этом обуславливается официальным браком, заключенным в достаточно раннем возрасте, а бесплодие одного из супругов рассматривается как весомая причина для расторжения брака.

Развитие населения от традиционного к современному типу воспроизводства сопровождается переносом социального контроля над демографическим поведением с институционально-коллективного на индивидуальный уровень: «внешний» контроль со стороны государства уступает место контролю «внутреннему», т.е. самоконтролю, который предполагает расширение свободы индивидуального выбора³³. Признаками таких перемен, которые трактуются как «второй демографический переход»³⁴, становятся низкая и продолжающая снижаться рождаемость, сокращение числа зарегистрированных браков, рост числа свободных союзов, появление новых форм семьи, увеличение числа разводов и либерализация общественного мнения в отношении внебрачных рождений. «Отличие второго демографического перехода в том, что все помыслы человека сосредоточены на самореализации, свобо-

³³ См.: Демографическая модернизация России. 1900–2000 / под ред. А. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006. С. 137–138.

³⁴ См. *Lesthaeghe R., van de Kaa D.* Demografische Transitities? // *Groei of Krimp* / ed. by R. Lesthaeghe, D. van de Kaa. Deventer: Van Loghum-Dlaterus, 1986. *Livi-Bacci* 1986; *Van de Kaa D.J.* Europe's second demographic transition // *Population Bulletin*. 1987. Vol. 42; *Lesthaeghe R.* Der zweite demographische Ubergang in den westlichen Landern: eine Deutung // *Zeitschrift fur Bevolkerungs-wissenschaft*. 1992. Bd. 18; *Van de Kaa D.J.* The second demographic transition revisited: Theories and expectations // *Population and family in the low countries* / ed. by G.C.N. Beets et al. Lisse: Swets and Zeitlinger, 1994. Первый демографический переход характеризовался возросшим контролем над рождаемостью, который привел к сокращению рождаемости в старших родительских возрастах и соответственно снижению рождаемости в целом. Степень индивидуального контроля над рождаемостью возрастала монотонно с возрастом, длительностью брака и очередностью рождений (*Coale A.J., Trussell T.J.* Model fertility schedules: Variations in the age structure of childbearing in human populations // *Population Index*. 1974. Vol. 40. P. 185–258; *Page H.J.* Patterns underlying fertility schedules: A decomposition by both age and marriage duration // *Population Studies*. 1977. Vol. 31. P. 85–106.

де выбора, личном развитии и индивидуальном стиле жизни, эмансипации, и это находит отражение в формировании семьи, установках в отношении регулирования рождений и мотивах родительства. (...)Растущие доходы, экономическая и политическая защищенность, которые современное государство предлагает своему населению, обуславливают тот факт, что индивидуальные сексуальные предпочтения принимаются такими, как они есть, и решения о совместной жизни, разводе, аборте, стерилизации и добровольной бездетности остаются на усмотрение индивидуумов и семейных пар»³⁵.

В контексте репродуктивных факторов демографического развития это означает выбор степени, времени и способа реализации потенциальной фертильности. Теоретически индивид может полностью отказаться от деторождения, оставшись бездетным до конца жизни, а может произвести на свет конкретное число детей, искусственно ограничивая фертильность с помощью абортов или контрацепции; может родить в возрасте, который общество считает дорепродуктивным или отложить появление потомства на пострепродуктивный период; может привязать деторождение к определенной форме брака, а может вообще никак не связывать рождение детей с любым семейным союзом; может заниматься лечением заболеваний, препятствующих зачатию или вынашиванию ребенка, а может прибегнуть к помощи репродуктивных доноров; может выбрать традиционную беременность, а может пригласить суррогатную мать. Такие возможности создаются изменившимися социальными и экономическими отношениями и поддерживаются современными репродуктивными технологиями. Несмотря на стремление людей периодически ограничивать индивидуальную фертильность, полная неспособность оставить потомство всегда считалась серьезной проблемой, причем имевшей выраженную гендерную окраску; даже в Ветхом Завете она рассматривалась только в контексте женщины: «Бог затворил ее утробу...», «Бог отворил ее утробу...». Хотя еще римский поэт Лукреций в дидактической поэме «О природе вещей» отмечал, что причины бесплодия коренятся в организме как женщины, так и мужчины³⁶, до самого конца XVIII в. господствовало мнение, что оплодотворение зависит от некоего летучего вещества, исходящего из мужского семени. Отсюда произошла и соот-

³⁵ См.: *Van de Kaa D.J.* Anchored narratives: The story and findings of half a century of research into determinants of fertility // *Population Studies*. 1996. Vol. 50. № 3. P. 425.

³⁶ См.: *Тит Лукреций Кар*. О природе вещей. Кн. 4. Раздел «Деторождение». Стихи 1209–1277 / пер. с лат. М., 2006.

ветствующая терминология: «сеяние семени», «оплодотворение», «бесплодие» и т.д., а также сравнение мужчины с сеятелем, бросающим семена будущей жизни во чрево своей жены. Поскольку рождение наследников считалось главной целью брака, сам факт бездетности всегда воспринимался не только как горе для всей семьи, но и как наказание за грехи, которые совершила женщина. Бездетная женщина (но никогда мужчина!) могла подвергаться некоторым социальным ограничениям, например, нежелательным считалось ее участие в обрядах, направленных на повышение плодородия.

Прообразом современных методов регулирования человеческой репродукции можно назвать детоубийство (инфантицид). По сути, это полное отрицание самой возможности размножения человека, отказ от нее, приобретающий такую антигуманную форму из-за неэффективности других способов. Убийство «лишних» девочек практиковалось и в средневековой Индии, где после набегов персов в VII в. н.э. женщина стала рабой, и у языческих славян, где «всякая мать имела право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже слишком многочисленно, но обязывалась хранить жизнь сына, рожденного служить отечеству»³⁷.

В XIX в. уже была доказана и мужская, и женская неспособность к появлению потомства, но в клинической практике речь шла только о бесплодном браке, т.е. официальном супружеском союзе, «в котором проходит довольно длинный ряд лет (5–10) при правильном совокуплении, без выкидышей и преждевременных родов»³⁸. Женское бесплодие трактовалось как «врожденное или приобретенное состояние женского организма, делающее его неспособным к зачатию», а мужское называлось «бессилием» и рассматривалось как «неспособность мужчины к воспроизведению при наличии правильного совокупления»³⁹. Временем, когда реальная фертильность перестает зависеть только от естественных причин, можно считать рубеж XIX–XX вв., когда, несмотря на официальное неодобрение аборта, он все же стал возможным в специализированных клиниках или у знахарей и достигал в крупных городах до 20% от числа рождений⁴⁰.

³⁷ Карамзин Н.М. Предания старины. М., 1988. С. 49–50.

³⁸ Ланда Э.И. Причины и способы лечения женского бесплодия // Акушерка. 1909. № 13–14. С. 195.

³⁹ Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°». М., 1909. Т. 5. С. 166–167, 186.

⁴⁰ Население России в XX в. Исторические очерки. Т. 1. 1900–1939 гг. М., 2000. С. 44.

Современная рождаемость формируется под влиянием всех без исключения факторов – от полного отказа регулировать деторождение до полного отказа родить даже единственного ребенка. Промежуточные позиции между этими полюсами занимает регулирование рождаемости фертильным населением, происходящее по социально-экономическим причинам, и инфертильным (бесплодным) или субфертильным (с ограниченной способностью к деторождению) населением, тесно связанным с возможностями вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). Основы современной репродуктологии (репродуктивной медицины) начали формироваться только к середине XX в., и к концу столетия выделилось самостоятельное направление медико-биологических знаний, решающее физиологические проблемы реализации фертильности и рождения детей. В современных условиях эффективность лечения бесплодия составляет около 40%, а вероятность наступления беременности в расчете на один цикл (одну попытку экстракорпорального оплодотворения – ЭКО) – 30–40%, что в 1,5–2,5 раза выше, чем при естественном зачатии⁴¹. Новые репродуктивные технологии, наиболее перспективными из которых считается ЭКО, изменили возможности восстановления репродуктивной функции у родительских пар, так как смогли привести к успеху при ранее считавшихся неизлечимыми формах бесплодия.

Преимплантационная диагностика позволила вплотную подойти к наследственным заболеваниям и их коррекции, криоконсервация половых клеток «размыла» границы репродуктивного возраста и создала принципиальную возможность деторождения при физиологической и социальной субфертильности (например, у онкологических больных, работников профессий повышенного риска, семей с нетрадиционной сексуальной ориентацией и проч.). Стремительная эволюция репродуктивных технологий, их эффективность и возрастающая практическая доступность сначала легко вписались в социальные реалии второго демографического перехода, а затем сами стали фактором демографической трансформации. Степень влияния этого фактора зависит от того, насколько общество готово решать правовые, экономические, психологические и морально-этические проблемы, касающиеся новых медицинских технологий, новых экономических отношений и новых типов семейных связей (родственных отношений).

Период активного внедрения в практику здравоохранения достижений репродуктивной медицины совпал с периодом обострения демографических проблем в странах, переживающих второй

⁴¹ См.: Анишина М.Б. Развитие методов лечения бесплодия: <http://www.reprod.ru>

демографический переход. Там, где эти проблемы стали особенно актуальными, государство немедленно воспользовалось появившимися возможностями увеличить рождаемость, расширив репродуктивный потенциал за счет восстановления фертильности наиболее эффективными методами, в том числе таким ВРТ, как экстракорпоральное оплодотворение и перенос эмбрионов (ЭКО и ПЭ), донация ооцитов, интрацитоплазматическая инъекция сперматозоида в ооцит (ИКСИ), искусственное осеменение спермой мужа или донора (ИОСМ, ИОСД), перенос гамет или зигот в маточные трубы (ГИФТ, ЗИФТ), суррогатное материнство, клонирование, преимплантационная диагностика и т.д.⁴² Общей чертой этих методов являются манипуляции с гаметами вне организма человека, а целью – наступление беременности и рождение здорового ребенка.

Бесплодие долгое время не рассматривалось обществом как «просто болезнь», в отличие от других заболеваний, включенных в Международную классификацию болезней (МКБ). Лишь осенью 1989 г. на Международной конференции по Десятому пересмотру МКБ бесплодие было определено Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) как болезнь со всеми вытекающими отсюда последствиями и включено в XIV класс МКБ–10: № 46 – мужское, № 97 – женское⁴³. Потребовалось больше века, чтобы общество не просто осознало возможности коррекции нарушений естественной фертильности, но и на государственном уровне признало необходимость этого. Такая «запоздавшая» реакция обусловила тот факт, что организационно-правовое регулирование лечения бесплодия и ВРТ во всем мире не только существенно отстает от темпов решения проблемы медицины, но иногда искусственно тормозит их. Анализ влияния современных методов коррекции репродуктивной функции человека на демографическое развитие напрямую связан с возможностями статистического учета: из-за юридических, этических и финансовых проблем степень недоучета здесь намного выше, чем при других демографических событиях. В настоящее время наиболее репрезентативными являются данные мониторингов и отчетов по ВРТ, которые проводят Международная федерация обществ фертильности (IFFS) и

⁴² Solursh D.S., Schorer J.W., Solursh L.P. Baby oh baby – advances in assisted reproductive technology. *Med Law*. 1997. 16 (4): 779-88.

⁴³ См.: WHO Scientific Group. Recent Advances in Medically Assisted Conception. Geneva: WHO Technical Report Series, 1992. P. 820. Примечательно, что к этому времени первому ребенку, родившемуся после ЭКО, исполнилось уже 11 лет.

Европейское общество репродукции человека и эмбриологии (ESHRE), основываясь на информации, поступающей от репродуктивных клиник разных стран. Последний всемирный отчет по ВРТ опубликован в апреле 2007 г. и содержит информацию из 57 стран, общая численность населения которых составляет 4 581 106 956 чел. (примерно 70,2% всего населения мира)⁴⁴.

Исторически проблемы фертильности привлекали внимание общества в случаях, когда они начинали оказывать влияние на демографическую ситуацию конкретной страны. Однако ВРТ вызвали вопросы у общественных организаций еще на стадии лабораторных исследований, поэтому когда современные методы коррекции репродукции достигли уровня клинической практики, в большинстве стран уже были сформулированы правила, регулирующие их. По данным IFFS, в 29 странах разработано государственное репродуктивное законодательство (Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Вьетнам, Германия, Гонконг, Греция, Дания, Израиль, Испания, Италия, Канада, Корея, Латвия, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Россия, Саудовская Аравия, Словения, Тайвань, Тунис, Турция, Франция, Чехия, Швейцария, Швеция), в 18 – ВРТ регулируются отраслевыми указаниями (Австралия, Аргентина, Бразилия, Египет, Индия, Ирландия, Китай, Литва, Марокко, Мексика, Сингапур, США, Таиланд, Филиппины, Хорватия, Чили, ЮАР, Япония), и в 10 странах не существует никаких специальных распоряжений по применению современных репродуктивных технологий (Венесуэла, Иордания, Колумбия, Малайзия, Перу, Португалия, Румыния, Уругвай, Финляндия, Эквадор)⁴⁵.

Наиболее важные вопросы гарантии защиты репродуктивных прав граждан, реальная доступность методов лечения бесплодия, право на информацию о лечении бесплодия, коммерциализация лечения бесплодия, допустимость применения новых методик ВРТ (клонирование, суррогатное материнство), юридический статус человеческих эмбрионов и эксперименты на них, вовлечение третьих лиц в процесс репродукции при донации генетического материала (гамет) или суррогатном материнстве и т.д., а также организация репродуктивной помощи населению. В настоящее время степень вмешательства государства в регулирование фертильности зависит от нескольких причин, из которых необходимость роста численности населения стоит едва ли не на последнем месте. На первый план выходят правовые, религиозные и

⁴⁴ *Cohen J.* Legislation and guidelines // *Fertil Steril*. 2007. Vol. 87. N 4. Suppl. 1. S10.

⁴⁵ Там же. S9.

бытовые традиции, а также возможности конкретного государства по обеспечению доступной репродуктивной помощи (табл. 3.2).

Наиболее четкое и при этом наиболее «жесткое» репродуктивное законодательство разработано в западноевропейских странах, где уже состоялся второй демографический переход, а показатели демографического развития нельзя назвать благоприятными. Многовековая правовая культура и религиозные обычаи позволяют в определенной мере ограничить особо спорные ВРТ внутри стран, «выводя» их за границу. Репродуктивное законодательство этих стран первично по отношению к репродуктивным технологиям, оно заставляет приспособлять их к социально-экономическим возможностям общества. Высокий уровень экономического развития позволяет согласиться и на импорт высокотехнологичных медицинских услуг («репродуктивный туризм»), и на «утечку мозгов» в лице высококвалифицированных репродуктологов, и на сужение рынка труда для женщин возраста активной репродуктивности (потенциальные суррогатные матери). Правовая культура этих стран предполагает строгое соблюдение законодательных запретов, тем более что наказания за их нарушения достаточно суровые – от лишения лицензии (Венгрия, Италия, Нидерланды, Норвегия, Швеция) до крупных штрафов (например, в Италии до 600 тыс. евро)⁴⁶.

Менее детализированно, но более либерально репродуктивное законодательство в тех странах, где второй демографический переход еще не завершен, демографические показатели неблагоприятны, а экономика недостаточно стабильна. Ярким примером здесь являются некоторые республики бывшего СССР, где возможности развития и применения ВРТ существенно расширились после перехода к рынку (Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан)⁴⁷. В этих странах исследовательская и клиническая репродуктология долгое время развивалась в условиях правового вакуума со всеми вытекающими отсюда организационно-экономическими последствиями, а значительной части населения присущ правовой нигилизм, поэтому там репродуктивное законодательство как бы вторично по отношению к репродуктивной медицине и основано на стремлении «вписаться» в сложившуюся ситуацию, тем более что это позитивно влияет на экономику. По большинству методов лечения бесплодия и ВРТ государство ничем не помогает нуждающимся, но почти ничего и не запрещает, даже возрастной

⁴⁶ *Cohen J. Legislation and guideline // Fertil Steril. 2007. Vol. 87. N 4. Suppl. 1. S11-S12.*

⁴⁷ Белоруссия, Казахстан и Украина не принимают участия в мониторинге IFFS.

Таблица 3.2

**Некоторые показатели демографического развития и репродуктивной помощи
в странах мониторинга IFFS (2005 г.)**

Страна	Среднегодовая численность населения (чел.)	Суммарная рождаемость, %	Уровень рождаемости, %	Число родившихся, чел.	Количество центров ВРТ
Австралия	20 090 437	1,76	12,26	259 800	75
Австрия	8 184 691	1,36	8,81	78 190	25
Аргентина	39 537 943	2,19	16,90	721 220	20 (26)*
Бельгия	10 364 388	1,64	10,48	117 799	18
Болгария	7 450 349	1,38	9,66	71 075	14
Бразилия	186 112 794	1,93	16,83	2 874 753	105 (200)*
Великобритания	60 441 457	1,66	10,78	695 500	80 (119)*
Венгрия	10 006 835	1,32	9,76	97 496	11
Венесуэла	25 375 281	2,26	18,91	637 799	5 (12)*
Вьетнам	83 535 576	1,94	17,07	—	6
Германия	82 431 390	1,39	8,33	685 795	120
Гонконг	6 898 686	0,91	7,23	57 098	7
Греция	10 668 354	1,33	9,72	107 545	50
Дания	5 432 335	1,74	11,36	64 282	18 (23)*
Египет	77 505 756	2,88	23,32	1 777 418	51 (15)*
Израиль	6 276 883	2,44	18,21	148 170	24 (27)*
Индия	1 080 264 388	2,78	22,32	—	100 (200)*

Таблица 3.2 (окончание)

Страна	Среднегодовая численность населения (чел.)	Суммарная рождаемость, %	Уровень рождаемости, %	Число родившихся, чел.	Количество центров ВРТ
Иордания	5 759 732	2,71	21,76	162 972	16
Ирландия	4 015 676	1,87	14,47	61 042	7
Испания	40 341 462	1,28	10,10	465 616	203
Италия	58 103 033	1,28	8,89	554 022	315 (115)*
Канада	32 805 041	1,61	10,84	343,517	16
Китай	1 306 313 812	1,72	13,14	16 170 000	178
Колумбия	42 954 279	2,56	20,82	714 972	17 (18)*
Корея Южная	48 640 671	1,26	10,08	476 052	122
Латвия	2 290 237	1,26	9,04	21 497	4
Литва	3 596 617	1,19	8,62	30 541	3
Малайзия	23 953 136	3,07	23,07	—	23
Марокко	32 725 847	2,73	22,29	541 298	14 (16)*
Мексика	106 202 903	2,45	21,01	2 655 894	40
Нидерланды	16 407 491	1,66	11,14	187 910	13
Новая Зеландия	4 035 461	1,79	13,90	57 745	3 (6)*
Норвегия	4 593 041	1,78	11,67	56 756	10 (11)*
Перу	27 925 628	2,56	20,87	373 600	4
Португалия	10 566 212	1,47	10,82	109 399	20 (23)*
Россия	143 420 309	1,27	9,80	1 457 376	51
Румыния	22 329 977	1,36	10,70	221 020	15

Саудовская Аравия	26 417 599	4,05	29,56	499 734	23
Сингапур	4 425 720	1,05	9,49	38 317	8
Словения	2 011 070	1,24	8,95	18 157	3
США	295 734 134	2,08	14,14	4 115 590	399 (450)*
Таиланд	65 444 371	1,88	15,70	742 183	33
Тайвань	22 894 384	1,57	12,64	—	66
Тунис	10 074 951	1,75	15,50	163 300	5
Турция	69 660 559	1,94	16,83	1 360 000	68
Уругвай	3 415 920	1,91	14,09	47 334	4
Филиппины	87 857 473	3,16	25,31	1 669 442	3
Финляндия	5 223 442	1,73	10,50	57 745	18
Франция	60 656 178	1,85	12,15	774 355	93 (100)*
Хорватия	4 495 904	1,39	9,57	42 492	6
Чехия	10 241 138	1,20	9,07	102 211	23
Чили	15 980 912	2,02	15,44	242 476	8
Швейцария	7 489 370	1,42	9,77	72 903	25
Швеция	9 001 774	1,66	10,36	101 346	13 (15)*
Эквадор	13 363 593	2,72	22,67	168 893	6
ЮАР	44 344 136	2,24	18,48	1 380 496	15
Япония	127 417 244	1,39	9,47	1 110 721	520 (590)*

* В скобках – по данным Международного комитета по мониторингу ВРТ (ICMART) (См.: Adamson G.D., de Mouzon J., Lancaster P., Nygren K.G., Sullivan E. World collaborative report on in vitro fertilization, 2000. Fertil Steril 2006; 85: 1586–622).

Источники: Cohen J. Number of centers // Fertil Steril. 2007. Vol. 87, N 4. Suppl. 1. S8; <http://chinalist.ru>; <http://unstats.un.org>

ценз сводя к расплывчатой формулировке – «детородный возраст». Это способствует быстрому росту репродуктивных клиник, оказывающих качественную помощь всем желающим, в том числе приезжающим из-за рубежа.

Специфически формируется репродуктивное законодательство в государствах, большинство населения которых исповедует ислам, а также в странах, где население сформировалось за счет миграционного притока (США, Австралия, Канада, Израиль). По большинству технологий оно не очень детализируется, за исключением отдельных направлений, связанных с конфессиональными или государственными традициями, но в целом более лояльно. Эта свобода детерминируется не экономическими, а морально-этическими соображениями, но подкрепляется серьезной ответственностью за нарушение существующих законов (например, в Новой Зеландии срок тюремного заключения может достигать 5 лет, а штраф – 200 тыс. долл.).

Наиболее острые проблемы вызывают самые современные методы коррекции репродуктивных нарушений: суррогатное материнство, донорство половых клеток, клонирование, а также использование невоплощенных половых клеток, эмбрионов и эмбриональных стволовых клеток. Относительно либеральный подход к ВРТ развивается под влиянием феминистских кругов и движения сексуальных меньшинств, что приводит к изменению концепции планирования семьи и применения методов ВРТ. Эти методы начинают использовать не только для лечения бесплодия, но и для достижения зачатия в других случаях, при отсутствии заболевания, по так называемым социальным показаниям, когда в репродуктивные клиники обращаются, например, репродуктивно здоровые женщины, желающие забеременеть без биологического контакта с мужчиной, а также однополые пары. Несмотря на технологические возможности помочь им, законодательство разных стран неоднозначно относится к подобной категории пациентов, часто ограничивая их доступ к ВРТ (табл. 3.3).

Как видно из приведенной таблицы, большинство стран использует ВРТ в качестве инструмента семейной и гендерной политики, поддерживая с его помощью наиболее приемлемую для государства форму семьи. Значительно меньше стран допускают либеральные отклонения в пользу однополых пар, причем речь идет лишь о женщинах. Однополым мужским парам, так же как и одиноким мужчинам, в большинстве случаев формально отказано в праве преодоления бесплодия, хотя отцы-одиночки – это

Доступность ВРТ и семейный статус

Семейный статус, необходимый для ВРТ	Страны (n = 59)
Официальный брак (13)	Гонконг, Египет, Иордания, Китай, Литва, Малайзия, Марокко, Сингапур, Тайвань, Тунис, Турция, Филиппины, Япония
Официальный брак или постоянное совместное проживание (6)	Австрия, Германия, Дания, Франция, Хорватия, Чехия
Официальный брак или постоянное совместное проживание. Разрешено одиноким женщинам (5)	Венгрия, Вьетнам, Греция, Индия, Россия
Постоянное совместное проживание (11)	Аргентина, Ирландия, Италия, Колумбия, Норвегия, Португалия, Словения, Уругвай, Швейцария, Швеция, Эквадор
Постоянное совместное проживание. Разрешено одиноким женщинам (1)	Чили
Любой (3)	Болгария, Корея, Мексика, Таиланд
Любой. Разрешено одиноким женщинам (2)	Испания, Латвия
Любой. Разрешено одиноким женщинам и лесбийским парам (10)	Австралия, Бельгия, Бразилия, Великобритания, Израиль, Канада, Нидерланды, Новая Зеландия, ЮАР, США
Разрешено одиноким женщинам (1)	Перу
Специальных распоряжений нет (2)	Румыния, Финляндия
Нет информации (1)	Саудовская Аравия
<i>Источник: Cohen J. Marital status // Fertil Steril. Vol. 87. N 4. Suppl. 1. S18.</i>	

реальность⁴⁸. Государство в принципе не может регулировать физиологические функции, а репродуктивная функция – одна из них, оно лишь может создавать условия, которые способствуют или препятствуют реализации этих функций. Оно не может запретить совершеннолетним дееспособным гражданам иметь детей от тех, кого они выбрали сами, однако позитивное отношение общества к одиноким родителям распространяется лишь на женщин, которым дано право на искусственное оплодотворение, в том числе ЭКО. Мужчины с репродуктивными нарушениями получают дос-

⁴⁸ Корсак В.С. К вопросу о нормативах ВРТ и участии РАРЧ в их разработке // Проблемы репродукции. 2004. № 6. С. 9.

туп к ВРТ только в составе гетеросексуальной пары потенциальных родителей, что может рассматриваться как нарушение их гендерных прав.

Очень много вопросов вызывает суррогатное, т.е. «заместительное», материнство – технология репродукции человека, при которой женщина добровольно соглашается забеременеть, выносить и родить ребенка, чтобы отдать его на воспитание другим – юридическим – родителям⁴⁹.

Прообразы современного суррогатного материнства и способы его регулирования государством имели место еще в глубокой древности. Например, в шумерской Месопотамии в середине XVIII в. до н.э. такая практика была общепринятой и законодательно закреплённой. Тогда в стране необходимо было серьезно увеличить число рождений, и Кодекс законов царя Хаммурапи в 1781 г. до н.э. установил, что бесплодная жена, желающая иметь детей, должна для продолжения рода дать своему мужу рабыню, причем дети, родившиеся от такой рабыни, считались законными детьми бесплодной супружеской пары. Для успешно родивших сына суррогатных матерей предусматривались и определенные «социальные гарантии»: их ни при каких обстоятельствах нельзя было продавать⁵⁰.

В настоящее время суррогатное материнство разделяется на два вида – традиционное (частичное), когда яйцеклетка суррогатной матери оплодотворяется спермой биологического отца, и гестационное (полное) – когда суррогатная мать не имеет биологической связи с вынашиваемым ребенком. Оно также может быть альтруистическим, предполагающим только возмещение расхо-

⁴⁹ При неспособности пары к рождению собственных детей суррогатными могут быть и отец, и мать, однако мужское бесплодие привлекло к себе внимание специалистов гораздо позже, чем женское, отчасти потому, что именно «заместительные» отцы, часто без ведома отцов официальных, успешно выполняли свои роли.

⁵⁰ § 144. Если человек взял в жены бесплодную женщину, и эта бесплодная женщина дала своему мужу рабыню и дала ему иметь сыновей, а этот человек захочет взять себе наложницу, то этому человеку не должны разрешить, он не может взять себе наложницу. § 145. Если человек взял в жены бесплодную женщину, а она не дала ему иметь сына и он захочет взять себе наложницу, то этот человек может взять себе наложницу и ввести ее в свой дом, но эта наложница не должна равняться с бесплодной женой. § 146. Если человек взял в жены бесплодную женщину, а она дала своему мужу рабыню, и та родила сыновей, а затем эта рабыня стала равнять себя со своей госпожой, то, так как она родила сыновей, ее госпожа не должна продавать ее за серебро, она может наложить на нее рабский знак и причислить ее к рабыням. § 147. Если она сыновей не родила, ее госпожа может продать ее за серебро (см. www.hist.msu.ru).

Легитимность и применяемость суррогатного материнства

Степень легитимности	Страны (n = 58)
Разрешено и применяется (8)	Канада, Греция, Израиль, Нидерланды, Новая Зеландия, Россия, Великобритания
Разрешено с ограничениями к применению (8)	Гонконг, Индия, Венгрия, Австралия, Бразилия, ЮАР, Таиланд, США
Применяется при формальных ограничениях (5)	Колумбия, Эквадор, Финляндия, Перу, Румыния
Не разрешено (21)	Австрия, Дания, Франция, Германия, Италия, Латвия, Норвегия, Испания, Словения, Швеция, Швейцария, Тайвань, Тунис, Турция, Вьетнам, Аргентина, Хорватия, Египет, Япония, Филиппины, Сингапур
Не применяется (6)	Иордания, Малайзия, Марокко, Португалия, Венесуэла, Уругвай
Нет специальных распоряжений (7)	Бельгия, Болгария, Чехия, Корея, Чили, Ирландия, Мексика
Нет данных (3)	Саудовская Аравия, Китай, Литва
<i>Источник: Jones Jr. IVF surrogacy // Fertil Steril. Vol. 87. N 4. Suppl. 1. S51.</i>	

дов во время беременности, и коммерческим, выполняемым по контракту за материальное вознаграждение. Суррогатное материнство всегда подлежит законодательному регулированию, поскольку внедрение этого метода и возможность рождения генетически чужеродного ребенка привело к переопределению юридического понятия материнства и вызвало много морально-этических вопросов. Законы, регулирующие суррогатное материнство, права и обязанности суррогатной матери и тех, для кого она вынашивает ребенка, различны в разных странах и даже в разных административных единицах одной страны (табл. 3.4).

Как видно из табл. 3.4, меньше половины стран, официально применяющих ВРТ, обращаются к суррогатному материнству, а репрезентативных данных об этом еще меньше, поэтому частоту использования данной технологии можно оценить лишь по экспертным оценкам и экстраполяции клинической статистики. Во многом это связано со стремлением скрыть факт суррогатного материнства как потенциальными родителями, так и женщиной, вынашивающей ребенка. Отсюда возникает парадоксальная ситуация: например, в США, где в некоторых штатах едва ли не самое либеральное в мире законодательство по суррогатному мате-

ринству, в 2003 г. было зафиксировано 112 872 цикла ВРТ, из которых лишь 72 относились к программе «суррогатное материнство»⁵¹. По официальным данным, с помощью суррогатных матерей родилось свыше 220 тыс. детей, из них в России – более 500, при этом эксперты признают, что реальные российские цифры в 4–5 раз выше⁵².

Таким образом, в настоящее время суррогатное материнство нельзя рассматривать как регулятор количества населения, однако его вклад в изменение показателей качества жизни очевиден. Суррогатное материнство необходимо при субфертильности, вызванной не репродуктивными нарушениями, а общим состоянием здоровья, при котором беременность противопоказана (кардиологические, онкологические, эндокринные заболевания, нарушения опорно-двигательной функции и проч.), и при абсолютном бесплодии, возникающем при отсутствии репродуктивных органов у женщины. Исходя из этого, некоторые страны решают вопросы суррогатного материнства в контексте каждой конкретной пары (например, в Аргентине для этого сформирован специальный комитет) либо, объявляя его «незаконным» (Австралия), все же разрешают в исключительных случаях (Южная Австралия), «из сострадания» (Западная Австралия) и только на альтруистической основе (штат Виктория). В Греции для доступа к программе «суррогатное материнство» необходимо решение суда, которое выносится на основании медицинского обследования женщин, подтверждающего для генетической (юридической) матери невозможность самостоятельно выносить ребенка, а для суррогатной матери – ее пригодность к вынашиванию и рождению здорового ребенка. По законам Израиля, где активно используются все ВРТ, разрешение на участие в программе «суррогатное материнство» дает специальный комитет министерства здравоохранения, который требует, чтобы пара потенциальных юридических родителей в официальном браке состояла, но суррогатная мать была одинокой⁵³.

Мировым центром суррогатного материнства считается американский штат Арканзас, где контракт об оказании услуг суррогатной матери обязателен к исполнению, а родители (или один родитель), т.е. заказчики, фигурирующие в контракте, записываются в свидетельство о рождении выношенного суррогатной матерью ребенка. Главным при решении вопроса о родителях

⁵¹ Jones Jr. IVF surrogacy // *Fertil Steril*. Vol. 87. N 4. Suppl. 1. S51.

⁵² См.: Мама напрокат // *МК в Питере*. 07.07.2004.

⁵³ Jones Jr. IVF surrogacy // *Fertil Steril*. Vol. 87. N 4. Suppl. 1. S51.

суррогатного ребенка закон считает выраженное в контракте намерение родителей-заказчиков, благодаря которому этот ребенок и появляется на свет. Если через несколько лет после его рождения родители разводятся, то суд при определении того, с кем он останется, исходит не из биологического родства, которого может и не быть, а из того, с кем из родителей ребенку будет лучше. Там и одинокие мужчины, и одинокие женщины могут нанять суррогатных матерей для продолжения своего рода. Даже если биологическая связь между родителем и ребенком отсутствует, родитель-заказчик записывается в свидетельство о рождении единственным родителем.

В России суррогатное материнство, в том числе коммерческое, законодательно разрешено и регламентируется законодательными актами и нормативными документами:

- Семейный Кодекс РФ, ст. 51–52;
- Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан от 22.06.93 № 5487-1, ст. 35 «Искусственное оплодотворение и имплантация эмбриона»;
- Закон «Об актах гражданского состояния» от 15.11.97 № 143-ФЗ, ст. 16;
- Приказ Минздрава РФ от 26.02.03 № 67 «О применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в терапии женского и мужского бесплодия» (зарегистрировано в Минюсте РФ 24.04.03 № 4452).

Однако услугами суррогатных матерей фактически имеют право воспользоваться только официально зарегистрированные супружеские пары (поскольку родителей, не состоящих в браке, не запишут в свидетельство о рождении) и только по установленным Приказом № 67 Минздрава РФ жестким медицинским показаниям. Традиционные – самые распространенные в мире и самые дешевые – суррогатные программы с инсеминацией суррогатной матери в России практически нереализуемы, так как в п. 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ и ст. 16 ФЗ «Об актах гражданского состояния» говорится только о процедуре ЭКО.

Учитывая рост предложений стать суррогатной матерью, размещаемых на Интернет-сайтах, коммерческое суррогатное материнство можно рассматривать как вид женской занятости и способ приложения женского труда, несмотря на то, что запреты на него мотивируются чаще всего «аморальностью», «противоречием человеческому достоинству», «унижением женщины». Противники метода считают, что в такой ситуации дети превращаются в подобие товара и создается возможность найма женщин для вынашивания чужого потомства – разновидность их сексуальной эксплуата-

ции. Сторонники суррогатного материнства полагают, что это не коммерциализация деторождения, а глубоко гуманный человеческий акт, приносящий суррогатной маме материальную компенсацию и моральное удовлетворение от приносимой ею пользы.

По-разному относятся к суррогатному материнству и представители церкви. По мнению православной церкви (2000 г.), «...эта методика предполагает разрушение глубокой эмоциональной и духовной близости, устанавливающейся между матерью и младенцем уже во время беременности. “Суррогатное материнство” травмирует как вынашивающую женщину, материнские чувства которой попираются, так и дитя, которое впоследствии может испытывать кризис самосознания». В исламских странах, где разрешена полигамия, этот вопрос решается проще, так как суррогатной матерью может стать другая жена мужа⁵⁴.

Согласно информации с российских сайтов и ответам участников программ по суррогатному материнству, суррогатной матерью становятся подруги и родственницы генетической (юридической) матери, а также молодые репродуктивно здоровые женщины, стремящиеся таким образом решить свои материальные проблемы. На фоне дискуссий о морально-этических аспектах суррогатного материнства сами женщины, вынашивающие чужого ребенка, относятся к этому как к обычной работе, за которую получают удовлетворяющую их оплату, и часто готовы выполнять ее неоднократно. По своей природе оплата суррогатного материнства представляет собой экономическую ренту, т.е. плату за ресурс со строго ограниченным предложением (разница между реальной платой за услуги специфического ресурса и той минимальной ценой, которую необходимо уплатить, чтобы побудить собственника его продать), поэтому возникают дополнительные вопросы трудового стажа, медицинской страховки, регистрации по месту временного проживания и проч. Кроме того, во всех странах государство не принимает никакого участия в регулировании материальных аспектов суррогатного материнства – все расходы перекладываются на бесплодную пару (в отличие от ЭКО, где несколько циклов все-таки бесплатны для пациентов).

Таким образом, при переходе к современному типу воспроизводства населения гендерные ориентиры и традиции, учтенные в государственной демографической политике, сохраняют роль «естественного» регулятора репродуктивного влияния на развитие населения, ограничивая расширение детородных когорт за «биологические» пределы.

⁵⁴ Азеева С. Семейный совет // АиФ. Вып. 09 (202). 06.05.2003.

ДВОЙНОЙ ГРУЗ СОЦИАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ

Две фундаментальные константы человека – пол и возраст – во многом определяют социальные роли и статус, влияют на уровень доходов, распределение власти, возможность контролировать собственную жизнь. Важно, как в теоретическом, так и в практическом аспекте, уяснить механизмы взаимосвязи пола и возраста с возможностями самореализации личности на различных стадиях жизненного цикла. В России социальные стереотипы, включая гендерные, формируются в условиях резкого изменения социально-экономических условий жизнедеятельности. Это воздействует на использование разнообразных типов социального поведения. Т.И. Заславская предложила выделить четыре класса поведенческих стратегий в трансформационный период (достижительные, адаптационные, регрессивные и разрушительные), считая, что в основу классификации естественно положить цели, мотивы и средства их реализации. Способность к активной социально-инновационной деятельности и эффективному адаптационному поведению существенно зависит от социально-демографического потенциала различных слоев населения. В 90-е годы XX века это ярко проявилось при возникновении новой социальной стратификации. Значительна разница в социальном положении мужчин и женщин: доля мужчин в верхнем, реально правящем слое в 4 раза больше, чем женщин (83% мужчин, 17% женщин). В нижнем слое (замыкающем основную, социализированную часть общества) численность мужчин вдвое меньше (31% мужчин, 69% женщин). Возраст также являлся определяющей детерминантой новой социальной структуры общества. В верхнем слое молодежи в 2 раза больше, чем в нижнем, а пожилых людей в 20 раз меньше⁵⁵. В России «невозможно говорить о гендерном равенстве, если мы имеем в виду только положение женщин (...) Нет ситуации, когда издержки ложатся только на женщин, а выгоды – только на мужчин»⁵⁶.

⁵⁵ Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. М.: Дело, 2002. С. 384–385, 510.

⁵⁶ Роулин С.Ю. Гендерное распределение выгод от экономического роста: российский вариант // Гендер как инструмент познания и преобразования общества / ред.-сост. Е.А. Баллаева, О.А. Воронина, Л.Г. Луныкова. М., 2006. С. 82.

Демографическое старение в России отличается от данного процесса в развитых странах. Основные различия заключаются в следующем:

- в России сложилась значительная демографическая гендерная асимметрия, достигающая максимума в пожилых когортах;
- старение населения происходит на фоне длительного периода сокращения как ожидаемой продолжительности жизни населения, так и сроков дожития мужчин и женщин старших возрастов;
- в период 90-х годов XX века в России начала складываться более ранняя «десоциализация» рабочей силы, в условиях которой не только пенсионеры, но и значительная часть трудоспособного населения (начиная с 35–40 лет) зачастую не востребованы на рынке труда;
- соотношение долей пожилых россиян «третьего» и «четвертого» возрастов неблагоприятно⁵⁷;
- отсутствует система социальных институтов, способствующих эффективной самореализации и включенности россиян пенсионных возрастов в социально-экономические процессы;
- изменение социальных стереотипов не в полной мере направлено на реализацию Принципов Организации Объединенных Наций в отношении пожилых людей, связанных с созданием благоприятных условий жизнедеятельности, большей свободой выбора стиля социального поведения, широкими возможностями реализации внутреннего потенциала этой социально-демографической группы.

Численность женщин в России, по результатам переписи населения 2002 г., выше численности мужчин на 10 миллионов. Гендерная асимметрия наиболее сильна в старших возрастных когортах (табл. 3.5).

Бесспорным остается вывод о том, что у «российской старости женское лицо». Любые решения, затрагивающие пожилых людей, в связи с демографической асимметрией, естественно, касаются большего числа женщин. Возможность дожить до пожилого возраста у россиян значительно ниже, чем в других странах. Вероятность, существующая при рождении у когорты 2000–2005 гг.,

⁵⁷ «Третьему возрасту» соответствуют «the Young Old» – это «молодые старики». Они отличаются хорошим здоровьем, высоким образовательным уровнем, устойчиво благополучным уровнем материальной обеспеченности, их образ жизни не соответствует стереотипным социальным ролям стариков; «четвертый возраст» или «the Old Old» – это традиционный немощный, требующий ухода старый человек.

**Состав населения старше трудоспособного возраста по полу по результатам
Всероссийской переписи населения 2002 г.**

Возраст, лет	Мужчины и женщины, тыс. чел.	Мужчины, тыс. чел.	Женщины, тыс. чел.	Превышение численности женщин, тыс. чел.
55–59	5347	2366	2981	615
60–64	7983	3251	4732	1481
65–69	6344	2444	3900	1456
70–74	5898	2034	3864	1830
75–79	3911	1036	2875	1839
80–84	1570	330	1240	910
85 и более	1091	186	905	719
Итого	32 144	11 647	20 497	8850

Рассчитано по: Основные итоги Всероссийской переписи населения» 2002 года / Госкомстат России КРОС. С. 10.

дожить до 65 лет в России составляет для женщин 78,0%, для мужчин – 48,4%; в то время как в Норвегии этот показатель равен для женщин 90,8%, для мужчин – 83,5%; в США соответственно – 86,4 и 78,1%; в Японии – 93,0 и 85,0%; в Китае – 81,3 и 72,7%⁵⁸. Разница между видовой (биологической)⁵⁹ и ожидаемой продолжительностью жизни в 2001 г. в России была равна 20–25 годам для обоих полов. В Японии ожидаемая продолжительность жизни в этот период составила 81 год, в Италии – 80 лет, Великобритании – 78 лет, в США – 77 лет. Средний показатель по населению мира – 67 лет⁶⁰.

Негативной особенностью старения населения России в последнее десятилетие XX в. была ухудшившаяся динамика среднего возраста умерших мужчин и женщин. В период трансформаций смертность выросла во всех возрастах, кроме детских и мужских когорт старше 85 лет. Сформировался профиль сверхсмертности в трудоспособных возрастах. Тенденции смертности были неодинаковыми для различных социально-демографических групп. По-

⁵⁸ Доклад о развитии человека. Культурная свобода в современном многообразном мире. М.: Весь Мир, 2004. С. 190–193.

⁵⁹ Биологическая продолжительность жизни женщин равна 88 годам, а мужчин – 85. См.: *Урланис.Б.Ц.* Эволюция продолжительности жизни. М.: Статистика, 1978. С. 257.

⁶⁰ Население и общество: информационный бюллетень центра демографии и экологии человека института народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2003. № 74.

старение населения связано не только с увеличением доли пожилых (по календарному возрасту), но и со снижением потенциала здоровья людей, формально не относящихся к старшим возрастным когортам (биологическим старением), ухудшением качественных характеристик населения⁶¹. Это в значительной степени связано с изменением социального статуса, бедностью, состоянием психологического стресса населения страны в период рыночных трансформаций.

В 2001 г. экспертами ВОЗ было проведено одно из первых исследований по ожидаемой продолжительности здоровой жизни мирового населения. Из 191 страны по этому показателю Россия заняла 107-е место. Так, в возрасте 65 лет мужчины в нашей стране располагают 8,5, а женщины – 12,7 годами ожидаемой здоровой жизни. Разрыв между Японией (лидером по данному показателю) для российских мужчин в указанном возрасте составляет 9,2 года, для женщин – 8 лет. А. Левинсон отмечает, что «новая социально-экономическая среда привела к необычно ранней десоциализации. Начиная с 90-х работодатель пишет в объявлениях о приеме на работу: “Вниманию лиц до 35 лет...”. Основным аргументом тех, кто выражает возмущение такой позицией работодателя, оказывается противопоставление самочинно установленного предпринимателями барьера в 35–40 лет барьеру “государственному” – пенсионному возрасту. Более раннее возрастное ограничение воспринимается как недопустимое, выдуманное, а второе – как “нормальное”»⁶². Это наглядно показывает социальную (а не биологическую) природу старости, понимаемой как *общественная невосприимчивость* человека; кроме того, в категорию старых или молодых людей индивид может отнести себя сам, приняв или отвергнув мнение социального окружения. Согласно социологическим опросам, большинство россиян считает, что старость начинается именно в возрасте 40 лет. «Применительно к более ранним возрастам практически никому (1%) не приходит в голову говорить о старости. Начиная с сорока, уже поговаривают (9%), чаще других – люди без специального образования (11%), женщины, у которых есть дети (11%), но нет мужа. Их доходы невысоки, они живут в небольших городах (13%), их участь им представляется невеселой. А невеселую участь они зовут “старостью”»⁶³. Вместе

⁶¹ Крутько В.Н., Смирнова Т.М. Анализ тенденций смертности и продолжительности жизни населения России в конце XX века. М.: УРСС, 2002. С. 18–20.

⁶² Левинсон А. Старость как институт // Отечественные записки. 2005. № 3. С. 4–15.

⁶³ Орлова И.Б. Демографическое благополучие России. М., 2001.

Ответы на вопрос: «Приходилось ли Вам сталкиваться с дискриминацией при приеме на работу?»*

Вид дискриминации	Опрошено, чел.	% от числа респондентов
По возрасту	276	42
По полу	96	15
По национальности	27	4
По месту проживания	87	13
По гражданству	35	5
Не сталкивался	132	20

* Источник: <http://www.rb.ru/>

с тем в третьей главе Трудового кодекса подчеркнуто, что «каждый имеет равные возможности для реализации своих трудовых прав. Никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах независимо от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, политических убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям, а также от других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника». Дискриминация – один из самых опасных нарушений прав человека. Вместе с тем в российской действительности люди, в том числе пожилые мужчины и женщины, постоянно сталкиваются с этим явлением (табл. 3.6).

**Повышать ли пенсионный возраст
(гендерный аспект)?**

В России постоянно поднимается вопрос о повышении возраста выхода на пенсию. Такое решение проблемы с середины 90-х годов прошлого века обосновывается экономическими сложностями пенсионного обеспечения пожилых людей. Первоначально речь шла о повышении пенсионного «порога», как для мужчин, так и для женщин. В настоящее время в первую очередь обсуждается вопрос о возрасте выхода на пенсию женщин в нашей стране. Главные аргументы – более высокая продолжительность их жизни, финансовые проблемы пенсионной системы, а также ущемление равенства прав женщин. *Один из основных гендерных стереотипов, затрагивающих социальные права пожилых женщин, состоит в утверждении: «В России следует увеличить*

возраст выхода женщин на пенсию». Носителями этого утверждения являются представители элиты, которые рассматривают пожилых граждан страны как «ненужную нагрузку», основную часть этого «балласта» составляют россиянки. Некоторые эксперты считают полезным поднять пенсионный возраст женщин до 60 лет⁶⁴. Чтобы минимизировать сопряженные с этим социальные и экономические издержки, предполагается охватить этой реформой лишь тех, чей возраст в настоящее время не превышает 40–45 лет.

Однако пенсионная реформа может проводиться только с учетом состояния жизненного потенциала россиян. Анализируя особенности, механизмы и детерминанты динамики смертности российского населения на современном этапе эпидемиологического перехода, ученые отмечают, что к концу XX в. негативные процессы, появившиеся уже в подростковой популяции, в полной мере сложились для населения младших трудоспособных возрастов. У лиц 20–39 лет, во-первых, ускорились негативные процессы доперестроечного периода, во-вторых, четко проявились гендерные диспропорции – негативные процессы значительно сильнее затронули женскую популяцию, в-третьих, динамика смертности по социально обусловленным причинам ухудшилась. В период с 1965 по 2002 г. произошла качественная деформация картины смертности при сохранении тех же масштабов потерь населения старших трудоспособных возрастов (40–59 лет). Главная особенность – это деградация нозологической структуры смертности и ее гендерные диспропорции. Если рост мужской смертности в возрасте 40–59 лет существенно замедлился (в 1965–1984 гг. среднегодовые темпы роста составляли 2,3%, в 1984–2002 гг. – 1,9%), то в женской популяции негативные процессы пошли более интенсивно (до 1984 г. общая смертность женщин 40–59 лет росла на 1% в год, после 1984 г. – на 1,4% в год). Исследуя изменения смертности в самой старшей возрастной группе (60 лет и старше), нужно помнить, что это – завершающий этап жизненного цикла. Весь рост смертности лиц пожилого возраста после перестройки был обусловлен травмами и отравлениями (рост на 48,4% и 23,6% соответственно), болезнями органов пищеварения (на 8,3 и 20,9%) и неточно обозначенными состояниями (рост в 17 и 34,6 раза, против 15,2 и 21,3-кратного снижения советского периода). Гигантский рост смертности от неточно обозначенных состояний в значительной мере связан с тем, что анализ причин

⁶⁴ См.: Синявская О. Как повышать пенсионный возраст в России // Отечественные записки. 2005. № 3. С. 211.

**Прогноз продолжительности жизни населения России при сохранении
сложившихся трендов смертности, лет**

Население	2003 г., фак- тический уровень	2005 г., прогноз	2010 г., прогноз	2015 г., прогноз	2020 г., прогноз	2025 г., прогноз	Прирост (со- кращение) за 2003–2025 гг.
Мужчины	58,8	58,2	56,7	54,9	53,1	51,5	–7,3
Женщины	71,9	71,4	70,1	68,5	66,8	65,4	–6,5

Источник: Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Кузнецов В.Н., Рыбаковский Л.Л., Рязанцев С.В. Стратегия демографического развития России М.: ЦСП, 2005. С. 69.

смертности мужчин и женщин старших возрастных когорт воспринимается как не заслуживающий внимания, не имеющий общественного значения. Была выдвинута гипотеза о том, что основные причины роста смертности до 1984 г. и после связаны с принципиально разными факторами: до 1984 г. они сводились к традиционным поведенческим факторам риска, после 1984 г. они стали вторичными, на первый план вышли социальные факторы. Показано, что, с одной стороны, женский организм более устойчив, среди россиянок более широко распространены практики самосохранительного поведения, с другой стороны, женщины являются группой социально уязвимой⁶⁵. Сделан вывод о том, что в период российских реформ начал формироваться феномен ухудшающейся динамики женской смертности, связанный с более неблагоприятными тенденциями, захватывающими преимущественно молодые возрастные группы, за счет опережающего роста смертности от экзогенных причин. Эти тенденции говорят о возможном сокращении в ближайшей перспективе разрыва в продолжительности жизни мужчин и женщин по самому неблагоприятному сценарию: за счет роста смертности в женских когортах.

Сокращение демографической асимметрии в старших возрастах может происходить по худшему из возможных сценариев – из-за уменьшения продолжительности жизни женщин. Если демографические процессы будут иметь такой вектор, в России у «старости не будет никакого лица», так как пожилого возраста достигнут единицы избранных. Вызов демографического старения населения, которого так боятся в нашей стране, связывая его со значительным ростом демографической нагрузки на трудоспособных, заключается в иной проблеме. Оба пола оказываются

⁶⁵ Семенова В.Г. Обратный эпидемиологический переход в России. М.: ЦСП, 2005. С. 211–226.

перед угрозой не достигнуть старости, что связано со сверхсмертностью мужчин трудоспособных возрастов и негативной динамикой смертности женских когорт. В настоящее время этот риск из личной проблемы переходит в социальную плоскость (табл. 3.7).

Гендер и качество жизни в пожилом возрасте

Повышение ожидаемой продолжительности жизни для населения в целом, а для старших возрастных когорт в особенности, непосредственно связано с уровнем и качеством жизни. При этом определяющим в условиях рынка выступает объем ресурсов, в том числе материальных, которым обладает индивид на завершающей стадии жизненного цикла. Последствия старения населения, носящие глобальный и долговременный характер, порождают острые проблемы для всех стран и одновременно открывают большие возможности. Опираясь на результаты ряда зарубежных исследований, ученые отмечают, что представители старшего поколения будут обладать высокой профессиональной и образовательной подготовкой, станут, скорее всего, более здоровыми людьми, чем поколения их родителей. Уже сейчас в странах Западной Европы наблюдается такой феномен, как «молодые старики». Суть его заключается в том, что людей, достигших 65 лет (возраста, который до последнего времени официально считался началом старости), ни внешне, ни по каким-либо иным критериям, в том числе по состоянию здоровья, нельзя отнести к числу стариков⁶⁶. Традиционный образ «немогущего старика» относится к группе «старых стариков», большая часть которых из-за проблем со здоровьем постоянно нуждается в функциональной поддержке и отходит от общественных дел. В интерпретации Питера Ласлетта⁶⁷ «третий возраст» – это продукт успешного экономического и демографического развития, щедрой социальной политики. Выделение «третьего возраста» означает появление новой стадии в жизненном цикле человека, в дополнение к традиционной классификации «детство–взрослость–старость». В схеме П. Ласлетта старость – «четвертый возраст». «Возрастной слой “молодых стариков” в большинстве стран начал формироваться в 1940-х–1960-х годах. О наличии в стране третьего возрастного

⁶⁶ Бахметова Г.Ш. Современные проблемы старения населения в Европейских странах // Демографические и социальные аспекты старения населения. Вторые Валентеевские чтения. Кн. 1. М.: Диалог МГУ, 1999.

⁶⁷ Aging in the Past Demography, Society, and Old Age / ed. by D. Kertzer, P. Laslett. Berkeley, 1995.

слоя можно говорить только в том случае, если выполняются два демографических условия: во-первых, вероятность дожития мужчин от 25 до 70 лет превышает 0,5; во-вторых, возрастная группа от 60 лет и старше составляет, как минимум, 25% в общей численности населения от 25 лет и старше»⁶⁸. В России, других странах Восточной Европы и тем более в развивающихся странах с короткой продолжительностью жизни слой людей «третьего возраста», или «молодых стариков», со всеми вытекающими отсюда последствиями для политики в области социального обеспечения и увеличения пенсионного возраста еще не сформировался. Так, вероятность дожития от 25 до 70 лет у российских мужчин в начале XXI в. составляет около 0,35. Подобное значение наблюдалось у мужчин в странах Северной и Западной Европы уже во второй половине XIX в.

В современном мире нижняя граница старости формально определяется законодательно установленным пенсионным возрастом. Однако в результате существенного увеличения продолжительности жизни и улучшения состояния здоровья в развитых странах многие пожилые люди, или так называемые молодые старики, не вписываются в сложившиеся рамки стереотипов восприятия стариков и являются заложниками приписываемых им возрастных ролей. Существующие предрассудки и законодательные акты часто не позволяют пожилым людям заниматься привлекательной для них трудовой или общественной деятельностью и тем самым препятствуют достижению ими более высокого качества жизни⁶⁹. В России слой населения «the Young Old» действительно полностью не сформировался, но говорить о его отсутствии вообще неправомерно. По результатам исследований ИСЭПН РАН⁷⁰ до 18% пожилых горожан обладают ресурсным потенциалом, что позволяет отнести их к «третьему возрасту». Это пока немногочисленное, но уже демографически значимое поколение пожилых людей в России. И они так же, как и их зарубежные сверстники, испытывают на себе влияние гендерных и эйджистских стереотипов, оставаясь людьми «на краю». Иными словами, они вытеснены за рамки полноценной жизни, в определенной степени это вытеснение может характеризоваться как социальная смерть: физически человек жив, но для социума он уже умер. Р. Батлер, директор Национального института старения

⁶⁸ Денисенко М. Тихая революция // Отечественные записки. 2005. № 3.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Доброхлеб В.Г. Ресурсный потенциал и занятость пожилых людей в современной России. Ярославль: Лад, 2004.

США, предложил использовать в научном обороте термин «эйджизм», которым обозначил предубеждение против пожилых людей⁷¹. Этот термин обозначает дискриминацию людей по возрастному признаку.

Эйджистские и гендерные стереотипы

Представление о «социальном расписании» складывается под сильным воздействием возрастных норм. «Главная трудность состоит в том, что пожилым людям приходится бороться с множеством навязываемых им стереотипов поведения якобы соответствующих их возрасту. Опасность стереотипов связана с тем, что люди часто воспринимают их как пророчества, сбывающиеся независимо от их воли»⁷². Эйджистские и гендерные стереотипы затрагивают различные стороны жизнедеятельности пожилых мужчин и женщин. Назовем некоторые из них:

- возраст выхода на пенсию следует повысить;
- старый работник неэффективен;
- пожилые трудящиеся занимают на рынке труда места молодежи;
- старого учить, что мертвого лечить;
- пенсионеры всегда бедные;
- пожилые женщины некрасивы;
- расходы пожилых людей должны быть минимальны;
- старшие возрастные группы наиболее консервативны, утрачивают инновационный потенциал;
- старшее поколение в рыночной экономике – это «нагрузка» на общество.

Один из основных социальных стереотипов в сфере занятости связан с тем, что пожилые работники считаются неэффективными. Носителями этого стереотипа выступают работодатели, а также определенная доля пожилого населения. Важно подчеркнуть, что пожилые женщины испытывают большие проблемы при трудоустройстве, чем мужчины того же возраста. Динамика экономической активности пожилого населения достаточно тесно связана с ситуацией в экономике: четко видна взаимосвязь дефолта 1998 г. и падения экономической активности населения, затем – подъем, связанный с ростом темпов экономического развития (табл. 3.8). Экономическая активность пожилых мужчин превышает этот показатель у женщин. Исключение составляет

⁷¹ Butler R. «Age-ism». Another form of bigotry // Gerontologist. 1969. N 9.

⁷² Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1998. С. 370.

**Возрастная группа 60–72 года в структуре экономически активного населения
России (в %)**

Период обследования	Отношение численности экономически активных пожилых в возрасте 60–72 года к общей численности экономически активного населения	В том числе в возрасте 60–72 года	
		мужчины	женщины
март 1995 г.	2,8	3,0	2,5
октябрь 1995 г.	2,9	3,1	2,6
март 1996 г.	2,7	3,0	2,3
октябрь 1997 г.	2,6	2,8	2,4
октябрь 1998 г.	2,4	2,7	2,1
май 1999 г.	4,6	4,5	4,8
май 2000 г.	5,1	5,2	4,9
май 2001 г.	4,4	4,5	4,4
май 2002 г.	4,4	4,5	4,3

Источник: Обследование населения по проблемам занятости. Май 2002. М.: Госкомстат России. С. 72 (объем выборки 64–65 тыс. чел.).

1999 г. (следующий за дефолтом), повлекший ухудшение обеспеченности населения в целом и пожилого населения в частности. Вероятно, это привело к тому, что пожилые женщины вынуждены были более активно включиться в сферу занятости. Абсолютная величина экономически активного населения характеризует совокупное предложение труда в экономике на данный момент времени. В странах ЕС удельный вес работающих пенсионеров после 65 лет колеблется в значительных пределах – от 2,5 до 14,5%. Минимальная занятость пожилых характерна для Нидерландов и Австрии⁷³. По данным Европейской комиссии (2003), большинство пожилых людей в ЕС – женщины. Они составляют около 60% лиц старше 65 лет и почти 2/3 75-летних. Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 60 лет также высока, следовательно, примерно треть своего жизненного цикла мужчины и женщины проведут на пенсии⁷⁴.

Потенциал пожилых людей – это определенная база для дальнейшего развития, поскольку у общества в результате по-

⁷³ Осколкова О.Б. Старение населения в странах Европейского Союза: проблемы и суждения. М.: Диалог МГУ, 1999. С. 16.

⁷⁴ Баллаева Е.А. Обзор гендерных проблем в пенсионных системах различных стран мира // Гендерные аспекты пенсионной системы республики Молдова. Кишинев, 2007.

Уровень экономической активности населения в возрасте 60–72 лет (в %)

Период	Всего	Мужчин	Женщин
Февраль 2001	15,7	21,8	11,8
Февраль 2002	15,9	22,8	11,4
Февраль 2003	15,9	21,5	12,3
Февраль 2004	16,2	22,2	12,4

Источник: Обследование населения по проблемам занятости. Февраль 2004 г. М.: Федеральная служба госстатистики. 2004. С. 39.

являются дополнительные ресурсы, а у пожилых людей – возможность самореализации. Важно, чтобы в результате принятия управленческих решений акцент делался не на увеличении возраста выхода граждан России на пенсию. Необходимо учитывать мотивацию пожилых людей, связанную с желанием работать и созданием условий для возможного применения их потенциала. Такая постановка проблемы в полной мере соответствует Принципам ООН в отношении пожилых людей, которые были приняты 16 декабря 1991 г. В резолюции Генеральной Ассамблеи сказано, что пожилые люди должны иметь возможность работать или заниматься другими видами деятельности, приносящей доход, участвовать в определении сроков и форм прекращения трудовой деятельности, а также в соответствующих программах образования и профессиональной подготовки для всесторонней реализации своего потенциала (п. 15)⁷⁵.

Уровень занятости пенсионеров – не постоянная во времени величина, она колеблется в достаточно широких пределах. Пожилые люди составляют незначительную часть населения в числе ищущих работу через службы занятости. Среднее время поиска работы безработными мужчинами в возрасте 60 и более лет в 2004 г. составило 8,8 месяца, их безработные ровесницы занимались поиском рабочего места 9,7 месяцев⁷⁶. Вместе с тем в начале 2004 г. на рынке труда было занято 2798 тыс. чел. в возрасте 60 лет и старше, в том числе 1477 тыс. мужчин и 1321 тыс. женщин (табл. 3.9)⁷⁷. В стране сложилась ситуация,

⁷⁵ Возраст мудрости – возраст созидания / авт.-сост. Э. Чугунова, Л. Бирюкова. ПРООН, 1999. С. 6–7.

⁷⁶ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2005. М.: Росстат, 2005. С. 101.

⁷⁷ Обследование населения по проблемам занятости. Май 2002. М.: Госкомстат России, 2002. С. 35–39, 72.

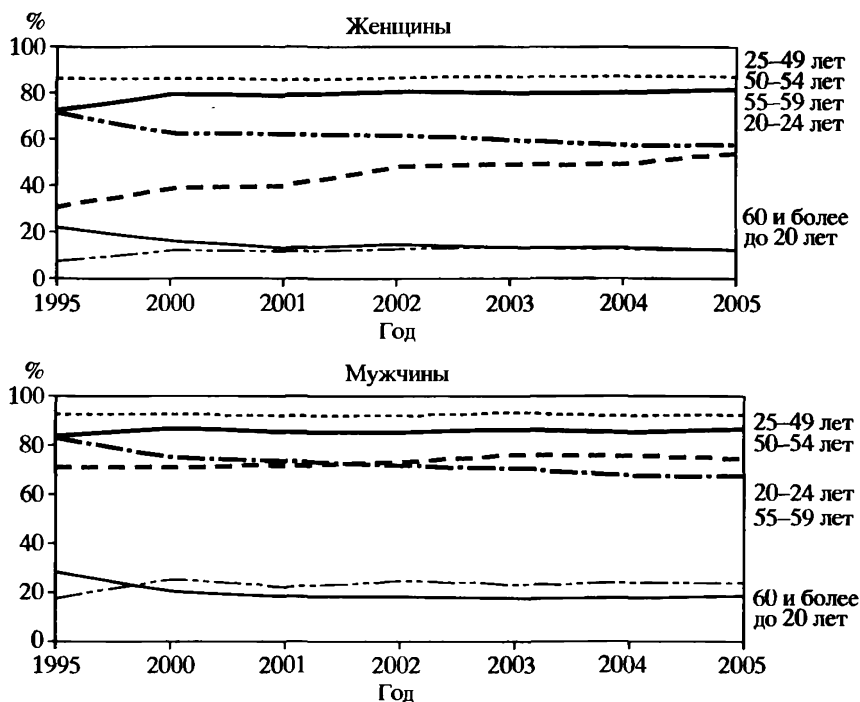

Рис. 3.1. Уровень экономической активности женщин и мужчин по возрастным группам.

Источник: Женщины и мужчины России. М.: Росстат, 2006. С. 99

при которой по численности пожилых женщин больше, а их экономическая активность ниже, чем у их сверстников (рис. 3.1).

Причины гендерной асимметрии занятости в пожилом возрасте

Занятость в пожилом возрасте тесно связана с уровнем образования людей. От половины до $\frac{2}{3}$ работающих пенсионеров имеют специальное профессиональное образование. Из данных Всероссийской переписи населения 2002 г. видно: чем выше уровень профессионального образования, тем больше пожилых россиян остаются востребованными в экономической сфере. Это характерно как для мужчин, так и для женщин (табл. 3.10).

Как видно из табл. 3.11, для специалистов старших возрастов характерны следующие тенденции:

**Занятые в экономической сфере со специальным профессиональным образованием в возрасте 60 лет и старше по полу
(в % к занятым в данной когорте)**

Возраст, пол	Занято в экономической сфере	Возраст, пол	Занято в экономической сфере
60–64 года		70 лет и старше	
мужчины	63,7	мужчины	64,4
женщины	67,0	женщины	53,5
65–69 лет			
мужчины	67,1		
женщины	64,2		

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. Т. 3. Кн. 1. Образование. С. 6, 8, 948–951.

Таблица 3.11

Занятые в экономической сфере в зависимости от уровня профессиональной подготовки в возрасте 60 лет и старше (в % к общему числу лиц, имеющих данный уровень образования, по возрасту и полу)

Возраст, пол	Послеу- зовское	Высшее	Незакончен- ное высшее	Среднее специальное
60–64 года				
мужчины	66,9	45,2	30,8	28,1
женщины	47,3	29,2	17,3	15,9
65–69 лет				
мужчины	56,9	30,7	18,4	15,4
женщины	34,4	17,0	9,0	8,1
70 лет и старше				
мужчины	32,9	10,9	5,1	4,4
женщины	15,2	4,7	1,9	1,7

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. Т. 3. Кн. 1. Образование. С. 6, 8, 948–951.

- по мере старения снижается доля занятых пожилых работников (как мужчин, так и женщин), независимо от уровня профессиональной подготовки;

- специалисты с более высоким уровнем подготовки больше представлены среди занятых по всем возрастным когортам старше 60 лет;

- доля специалистов-женщин во всех старших возрастных когортах, занятых в экономической сфере, ниже доли мужчин, имеющих тот же уровень подготовки;

• среди пожилых женщин зависимость доли занятых от уровня профессиональной подготовки более значительна, чем для мужчин.

Например, в возрасте до 65 лет доля работающих женщин, имеющих послевузовское образование (по отношению к общему числу женщин данного уровня подготовки), в 2,9 раза превышает этот показатель для женщин, у которых есть лишь среднее профессиональное образование. У мужчин с различной профессиональной подготовкой этот разрыв – 2,3. Однако особое внимание обращает на себя разница занятости специалистов по полу при одинаковом уровне образования. Например, в возрасте от 60 до 64 лет доли занятых специалистов-мужчин выше на 29,3–43,9%, чем женщин. Вместе с этим следует отметить: при более высоком уровне образования разрыв, как правило, меньше. Результаты исследований ИСЭПН РАН выявили, что плохое состояние здоровья в 3 раза чаще является причиной прекращения занятости, чем структурные изменения: ликвидация предприятий, сокращение и т.д. С одной стороны, это говорит о медленной реструктуризации экономической сферы, а с другой – о проблемах, связанных с ухудшением здоровья. Вопрос уровня сохранения потенциала здоровья к пенсионному возрасту является основным, так как во многом определяет возможности продолжить трудовую деятельность. В ходе опросов пенсионеров в 2003 г. 70% респондентов ответили, что у них есть заболевания, существенно ограничивающие их жизнедеятельность и работоспособность (табл. 3.12). По всем возрастным когортам (кроме 60–63 лет) женщины

Таблица 3.12

Распределение ответов на вопрос: «Имеются ли у Вас какие-либо заболевания, существенно ограничивающие Вашу трудоспособность и жизнедеятельность?» (в %)*

Вариант ответа	60–63		64–67		68–72		>72	
	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.
Да	60,3	64,0	77,3	61,8	66,7	58,6	81,7	74,4
Нет	39,7	36,0	22,7	38,2	33,3	41,4	18,3	25,6
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

* Использованы результаты опроса, выполненного В.Г. Доброхлеб в рамках исследовательского проекта «Занятость пожилых людей в изменяющейся России: проблемы, права, возможности» (грант Фонда Дж. и К. МакАртуров, 2003–2004 гг.).

Распределение ответов на вопрос: «Укажите свои причины прекращения работы» (в %)*

Вариант ответа	Мужчины	Женщины	Всего
Достижение пенсионного возраста	69,7	67,9	68,5
Желание отдохнуть	2,6	5,4	4,6
Ухудшение здоровья	14,5	13,6	13,8
Сокращение штатов	6,6	7,6	7,3
Ликвидация предприятия	1,3	0,5	0,8
Отсутствие подходящей работы	1,3	1,6	1,5
Рождение внука (внучки)	—	2,2	1,5
Другое	3,9	1,1	1,9

* Использованы результаты опроса, выполненного в рамках исследовательского проекта «Старшее поколение как фактор формирования гражданского общества и экономического развития России», 2002 год (Н.М. Римащевская, В.Г. Доброхлеб).

имеют большие ограничения трудоспособности, чем мужчины. Это может быть причиной более низкой мотивации пожилых женщин для участия в общественно-организованном труде.

В процессе исследований было выявлено, что в связи с появлением внуков только женщины уходят из сферы занятости. Это характеризует гендерную асимметрию в области репродуктивного труда. Женщины составляют более значительную группу среди пожилых и старых людей, однако у них уровень относительной трудоспособности в пенсионном возрасте ниже, чем у мужчин, и они имеют больше обязанностей в семейной сфере. Причины, по которым пожилые мужчины и женщин оставляют сферу занятости, различаются незначительно (табл. 3.13).

При сравнении ответов пожилых мужчин и женщин на вопрос о причинах прекращения занятости можно заметить, что:

- ухудшение здоровья является следующей после достижения пенсионного возраста причиной прекращения работы у обоих полов;
- несмотря на распространенное мнение о том, что женщин значительно чаще увольняют по сокращению штатов, этот разрыв невелик, чаще на 0,3%;
- мужчины почти в 3 раза чаще прекращают работу в связи с ликвидацией предприятия, чем женщины;
- в связи с уходом за внуками работу прекращают только женщины, но их доля незначительна, феномен «русской бабушки» исчезает.

В пожилом возрасте социальные стратегии мужчин и женщин различны. Определенную роль в их выборе играет участие в различных общественных организациях. Например, позиции женщин, являющихся активистами общественной ветеранской организации (члены правления Ассоциации пенсионеров г. Владимира), и позиции тех, кто не принимает активного участия в общественной деятельности, в отношении прекращения трудовой деятельности расходятся. Достижение пенсионного возраста реже выступает причиной прекращения работы, желание отдохнуть и рождение внуков – не мотив ухода из сферы занятости для общественно активных пожилых женщин. Среди бедных пожилых в период трансформаций больше женщин⁷⁸. Значительное число женщин на завершающей стадии жизненного цикла не имеет семьи. Одинокие женщины 60 лет и старше составляют 67,6% среди ищущих работу через службы занятости⁷⁹.

В России пожилые люди могут участвовать в общественно-организованном труде при соблюдении двух условий: во-первых, если ресурсы пожилых людей (здоровья, образовательно-квалификационный и мотивационный ресурс) будут сохраняться к пенсионному возрасту; во-вторых, для того, чтобы старшие когорты могли активно участвовать в сфере занятости, нужны институциональные изменения, направленные на поддержание потенциала пожилых людей. При невысоком уровне остаточной трудоспособности и отсутствии возможностей для пополнения устаревших знаний и навыков значительная доля пожилых россиян не имеет возможности включиться в рынок труда. Более 72% респондентов не стремятся найти работу, среди них преобладают женщины. Однако почти каждый третий пенсионер хочет продолжать работу. Выявлено, что 24% пожилых респондентов желают оказывать помощь ближайшему окружению: жителям своего подъезда, дома, района. В завершающей стадии жизненного цикла (в возрасте 60 лет и старше) 70% россиян имеют низкий уровень остаточной трудоспособности. Сохраняется гендерная асимметрия в сфере занятости: как по уровню мотивации, так и по фактической занятости среди работающих пожилых преобладают мужчины. Вместе с тем при сравнении абсолютных данных среди занятых пожилых работников число мужчин незначительно превышает число женщин.

⁷⁸ Мужчины и женщины России. 2004. М.: Росстат, 2004. С. 149.

⁷⁹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2005. М.: Росстат, 2005. С. 128–129.

Ведущей мотивацией занятости в пожилом возрасте является стремление улучшить свое материальное положение. Это главный мотив продолжать работать для 46,7%. Женщины чаще мужчин идут на работу по этой причине. Вместе с тем для 20,9% важен хороший коллектив, для 14,5% – «режим труда», для 13,7% – интересная работа и лишь менее чем для 1% (0,8%) – перспектива профессионального роста. Опрос 2003 г., проведенный в типичном областном российском городе (г. Владимир), показал, что доходы работающих пенсионеров невысоки. С учетом пенсии и заработка $\frac{2}{3}$ имели доход от 2 до 5 тыс. руб. в месяц (от 70 до 150 долл.). В этой доходной группе представлено 63,6% работающих пожилых мужчин и 65,9% пожилых работающих женщин. Доходы работающих женщин ниже доходов мужчин. Доходы от 1 до 2 тыс. рублей (от 30 до 70 долл.) в месяц получали 3,6% занятых пожилых мужчин и 27,6% женщин. В группе с доходом от 5 до 10 тыс. рублей в месяц (150–300 долл.) представлено 27,6% мужчин и 6,3% женщин. Только один работающий пожилый мужчина имел месячный доход, превышающий 10 тыс. рублей (свыше 300 долл.). Иной критерий, определяющий возраст выхода на пенсию, – работоспособность пожилых лиц⁸⁰. В России в 60–64 лет 64,0% мужчин и 60,3% женщин имеют заболевания, существенно ограничивающие их жизнедеятельность и работоспособность. И это подтверждает гипотезу о том, что значительная часть пожилых россиян к 60 году утрачивает ресурсный потенциал.

Привлечение старшего поколения России к участию в активной экономике необходимо проводить с учетом мотиваций пожилых людей на продолжение работы и при создании им приемлемых условий труда. При сравнении распределения ответов на вопрос об условиях, при которых продолжили бы работу пожилые мужчины и пожилые женщины, выявляется ряд различий. Основное из них состоит в том, что среди женщин на 12,9% больше тех, кто не будет работать ни при каких условиях. По результатам исследования гендерные аспекты условий возможной занятости пожилых различны. Женщины предпочитают работу на дому (разница в 5,8%), мужчины – сокращенный рабочий день (разница 2%) и работу рядом с домом (разница 7,3%). Существенные различия выявлены в мотивациях женщин с разной общественной активностью. По результатам обследований в г. Владимире женщин, участвующих в работе

⁸⁰ Конвенции и резолюции, принятые Конференцией Труда 1919–1957, 1957–1990. Т. 2. Женева: МБТ, 1990. С. 1062.

ветеранских организаций, на 16,8% меньше среди тех, кто не будет работать ни при каких условиях. Показатели этой группы близки к соответствующим показателям у мужчин. Разница между мужчинами и женщинами (по общей выборке) среди тех, кто ни при каких условиях не будет работать, составляет 12,9%. В то же время соотношение между мужчинами и женщинами-активистками сокращается до 3,9%.

Среди пенсионеров наиболее многочисленную группу (до 80%) составляют не работающие в экономической сфере, основная часть которой – пожилые женщины. Однако отметим, что их социальное время в основном тратится на инструментальную, а в ряде случаев и материальную поддержку молодых членов семьи как трудоспособных, так и детей. Иными словами, пожилые люди с сохранным потенциалом, не участвующие в сфере занятости, тем не менее не представляют «нагрузки» на социум, так как вносят вклад в репродуктивные функции семьи. Свободное время неработающих пожилых людей с сохранным жизненным потенциалом – это в значительной степени невостребованный ресурс нашего общества. Таким образом, гендерная асимметрия в сфере занятости среди пожилых людей определяется:

- значительной демографической гендерной асимметрией (см. табл. 3.5);

- более низким потенциалом здоровья женщин в пожилом возрасте;

- связана с общественными стереотипами, которые не рассматривают пожилых работников, в первую очередь женщин, как эффективных участников экономической деятельности (многочисленные примеры можно видеть в объявлениях о найме персонала, которые широко применяют возрастную и гендерную дискриминацию, в условиях приема на работу женщин оговаривается требование предоставлять фотографии и сведения об антропометрических данных, например, при приеме на работу секретаря);

- отсутствуют устойчивые социальные институты, направленные на непрерывное образование в течение всего жизненного цикла человека, которые учитывают возможности старших возрастных групп;

- нет внятных направлений социальной политики по занятости пожилых мужчин и женщин (расширение их возможного участия в экономической сфере предлагается решить путем повышения возраста выхода на пенсию).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В СЕМЕЙНОЙ СФЕРЕ

В России, как и во многих развитых странах мира, семья как социокультурный институт претерпевает глубокие изменения, которые проявляются прежде всего в снижении числа браков, падении рождаемости и уменьшении детности семьи (вплоть до отказа от рождения детей), росте числа разводов и формировании семей раздельно живущих супругов, повышении числа незарегистрированных браков и доли внебрачных рождений, обуславливающих увеличение количества неполных семей, в участившихся случаях лишения отцов и матерей родительских прав. Среди российских ученых, политических и общественных деятелей и в обществе в целом сложились разноречивые оценки процесса трансформации семьи и брачно-семейных отношений. Одни в радикальных семейных изменениях усматривают кризис современной семьи (а некоторые даже опасность для существования семьи как института) и первопричину российской депопуляции⁸¹. В средствах массовой информации словосочетание «кризис семьи» используется как некий стереотип восприятия современных семейных проблем. Другие считают, что семья как социальный институт в России сохранилась, а ее современная структура обусловлена происходившими в стране на протяжении всего XX в. объективными процессами⁸².

Прежде чем определить, *какие стереотипы являются наиболее распространенными в современной российской семье*, необходимо понять, что такое «современная семья». До недавнего времени признавалось, что единственная легитимная форма образования патриархальной семьи и организации сексуальных отношений — юридически оформленный союз мужчины и женщины (в идеале единственный), создаваемый с целью рождения и воспитания детей. Но в этом случае в категорию семьи не попадают бездетные супруги, лица, состоящие в незарегистрированном браке и имею-

⁸¹ Борисов В.А. Деградация института семьи и пути ее преодоления // *Семья в России*. 1995. № 1–2. С. 69–73; Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М., 1996; *Семья! Это тебе и о тебе*. XVIII Международный конгресс семьи (апрель 1994, Варшава). М., 1996; Антонов А.И. Семья – какая она и куда движется // *Семья в России*. М., 1999. № 1–2. С. 30–40.

⁸² Волков А.Г. Почему изменилась российская семья // *Семья в России*. 1999. № 1–2. С. 40–53; Римашевская Н.М. Роль семьи в условиях социальных трансформаций // *Семья, гендер, культура* / отв. ред. В.А. Тишков. М., 1997. С. 114–119; *Голод С.И.* Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998; Вишневский А.Г. Демографическая модернизация России и ее противоречия // *Мир России*. 1999. № 4. С. 5–21; Волков А.Г. Эволюция российской семьи в XX веке // Там же. С. 47–57.

щие общих детей, одинокие родители с детьми и пр. В настоящий период трансформации функции семьи, радикального изменения гендерных и социальных ролей супругов, их ожиданий, связанных с браком и семейной жизнью, уместно говорить не о семье вообще, а о различных типах семей. В зависимости от «комплектности» родителей и их биологической или юридической связи с детьми, от генезиса формирования неполных семей, от образования семьи на основе договора и т.п. можно насчитать около десяти типов семей⁸³. В таком многообразии типов семей формируются различные поведенческие практики, нетрадиционные роли и нормы.

Считается, что существующие в России гендерные семейные стереотипы сформировались в лоне христианства и патриархальной культуры, а многие религиозные постулаты настолько вошли в сознание людей, что уже не ассоциируются с религией и церковью, а считаются некими основами отношений между мужчиной и женщиной/мужем и женой. Назовем наиболее устойчивые и распространенные: мужчина – глава семьи, кормилец и добытчик; женщина – мать, жена, хранительница очага, воспитатель детей; главное призвание женщины – быть хорошей матерью; статус незамужней женщины является в обществе отягчающим обстоятельством; жизнь женщины тогда полноценна, когда у нее есть дети; общество предосудительно относится к женщине, воспитывающей ребенка без мужа. Как видим, стереотипы в большей степени касаются роли женщин и связанных с ней формальных институциональных признаков.

На протяжении XIX в. на всей территории России (в ее нынешних границах) господствовала *ранняя и почти всеобщая брачность*. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. показала, что к 50 годам почти все женщины и мужчины состояли в браке, доля никогда не состоявших к этому возрасту в браке женщин не превышала 5%, мужчин – 4%. Средний возраст вступления в брак был у женщин 21,4 г., у мужчин – 24,2⁸⁴.

⁸³ См. подробнее: Гурко Т.А. Трансформация института семьи: постановка проблемы // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 95–99; Она же. Родительство: социологические аспекты. М., 2003. С. 15–19; Карцева Л.В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 93–94.

⁸⁴ См.: Захаров С.В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. Вып. 1. М., 2007. С. 76–79. Сборник подготовлен Независимым институтом социальной политики по материалам социально-демографического обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ) 2004 г.

Напомним, что с древнейших времен до 1722 г. браки в России регистрировались исключительно церковью (бракоспособный возраст также устанавливала церковь), затем до 1917 г. брачные отношения регулировались церковными и светскими нормами. Декрет «О гражданском браке» 1917 г. признал церковный брак недействительным и вместо него ввел государственную регистрацию брака в книги записи актов гражданского состояния. Началом советского брачного права стал Кодекс о браке, семье и опеке 1926 г., в котором нормы сексуального и брачного поведения были ориентированы на моногамный брак, добрачная связь и сожителство стали считаться аморальными и наказуемыми, развод – осуждаемым⁸⁵. Как отмечают авторы книги «Окно в русскую частную жизнь», в период советской власти семья находилась под строгим контролем государства. В течение более 80 лет в России пропагандировалась «идеальная, основанная на патриархате, советская семья», модель которой предполагала социализацию мужчин как героев, а женщин – как верных подруг, умеющих ждать, рожать, воспитывать детей и работать⁸⁶. Важно отметить, что главное требование, предъявлявшееся к традиционной семье, предполагало строгую последовательность: брачность–сексуальность–прокреация.

В XX в. российское общество и семья пережили колоссальные катаклизмы. Как отмечает С. Захаров⁸⁷, «можно было бы ожидать, что они приведут к изменению возрастной модели брачности, к повышению среднего возраста вступления в первый брак и более широкому распространению окончательного безбрачия. Между тем за 100 лет никаких видимых изменений в возрастных характеристиках вступления в первый брак для женщин не произошло» (табл. 3.14).

Правда, на 1930-е–1950-е годы (годы коллективизации, голода, репрессий, войны) приходится исторический максимум уровня окончательного безбрачия (7–10%) и повышение (до 24,7 лет) среднего возраста вступления в брак. В 1960–1980-х годах наблюдался процесс парадоксального омоложения браков, но уже к началу 1990-х возрастные характеристики первого брака вернулись

⁸⁵ Период с 1917 по 1926 год можно назвать периодом самого либерального по тем временам брачного законодательства. Подробнее см.: *Вовк Е.* Незарегистрированные интимные союзы: «разновидности» брака или «альтернативы» ему? // Социальная реальность. 2005. № 1.

⁸⁶ *Рымашевская Н., Ванной Д., Малышева М. и др.* Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 году. М., 1999.

⁸⁷ *Захаров С.В.* Возрастная модель брака // Отечественные записки. 2006. № 4 (31). С. 284–290.

**Характеристики среднего возраста вступления в первый брак
по таблицам брачности для реальных поколений
(Россия, женщины 1900–1974 годов рождения)**

Год рождения	Год достижения 20-летнего возраста	Средний возраст для вступающих в брак до 50 лет	Средний возраст для вступающих в брак до 30 лет	Медианный возраст*	Модальный возраст**
1900–1904	1920–1924	22,6	21,2	21,6	20
1905–1909	1925–1929	22,4	21,3	21,4	20
1910–1914	1930–1934	22,7	21,5	22,0	20
1915–1919	1935–1939	23,1	21,5	21,9	20
1920–1924	1940–1944	24,7	23,1	24,5	23
1925–1929	1945–1949	24,3	22,9	23,6	21
1930–1934	1950–1954	23,8	22,6	23,1	21
1935–1939	1955–1959	23,2	22,1	22,3	20
1940–1944	1960–1964	22,7	21,7	21,9	20
1945–1949	1965–1969	22,5	21,7	21,8	20
1950–1954	1970–1974	22,1	21,4	21,4	20
1955–1959	1975–1979	21,9	21,3	21,2	19
1960–1964	1980–1984	21,8	21,2	21,1	19
1965–1969	1985–1989		21,0	21,0	19
1970–1974	1990–1994			20,9	19

* Возраст, к которому половина женщин вступит в первый брак.
 ** Возраст, в котором наибольшее число женщин вступает в первый брак.
 Источник: Захаров С.В. Возрастная модель брака в России // Отечественные записки. 2006. № 4(31). С. 284–285.

в показателях конца XIX в.: более 30% девушек вступали в брак в возрасте до 20 лет, более 80% к 25 г.м хотя бы один раз выходили замуж. По данным микропереписи 1994 г. средний возраст вступления в первый брак мужчины – 24,5 лет, женщины – 21,8⁸⁸. В эти годы «возраст сексуального дебюта, возраст начала брачной жизни и возраст рождения первенца оказались сближенными до предела. Мечта традиционалистов о слитности сексуального, брачного и репродуктивного поведения была вновь воплощена»⁸⁹.

Но начиная с середины 1990-х годов происходит стремительная трансформация семейно-брачной модели. Преобладающим типом семьи сегодняшней России остается супружеская пара, в

⁸⁸ Подробнее см.: Захаров С.В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России. С. 75–126.

⁸⁹ Там же. С. 81.

основе которой лежит зарегистрированный брак. Но привычным явлением становятся *сожительство* разной продолжительности без заключения официальных отношений, «*гостевые браки*», когда партнеры поддерживают устойчивые связи, но живут порознь, и увеличение доли неполных («внебрачных») семей. За период с 1994 по 2002 год общая интенсивность заключения браков в возрастах до 25 лет снизилась для обоих полов в 2 раза: в 1989 г. в возрасте 20–24 г. на 1000 мужчин приходилось 595 чел., никогда не состоявших в браке, на 1000 женщин – 335 чел., а в 2002 г. – соответственно 736 и 526 чел.⁹⁰ Возраст вступления в брак и у мужчин, и у женщин повысился, причем «в авангарде процесса увеличения брачного возраста находятся мужчины и женщины с высшим образованием, жители столичных городов»⁹¹.

Расчеты по данным Всероссийской переписи 2002 г. показали, что среди россиян старше 16 лет к состоящим в браке себя относят 57%, к разведенным или разошедшимся – 9%, к вдовым – 11%; 11% от общего числа заявленных брачных союзов составляют незарегистрированные браки. По сравнению с переписью 1989 г. в 2002 г. снизилось количество зарегистрированных браков, а число лиц, никогда не состоявших в браке, увеличилось на 40%. В то же время за этот период (1989–2002) удвоилась доля детей, рожденных вне официального брака (30% от общего числа ежегодных рождений), но почти половина из них зарегистрированы по совместному заявлению родителей. Эти данные подтверждают распространенность незарегистрированных союзов, но «люди не называют такие отношения браком»⁹².

Результаты первой волны уникального социально-демографического обследования РиДМиЖ–2004 показывают «необязательность» брака как социальной нормы для рождения детей и то, что в настоящее время добрачные зачатия не стимулируют заключение брака. Так, в 2004 г. у матерей в возрасте до 20 лет доля внебрачных рождений в общем числе рождений составляла 47,3% (для сравнения: в 1990 г. – 20,2%, в 1980 г. – 18,7%)⁹³. Анализируя данные этого обследования, С. Захаров пришел к заключению, что, если оформление отношений не происходит к трем–пяти годам совместной жизни, шансы того, что брак в этом партнерском союзе будет когда-нибудь зарегистрирован, мини-

⁹⁰ Там же. С. 83.

⁹¹ Там же. С. 86.

⁹² См.: *Вовк Е.* Незарегистрированные интимные союзы: «разновидности» брака или «альтернативы» ему?

⁹³ См.: *Захаров С.В.* Трансформация брачно-партнерских отношений в России. С. 87.

мальные; «формальный союз ... не только откладывается на более поздний возраст у современных поколений, но и вытесняется устойчивыми сожительством»⁹⁴.

Для современных молодых людей патриархальная семья стала мало привлекательной⁹⁵. Однако семейные гендерные стереотипы амбивалентны: опросы представителей разных типов семей и различных возрастных категорий свидетельствуют о том, что россияне по-прежнему очень серьезно относятся к семейным узам, основой брака считают уважение друг к другу и в большинстве своем придерживаются традиционных взглядов на семью. В опросах общественного мнения подавляющее большинство высказывается за то, что дети должны расти в полных семьях, что ответственность за воспитание детей удерживает супругов от распада семей. В то же время молодые люди не спешат связывать себя брачными отношениями. Нормой жизни стала модель: добрачное сожительство – регистрация брака – венчание в церкви – развод. В современной России расширяется свобода выбора брачного партнера и форм совместной жизни. Массовое распространение приобрели добрачные практики сексуального поведения молодежи, «по своим мотивам не связанного ни с прокреативными, ни с брачными интересами»⁹⁶.

Данные опросов Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) разных лет показывают изменение на противоположное отношения к замужеству как пути для успешной самореализации девушки. Если в 1990 г. 2/3 респондентов были склонны связывать будущее дочери-подростка с удачным замужеством и лишь 1/5 – с хорошей работой, то в 2000-е годы 62–64% опрошенных высказали предпочтение хорошей работе, фактически отказавшись от патриархальной гендерной модели, согласно которой женщина должна в первую очередь заниматься семьей, а материальное обеспечение жены и детей должно быть заботой мужчины; женщине важно реализовать себя в профессиональном плане; 27% опрошенных

⁹⁴ Там же. С. 102–103.

⁹⁵ По результатам опроса молодых российских женщин еще в 1990-х годах М.Г. Котовская пришла к выводу о том, что все, что связано с внутренним миром домашней жизни, лишено для них перспективы развития. Сильное рациональное начало в их психическом складе нарушает сформированный предыдущими поколениями баланс стереотипов мужского и женского поведения (см.: Котовская М.Г. Перспективы развития брачного партнерства // *Семья, гендер, культура*. М., 1997).

⁹⁶ *Голод С.И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России*. СПб., 1996. С. 65–71.

Распределение ответов на вопрос:

«Если бы у Вас в семье была / есть дочь-подросток, то с чем прежде всего вы связывали бы ее будущее – с удачным замужеством или с хорошей работой?»
(Россия, массовые опросы общественного мнения, в % к числу опрошенных)

Вариант ответа	июнь 1990 г.*	4–5 марта 1995 г.**	3–4 марта 2001 г.**	2–3 марта 2002 г.**	26–27 февраля 2005 г.**
С удачным замужеством	64	46	27	25	27
С хорошей работой	19	36	64	62	62

* ВЦИОМ. Всесоюзный опрос городского и сельского населения.
 ** Опросы Фонда «Общественное мнение».
 Источник: Вовк Е. Гендерная асимметрия и женские роли в современной России // Социальная реальность. 2006. № 3. С. 69.

связали бы будущее своей дочери в первую очередь с удачным замужеством.

Отдавая предпочтение либо удачному замужеству, либо хорошей работе, респонденты могли исходить не только из ценностных соображений (как строить свою жизнь женщине, где себя реализовывать), но и из прагматических (какая из стратегий сегодня лучше работает, приносит больший выигрыш). Работа (как, впрочем, и брак) – не всегда и не для всех самостоятельная ценность, рассматриваемая как возможность реализовать себя. Многие женщины, даже среди успешно приспособившихся к современным условиям, рассматривают работу как вынужденную, как необходимость, вызванную тем, что мужчины перестали выполнять свою исконную обязанность по обеспечению семьи.

Интересные выводы об отношении молодежи и подростков к вступлению в брак получены по результатам социолого-демографического исследований в 2005 г. в Новгородской области⁹⁷. Практически все опрошенные юноши и девушки высказались за регистрацию первого брака. Около 30% респондентов намерены начать супружеские отношения без их регистрации, но в дальнейшем планируют оформить их официально. При этом юноши в большей степени, чем девушки, проявили намерение *обязательно зарегистрировать брак* после начала супружеских отношений. Повторные союзы остаются, как правило, незарегистрированными.

⁹⁷ Архангельский В.Н. Матримониальные ориентации молодежи в Новгородской области // Архангельский В.Н., Елизаров В.В. и др. Демографическое поведение и его детерминации. М., 2005. С. 66–72.

Таким образом, в современной России расширяется свобода выбора брачного партнера и форм совместной жизни, становится более ответственным подход к планированию сроков появления потомства. Налицо поиск оптимальной модели жизненного цикла человека, отвечающего современной реальности, среди которых – высокие требования к образованию и уровню материального благосостояния, взаимное участие супругов в формировании семейных доходов и выполнении семейных обязанностей, растущая социальная и материальная самостоятельность детей и пожилых, повышение контроля за рождаемостью. Современный человек настраивает свою жизнь, все больше согласовываясь с конкретными обстоятельствами своей личной жизни и экономической ситуацией в стране и все менее оглядываясь на традиционные представления и нормативные ограничения. Параллельно с этими переменами меняется и вся система социально одобряемых ценностей, происходит переоценка положения, ролей женщины и мужчины в обществе и семье. И тем не менее «мужской мир» оказывается гораздо менее строгим по отношению к мужчине, чем к женщине: добрачные связи, внебрачный ребенок, аборт, развод, повторный брак – во всех видах конфликтов между полами женщина терпит больший ущерб физический, материальный и моральный.

Теперь мы вплотную подошли к самым живучим гендерным стереотипам – семейным ролям и разделению труда в семье по принципу *«муж–кормилец, глава семьи», «жена–домохозяйка; хранительница очага»*, которые всегда рассматривались как нечто биологически предопределенное и были жестко закреплены за супругами. Профессиональная занятость стала нормой женской биографии и изменила тип жизненной стратегии женщины и семьи в целом. Одновременно мужчина утратил неоспоримые права быть единственным кормильцем семьи и организатором жизни в домохозяйстве и повысил свое участие в семейных делах в нетрадиционной для него роли. В основе стереотипа *«мужчины-кормильца»* лежит теория, что сфера социального воспроизводства (публичная сфера) связана с производством предметов потребления через заработную плату, главным получателем которой выступает мужчина (муж). Его заработная плата идет на обеспечение нужд жены, детей, представителей старшего поколения, больных. Стереотип «мужчины-кормильца» определяет всю совокупность существующих стандартов, прав и требований в сфере труда и социального обеспечения. Неработающие члены семьи или получающие меньшую заработную плату имеют меньше прав, пользуются ими как иждивенцы и зависят от работаю-

щих на условиях полной занятости. Большинство мужчин и женщин в России убеждено в том, что главенство в семье не зависит от экономического вклада супругов и, как правило, именно женщина распоряжается деньгами. Жена может иметь не только собственные профессиональные интересы, но и стремиться к карьере, но материнские обязанности считаются безусловным приоритетом для женщины-матери, которая должна на неопределенное время («пока ребенок маленький») оставить работу и даже мысли о карьере⁹⁸.

С первым стереотипом самым тесным образом связан второй – «жены-домохозяйки», привязывающий ее к сфере семейной жизнедеятельности, изолированной от оплачиваемой работы и политической активности. Этот стереотип закрепляет женщин, детей и иных зависимых членов семьи за приватной сферой. В советской России с исключительно высокой занятостью женщин сформировалась модель семьи с двумя работающими супругами. И, как отмечает О. Здравомыслова, «типичная советская семья “с двумя доходами” была “женским делом” даже в большей степени, чем традиционная семья, которую обеспечивал муж. (...) И именно работающая женщина, сохранившая при этом свои функции домашней хозяйки, “де факто” оказалась центром и главой семьи». На основе полученных в конце 90-х годов эмпирических данных, М. Арутюнян и О. Здравомыслова описали две базовые модели семейного контракта – традиционный и эгалитарный. Традиционную модель более активно поддерживают мужчины, но примечательно, что женщины, представительницы традиционной модели, не считают роль мужчины-кормильца достаточным основанием для статуса главы семьи. В эгалитарном семейном контракте нет жесткого распределения семейных обязанностей и закрепленных ролей. При этом семейный статус женщины по-прежнему определяется ее ролью домашней хозяйки и воспитательницы детей. *Увеличение экономического вклада женщины в семейный бюджет не влечет за собой изменения этого статуса и не уменьшает домашних обязанностей*⁹⁹.

Проблема гендерного неравенства в семье – это прежде всего проблема нашего мышления. Основной задачей на этом фоне является, скорее, формирование в обществе нового видения гендерных проблем. Несмотря на то что женщины сегодня весьма активно заняты на рынке труда, на их плечах лежит значительная

⁹⁸ Здравомыслова О.М. О возможности изменения статуса женщины в семье // Народонаселение. 2000. № 2. С. 56–61.

⁹⁹ Там же.

часть домашнего хозяйства. Даже если женщина имеет высокооплачиваемую работу, по традиции домашние занятия по-прежнему остаются за ней. Мужчины во что бы то ни стало хотят доминировать над женщинами, а женщины уже не верят, что ситуация может измениться к лучшему. О. Здравомыслова и М. Арутюнян на основе эмпирических данных провели анализ современного конфликта семьи и работы как гендерного конфликта, развивающегося в российском обществе и связанного с разрушением базового гендерного контракта советского времени (*контракт «работающей матери»*). Они разделили респонденток на две категории: семейно ориентированных и тех, кто предпочитал профессиональную карьеру. Оказалось, что большинство семейно ориентированных матерей (70%) не были отягощены распределением обязанностей и были удовлетворены браком и семьей¹⁰⁰.

Проведенные С.Ю. Барсуковой и В.В. Радаевым анкетный опрос и количественная оценка распределения трудовой нагрузки между супругами в современной городской семье подтверждают факт «устойчиво воспроизводящегося неравенства в распределении нагрузки супругов: женский домашний труд продолжительнее мужского более чем в 3 раза, а вовлеченность в него женщин почти стопроцентная. Внеребочный труд мужчин менее продолжителен, при этом каждый пятый освобожден от этого труда... Несмотря на многие сетования, домашний труд приносит удовлетворение 39,6% женщин и 29,8% мужчин. И даже если появляется неудовлетворенность, она редко перерастает в безысходный конфликт»¹⁰¹. Сфера домашнего труда представляет собой одну из наиболее инерционных областей, в которой влияние гендерных стереотипов сохраняет наибольшую значимость¹⁰².

Социально-экономическая ситуация в России, приведшая к сокращению спроса на рабочую силу, изменению мотивации труда и его ценностных критериев, вынесла на повестку дня новую гендерную проблему – *ориентацию работоспособного населения (причем во всех возрастных категориях) на незанятость*. Исходя из социокультурных стереотипов, естественно было бы ожидать, что «на незанятость» в большей мере будут устремлены женщи-

¹⁰⁰ Арутюнян М.Ю., Здравомыслова О.М. Проблема двойной идентичности. Особенности традиционного конфликта «семья – работа» // *Личность и семья в эпоху перемен*. Серия «Демография и социология». Вып. 11. М., 1994. С. 71–85.

¹⁰¹ См.: Барсукова С.Ю., Радаев В.В. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье // *Экономическая социология*. Т. 2. 2001, № 2.

¹⁰² Подробнее см. параграф «Разделение домашнего труда...» наст. издания.

ны, так как, согласно одному из традиционных семейных стереотипов, муж является кормильцем семьи, а жена полностью материально зависит от мужа.

Обследование Е.М. Жидковой¹⁰³ (Самара, 2005) показало, что среди молодых людей (попавших в исследуемую выборку) царят *иждивенческие настроения* (жизнь за счет работающих родственников, чаще – матерей), «ничегонеделанье они представляют привилегией ценности, а работу – как неизбежное зло». В структуре мотивации этих респондентов преобладали нетрудовые ценности. Кроме того, современный российский рынок труда блокирует трудовую мобильность работников старше 40 лет, оказавшихся в ситуации длительной профессиональной невостребованности. Это способствует удержанию людей старших возрастов в состоянии неактивности, так как предлагаемые виды работ не соответствуют уровню их квалификации и притязаний. Под предлогом ожидания «достойной работы» или выхода на пенсию они рассчитывают на помощь семьи и паразитируют, так как материально защищены доходами других кормильцев. К примеру, «среди группы безработных все до одного мужчины возлагают надежды на жен, которые традиционно оправдывают эти ожидания». Аналогичная ситуация была выявлена в интервью с работающими женщинами-пенсионерками в Москве. Покажем это на примере двух семей (2007 г.):

1. Жена – 56 лет. Образование высшее, работает в бюджетной сфере. Муж – 57 лет, не работает с 2001 г. До 1992 г. был водителем в таксомоторном парке, затем – персональным шофером у руководителя частного предприятия, которое ликвидировали в 2000 г. Две дочери – 27 и 25 лет. Обе закончили вузы, работают в государственных учреждениях. Со слов всех женщин, когда отец работал, семья жила в относительно достатке, часто путешествовали, используя казенную машину (собственного автомобиля в семье нет и никогда не было). Мужчина на бирже труда не регистрировался, так как работал без трудовой книжки. «Нужных» знакомств у него не оказалось. Стал бюрократом, необщительным, все вокруг виноваты в его положении, однако сам не предпринимал усилий и желания устроиться на работу. Может целыми днями лежать или смотреть фильмы по телевизору. Любит вкусно поесть и выпить. По дому ничего не делает. Ждет пенсионного возраста. По-прежнему «играет роль» главы семьи. А три женщины испытывают чувство вины, что ничем не могут ему помочь.

2. Жена – 61 год. Образование высшее. 7 лет назад досрочно оформила пенсию по старости по случаю ликвидации предприятия. Работала няней в семьях «новых русских». В настоящее время никакой трудовой деятельности нет. Муж – 60 лет, живет на две семьи (официальный брак

¹⁰³ См.: Жидкова Е.М. Ориентация на незанятость среди проблемных групп рынка труда // СОЦИС. 2005. № 3.

оформлен с респонденткой). Экономический вклад ничтожный. Младший сын (29 лет) – инвалид с детства, получает пенсию, живет для себя, в семью ничего не дает. Старший сын (31 год) оставил вуз, эпизодически (с большими перерывами) устраивается на подсобные работы, не требующие квалификации. Любит свободу(!) и погулять. Мать всех жалеет, обшивает, кормит: «Не выгонять же их на улицу. Мои все-таки...».

До сих пор в общественном мнении живет стереотипное представление о том, что фундаментальной основой успешной жизненной стратегии женщины является «семейная жизнь с достойным человеком» (иными словами, традиционная *полная семья*)¹⁰⁴ и что разведенные женщины с детьми стремятся к повторным бракам не столько для улучшения материального положения, сколько для изменения своего социального статуса¹⁰⁵. Но это не всегда так. Во время опроса одиноких матерей различного брачного статуса¹⁰⁶, респонденткам было предложено ответить на вопрос: зарегистрированный брак – *это старомодно?* и об их желании создать полную семью и по возможности объяснить свой выбор. Большинство из них (133 из 176 женщин) высказалось за традиционный брак, однако 20 затруднились ответить, а 23 сказали, что «зарегистрированный брак – это старомодно». Основания, препятствующие вступлению в брак или повторный брак, различны. Среди основных причин были названы безответственность и ненадежность современных мужчин, но главное – дополнительная физическая и материальная нагрузка.

Из стереотипа «*статус незамужней женщины являетсяотягчающим обстоятельством*» следует, что «порядочная» женщина должна выйти замуж, родить детей и быть такой, «как все». Если женщина разведена или свободна, ее порядочность ставится под сомнение. Как для женщин, так и для мужчин брак необходим для обретения определенного социального статуса. Традиционно человек без семьи – ущербный человек. В России на протяжении многих веков идеальной моделью брачного поведения считалась многодетность. Народный обычай и православная церковь формировали идеал женщины – многодетной матери. Это было и благо, и тяжелая обязанность¹⁰⁷. Однако судьба каж-

¹⁰⁴ Арутюнян М.Ю. Мужчины и женщины: образы и модели успеха // Народонаселение. 1999. № 1. С. 72.

¹⁰⁵ Фести П., Прокофьева Л. Алименты, пособия и доходы семей после развода // Мир России. 1997. № 4. С. 19–23.

¹⁰⁶ Опрос проведен Л.Г. Луняковой в 1999–2000 гг. в рамках проекта OSI-RSS № 284/1999. Подробнее см.: Лунякова Л.Г. «Лучше ребенка родить, чем мужика кормить» // Модели для сборки: в 2 ч. Ч. 1. / ред.-сост. С.А. Ушакин. М., 2004.

¹⁰⁷ См.: Пушкарева Н.Л. Женщины России и Европы на пороге нового времени. М., 1996.

дого человека уникальна и неповторима, и человек сам делает свой выбор.

До недавних пор не подвергался сомнению миф о том, что все женщины испытывают потребность быть матерями, но при этом общество предосудительно относилось к женщине, воспитывающей ребенка без мужа. Рождение ребенка незамужней женщиной считалось социально-аномальным явлением и было предосудительным с точки зрения нравственности и морали. Теперь это табу снято, и нередко женщины по самым разным причинам принимают решение иметь ребенка и воспитывать его без отца. При наличии огромного числа мужчин, не способных прокормить даже себя, в современной России достаточно много женщин, которые не стремятся искать опору в муже и создавать полную семью. В преобладающем большинстве такие женщины становятся единственным кормильцем своих семей (интересно, что в ответе на вопрос о самоидентификации ни одна из опрошенных женщин свою основную функцию в семье не ассоциировала с образом добытчика и ролью кормильца)¹⁰⁸. Таким образом, «классической» ситуацией трансформации гендерных стереотипов в семейной сфере, в которой разрушены все традиционные семейные стереотипы, является неполная семья.

Самым негативным демографическим показателем изменения современной семьи выступает *падение рождаемости*. По данным опроса Фонда «Общественное мнение», даже сознательная бездетность признается легитимной репродуктивной стратегией и «достойна понимания»¹⁰⁹. В мае 2006 г. в Послании Федеральному Собранию РФ Президент Российской Федерации предложил программу стимулирования рождаемости, включающей комплекс мер административной, финансовой, социальной поддержки молодой семьи, но подчеркнул при этом, что проблему низкой рождаемости невозможно решить без изменения отношения всего общества к семье и ее ценностям. Вскоре был принят проект Национальной программы демографического развития России, среди ожидаемых результатов которой было «укрепление социального института семьи, возрождение и сохранение отечественных

¹⁰⁸ См.: Лунякова Л.Г. О современном уровне жизни семей одиноких матерей // СОЦИС. 2001. № 8; Она же. Уровень жизни и материальная поддержка государством неполных семей // Россия: 10 лет реформ. 2002; Она же. Single Mother Families Today: 10 Years of Social Transition in Russia // Advances in Sociology Research. / ed. by L.M. Stoneham. Vol. 1 N.Y., 2003; Она же. «Лучше ребенка родить, чем мужика кормить».

¹⁰⁹ Опрос населения России 24–25 мая 2008 года. См.: Вовк Е. Бездетность и нежелание иметь детей: <http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom0821>

духовно-нравственных традиций семейных отношений, семейного воспитания, формирование ориентации населения на расширенное демографическое воспроизводство, улучшение демографических показателей постоянного населения; создание предпосылок для повышения уровня рождаемости посредством улучшения репродуктивного здоровья населения и путем постепенного перехода от преимущественно малодетного к среднететному типу репродуктивного поведения семей»¹¹⁰. В подтверждение этих идей 2007 г. был объявлен Годом ребенка, а 2008 – Годом семьи. 13 мая 2008 г. накануне празднования Международного Дня семьи, Президент России подписал Указ «Об учреждении ордена “Родительская слава”». Этим орденом будут награждаться граждане России за заслуги в укреплении института семьи и воспитании детей.

Русская православная церковь не стоит в стороне. Важно отметить, что основные цели церковного брака не противостоят задачам гражданского брака (основу христианской семьи составляют взаимоотношения супругов, рождение и совместное воспитание детей, предохранение от беспорядочных половых связей, а брак, оставшийся без потомства, признается православной церковью законным). Для привлечения в лоно церкви большего числа людей РПЦ в свете реалий сегодняшнего дня *по-новому* толкует традиционное христианское учение о браке и семье. Представители церкви отмечают, что нередко в обыденном сознании встречается поверхностное и превратное восприятие религиозных норм. Примером такого негативного стереотипа является утверждение, что христианство на протяжении своей истории воспринимало женщину как грязное существо, не имеющее души. Согласно современной трактовке, в христианстве нет уничижительного отношения к женщине. В лице Девы Марии женщина возведена на высочайшее духовное положение. Священное Писание дает множество замечательных возвышенных образов женского служения. Другой пример – сложившаяся искаженная интерпретация мифа о грехопадении Адама по вине Евы и вечной вине женской половины человечества за изгнание из рая. Сюда же относится буквальное понимание произносимых при заключении церковного брака слов «а жена, да боится своего мужа». Из них делают вывод о том, что женщина должна во всем подчиняться своему мужу и будет наказана за непослушание: в равноправном обществе мысль о том, что один из взрослых людей, равноценных партнеров, должен подчиняться другому, кажется анахронизмом. На са-

¹¹⁰ См.: Российская газета. 26.05.2006.

мом деле в этих словах (из послания апостола Павла) заложена мысль о том, чтобы христиане повиновались друг другу в страхе Божиим, т.е., предстоя перед Богом. И мужчина, и женщина равны прежде всего в том, что в каждом из них обитает образ и подобие Божие, но они не равны по своим данным и по своим возможностям. В нормальном браке муж и жена дополняют друг друга. Здесь принцип не равенства, а комплементарности. Таким образом, религиозные нормы, понятые непредвзято, могут выполнять положительную роль в обществе.

8 июля 2008 г. в России впервые официально отмечался День семьи, любви и верности, который приурочен ко дню памяти святых Муромских Петра и Февронии. По мнению представителей Русской православной церкви, когда ответы на вопросы семейной жизни были очевидными – незаконно изменять мужу или жене, бросать своих детей, престарелых родителей – такой праздник был не нужен. Сейчас, когда семейные ценности подвергнуты сомнению, такой день стал необходим, чтобы напомнить людям об очевидных вещах. Кроме того, в Церкви существует почитание святых Петра и Февронии как покровителей брака и семьи. Однако для некоторых людей этот день прошел незамеченным, так как они не знают, ни кто такие Петр и Феврония, ни историю их взаимоотношений. Другие с недоверием оценили необоснованное перенесение церковного содержания в реальность светской повседневной жизни, учитывая отдаленность события от сегодняшних дней (XII век – XXI век), а также отсутствие такого обязательного семейного атрибута, как наличие у Петра и Февронии детей, к тому же жили они порознь.

Согласно данным ВЦИОМ об оценке россиянами роли религии в современном обществе¹¹¹, только 4% опрошенных назвали церковь в качестве источника моральных ценностей, 67% считают, что приобщение к нравственности и морали должно происходить прежде всего в семье, во вторую очередь (17% опрошенных) – в школе. Попытка оценить вклад религии в поддержание гендерных стереотипов была предпринята в целевом эмпирическом исследовании, проведенном в Москве и Череповце¹¹². Оно показало, что число крещенных и венчанных браков в России в последние 15 лет растет, однако факты крещения и венчания в церкви не оказывают заметного влияния на принятие православных ценностей брака, семьи и повышение рождаемости.

¹¹¹ Опрос 25–26 августа и 1–2 сентября 2007 г. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 789. 11.10.2007: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single>

¹¹² Форсова В.В. Православие и семья (опыт эмпирического анализа) // Актуальные проблемы семей в России / под ред. Т.А. Гурко. М., 2006. С. 131–148.

Но не только церковь выступает проводником исконных семейных традиций и устоев. Активно «пропагандирует» увеличение детности социальная реклама. С баннеров и рекламных щитов городского пространства, стен метрополитена и общественного транспорта к нам «ненавязчиво» обращаются, например, женщина с тремя младенцами на руках и подписью «Каждую минуту в России появляется на свет 3 ребенка» и призывом «Стране нужны ваши рекорды» или младенец на подушке в окружении двух девичьих головок постарше и поздравительной надписью «С прибавлением» и комментарием (шрифтом помельче): «Только 6,6% семей в России имеют 3-х и более детей». Среди более яркой рекламы магазинов и ресторанов, модных автомобилей и удовольствий эти щиты остаются незамеченными или вызывают недоумение и невольный вопрос: а где же отец этих детей? И не является ли такая реклама одобрением одинокого родительства?

Но каковы бы ни были государственные программы и лозунги, этим традиционные «семейные нормы» не возродишь. По мнению А.Г. Вишневского¹¹³, никто не ожидает, что «современная средняя россиянка будет рожать 8 или 10 детей»; наибольший успех может принести политика, учитывающая образ жизни современной городской семьи, в которой оба родителя имеют профессиональное образование и работают. Этому должна соответствовать стратегия семейной политики, ориентированная на то, чтобы облегчить женщине совмещение материнства с работой или учебой, избежать ее ухода на долгий срок с рынка труда и минимизировать тем самым потери ее трудового дохода. Но существуют и другие взгляды. Например, предлагается платить матерям зарплату за воспитание собственных детей или наращивать разного рода пособия и льготы, позволяющие женщине не работать. Эти и подобные меры ориентированы на исключение части женщин с рынка труда и в неявном виде подразумевают сохранение низкого уровня трудовых доходов.

И все же большинство людей склоняется к жизни в семье. Однако некоторые члены общества не осознают, что семья и брак не являются синонимами. Семья может существовать без брака, в то время как брака без семьи не существует, «поскольку он является рефлексией именно семьи и по поводу семьи»¹¹⁴. Брак – более позднее образование, чем семья, и его функция – регламентация внутрисемейных отношений, например, таких, как собствен-

¹¹³ Вишневский А.Г. Стратегия в плену тактики // Независимая газета. 01.06.2007.

¹¹⁴ Бэттлер А. О любви, семье и государстве. М., 2006. С. 111.

ность, семейное имущество. Другая важная сторона брака состоит в том, что он фиксирует семью как целостность, отделяет пару муж–жена от пары мужчина–женщина (например, как *сожителей*). В последнем случае главное – это удовлетворение сексуальных потребностей без обязательств, налагаемых браком.

Нередко браки приобретают многоступенчатый характер. Случается, что юридическое оформление брачного союза лишено смысла, так как накладывает определенные обязательства и обременяет ответственностью. В настоящее время наблюдается мотивационная инверсия: прежде семья была местом обретения гармонии, взаимопомощи, преодоления трудностей и моральной и психологической поддержки; теперь семья стала источником дополнительных проблем, часто трудно разрешимых. Многие проблемы вызывают депрессивные состояния, обусловленные неадекватными ожиданиями и реальными возможностями. Таким образом, на любой довод в пользу брака найдется контраргумент против него.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплекс социально-экономических исследований, касающихся гендерных стереотипов в меняющемся обществе, позволил сделать ряд выводов в этой области научных разработок. Гендерные стереотипы пронизывают все аспекты жизнедеятельности социума как на макро-, так и на микроуровне, включаясь в экономическое, политическое и социальное функционирование общества. Имея многовековую историю, гендерные отношения испытывают сегодня постоянное воздействие СМИ, формирующих повседневную идеологию населения через создание и воспроизводство реальных представлений о ролевых функциях мужчин и женщин в российском обществе. Разумеется, это влияние имеет не только горизонтальный вектор, распространяясь по городам и весям, отдельным регионам и территориям страны, но также сопровождает жизненный путь человека, можно смело сказать, от момента рождения до последнего вздоха.

Наиболее сильная зависимость положения женщин и мужчин от гендерных стереотипов складывается в сфере общественного производства, о чем свидетельствует соотношение предпринимателей и наемных работников по полу, особенности руководства крупным, средним и мелким бизнесом, а также участие в деятельности различных отраслей экономики. Структуры вертикальной и горизонтальной занятости наилучшим образом объясняют гендерные асимметрии, сегрегации профессий и дискриминации социальных позиций женщин и мужчин. Из «самых хороших побуждений» свою лепту в эти процессы вносят законодатели (см. Трудовой кодекс Российской Федерации), все уровни исполнительной власти (например, государственные службы занятости), а также работодатели, которые не несут реальной ответственности за свои дискриминационные практики. Самое примечательное состоит в том, что работники не принимают «хороших побуждений» со стороны властей и руководителей всех уровней, протестуют против проявлений гендерной дискриминации независимо от того, кто является их источником и какие гуманные прикрытия в этом случае используются.

Корень этого явления кроется в оплате труда. Любое ограничение при выборе места занятости, исходящее извне по отноше-

нию к волеизъявлению работника, влечет за собой дискриминацию в оплате труда, а вслед за этим – снижение пенсий и всех других социальных пособий, а затем – и потери позиций во внутрисемейных отношениях и т.д. Не случайно в российской экономической структуре сформировались так называемые феминизированные отрасли, а также женские и мужские профессии, которые прежде всего занижают позиции женщин в сфере труда со всеми вытекающими отсюда последствиями. Из этой ситуации возможны два выхода: следует либо существенно повышать заработки в «обездоленных» отраслях социальной сферы и за работу на непрестижных, и потому женских, профессиях, либо решительно бороться с ограничениями занятости по признаку пола, позволяя работнику самому определять, какая работа ему полезна, а какая вредна, основываясь на своих представлениях о самосохранительном поведении. Известно, что чрезвычайно низкий уровень жизни, определяемый заработками «ниже низшего предела» (менее прожиточного минимума) заставляет работника конвертировать свое здоровье в более высокий доход, например, путем множественной занятости. Трудоспособный гражданин таким образом обходит «благие намерения» властей и предпринимателей, осваивая стратегии выживания и обеспечивая себе лишь минимальную продолжительность предстоящей жизни. Корни подобного поведения непосредственным образом связаны с гендерными стереотипами о ролевых функциях, отличающихся полом и возрастом, негативным образом сказывающихся на состоянии здоровья российских граждан. Чтобы успешно решать задачи снижения смертности российского населения, необходимо прежде всего активизировать самосохранительное поведение на уровне законодательной деятельности властей, обеспечивать усвоение гражданами подобной модели жизнедеятельности. Пока человек не готов бороться за сохранение своего здоровья всеми возможными способами, попытки изменения тенденции в динамике смертности будут подобны бегу на месте.

Дискриминационные практики, процветающие на ниве общественного производства трансформируются в семье, определяя характер гендерных отношений между супругами, родителями и детьми, а также разделение трудовых обязанностей в домохозяйстве. Существование в российском обществе трех моделей семейных образований – патриархальной («наиболее архаичной»), детоцентристской («современной»), супружеской («постсовременной») – не освобождает внутрисемейные отношения от влияния гендерных стереотипов, хотя в каждой модели семьи это воздействие имеет свою специфику. Однако в любом случае патриархальная

идеология (зависимость жены от мужа и детей от родителей) одерживает победу, приводя женщин в сферу двойной занятости со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями.

Условно можно считать, что из всей совокупности российских семей, численность которых составляет сегодня более 40 млн, половина действует в формате патриархальной модели, $\frac{1}{3}$ – в формате детоцентристской, а остальные достигли или пока еще движутся в сторону постсовременной. Следует учитывать, что при низком уровне жизни, который касается подавляющей массы населения (около 80%), семья может выполнять свои основные функции лишь при наличии в ее бюджете двух заработков от двух работников, как правило, супругов. Обязанности матери, организующей воспитание и социализацию детей, не подвергаются сомнению не только в патриархальной семье, но и в детоцентристской, где роль ребенка (детей) лишь возрастает. Что же касается супружеской модели, то в рамках ее функционирования роль отца, супруга на уровне внутрисемейных отношений неизбежно увеличивается. Однако и женщина, активно включаясь в общественное производство, не остается без забот в семье. Тенденции ожидаемых изменений в посемейной структуре населения определяют необходимость осуществления комплекса социально-демографических мероприятий, которые будут уменьшать гендерную асимметрию внутрисемейных отношений.

Не меньшее значение с точки зрения гендерных отношений имеют и проводимые сегодня реформы в области монетизации социальной инфраструктуры, что существенно снижает жизненный уровень населения. Часть, и значительную, обслуживания при этом должны и берут на себя женщины, начиная с дошкольного воспитания детей и ухода за престарелыми и кончая предоставлением бытовых услуг всем членам семьи. Разумеется, труд женщин в этом случае не только не оплачивается, но даже не признается во внимание. Его как будто нет.

Не учитывая в полной мере силу и власть гендерных стереотипов, общество несет значительные потери с точки зрения использования располагаемого страной человеческого потенциала. Каждый индивид оказывается не на том месте, где он произведет больший эффект благодаря своей деятельности, а там, куда его «поставят» управляющие обществом структуры по своему усмотрению. Более того, социальная политика, абстрагируясь от гендерных отношений, немедленно проигрывает в плане своей результативности. И это в первую очередь касается области демографического воспроизводства. Принятый в 2006 г. комплекс мер в направлении повышения рождаемости, по существу, носит ма-

теринский характер, акцентируя внимание на роли женщины-матери. А это поворачивает вспять развитие гендерных процессов, возвращая их в начало социально-экономических трансформаций. Хорошо ли это с точки зрения поступательного движения российского общества в сторону демократии и прогресса? Видимо, совсем не хорошо, если не сказать совсем плохо.

Рассматривая взаимоотношения между полами не на поверхности явлений, а значительно глубже, и именно таким образом определяя роли мужчин и женщин, которые они играют в экономике, политике, семье, можно вскрыть причины и факторы, определяющие рождение более сильной русской женщины и более слабого российского мужчины. И дело не только в том, что женщина почти целое столетие несет на своих плечах фактически две нагрузки (но отчасти и в этом), но главное – современная женщина России обретает все бóльшую независимость, и численность таких женщин возрастает. Нет сомнения, что дело касается лишь общей тенденции, основного вектора общественного движения, который обрастает множеством отклонений, связанных с образованием, социальным статусом, этнической и национальной принадлежностью, возрастом и семейным положением. Но направление траектории определено, и колесо истории проделало ряд оборотов, поэтому назад пути нет. Очевидно, и об этом говорят происходящие социально-экономические процессы, связанные с реформированием общества, что женщина успешно преодолевает возникающие на ее пути барьеры, которые выстраивают власти, реализуя свою (мужскую) социальную и экономическую политику.

Отчасти указанные гендерные различия определяются биологическими факторами¹. Не случайно, что именно женщины обеспечивают биологическую устойчивость вида. Мужской организм – экспериментальный и более уязвим. Наличие у женщины двух X-хромосом лучше защищает ее, если одна из хромосом повреждена, другая продублирует выполнение необходимой функции. У мужчины такой возможности нет. Этим объясняется значительно более слабый их иммунитет. Мужчины более восприимчивы к любым инфекциям. Несмотря на то что женщины чаще имеют повышенное артериальное давление, мужчины умирают от него больше. Женщины выносливее мужчин. Организм мужчин – спринтер, организм женщин – стайер: женщина способна к меньшим нагрузкам, но может нести их долго и постоянно. Мужчина работает активнее, но быстрее выдыхается. С возрастом ос-

¹ Николаева Е. Искусство непонимания, или Когда нам выгоден конфликт. Новосибирск. 1997.

лабление организма мужчины идет интенсивнее. Если каждые 10 лет у женщины снижается переносимость нагрузки на 2%, то у мужчины – на 10%, поэтому 60-летняя женщина способна переносить 90% нагрузок от тех, которые ей доступны в 20 лет, а мужчина – только 60%.

В крови мужчины на 20% больше эритроцитов – клеток, несущих кислород тканям, поэтому у них интенсивнее обмен веществ и они обладают большей энергией. Но дыхание у них глубже, чем у женщин, и любое загрязнение воздуха действует на них сильнее. Мужчины хуже переносят токсические воздействия. Более того, повышение интенсивности окислительного обмена, необходимого для обеспечения жизнедеятельности мужского организма, в свою очередь увеличивает образование свободных радикалов и возможность повреждения ими ДНК, а это влечет за собой инфаркты, инсульты, злокачественные опухоли и диабет².

Традиционно считается, что женщины более эмоциональны, впечатлительны, ранимы, чаще нуждаются в опоре, покровительстве, склонны подчиняться. Гормональный анализ не подтверждает этого. У мужчины обнаруживается более низкий резерв гормональной системы, чаще встречаются нарушения суточного ритма содержания гормонов, что ведет к большей беззащитности организма перед стрессом. Мужчины более тревожны и менее устойчивы эмоционально, больше, чем женщины, подвержены различным кризам. Так что миф о сильном мужчине и слабой женщине нуждается в основательном пересмотре.

Сказанное в еще большей степени подчеркивает важность гендерного подхода при формировании социальной политики, так как он позволяет увидеть и учесть такие аспекты жизнедеятельности общества, которые существенно повысят эффективность принимаемых решений. Одновременно это означает, что по-новому и достаточно четко определяется роль женщин и мужчин в самом процессе их выработки и принятия (роль в политике). Представления относительно формирования социальной политики, по крайней мере в нашем государстве, базируются на следующих исходных посылах:

- конституирование социальных решений в значительной мере (например, 50/50) базируются на здравом смысле, и гендерные стереотипы при этом, очевидно, играют немаловажную роль; понимание и оценки со стороны мужчин и женщин происходящих в стране социально-экономических трансформаций существенно

² Величковский Б.Т. Социальный стресс, трудовая мотивация и здоровье. М., 2005. С. 20.

отличны, независимо от того, как они воспринимают уже сформировавшиеся в обществе стереотипы;

- эффективность социальной политики не может не зависеть от того, кто формирует и выносит соответствующие решения, что в основе своей имеет существенную объективность.

Реформирование социальной сферы в России характеризуется значительным отставанием, как с точки зрения остроты и приоритета социальных проблем, затрагивающих все группы и слои населения, так и с позиции отраслей, производящих социальные блага в условиях рыночных отношений. Нет сомнения в том, что в постсоветский период роль, значение и механизмы функционирования этих отраслей принципиально иные. Возникла неотложная задача социального преобразования, которое приходится осуществлять в рамках «догоняющей» технологии, поскольку наблюдается серьезный дисбаланс в динамике развития между отдельными секторами общества. Конкретным примером в данном случае являются четыре национальных проекта, которые приходится осуществлять, можно сказать, в пожарном порядке по причине отставания социальной компоненты. Не удивительно, что при всей своей значимости они лишены системного характера, хотя и взаимосвязаны между собой.

Если к реформированию социальной сферы подходить комплексно, а лишь так и необходимо, то прежде всего следует определить приоритетные направления действий, среди которых главными являются:

- преодоление массовой бедности населения;
- радикальное снижение социальной поляризации, которая достигла чудовищных размеров, и негативное влияние которой возрастает с каждым днем по многим направлениям;
- повышение потенциала здоровья, особенно некоторых групп населения, без чего невозможно преодолеть в России демографический кризис;
- минимальное обеспечение граждан жилищно-коммунальными условиями жизни, которые постоянно ухудшаются у основной массы населения, несмотря на, казалось бы, широкое строительство.

Каждая из указанных проблем имеет самостоятельный характер, однако все они внутренне взаимосвязаны и взаимозависимы, определяя базисные условия жизни людей в стране. Кроме того, гендерный характер их проявления, а следовательно, и решения, отличается определенной спецификой. Можно совсем кратко показать место и роль женщин и мужчин в контексте этих проблем.

Первая проблема – преодоление массовой бедности. Многочисленные исследования показывают, что бедность в России имеет «женское лицо». По нашим оценкам, доля бедных в 2005 г. составляла не менее 30%, т.е. в 2 раза больше, чем это отмечает официальная статистика. Это означает, что слой маргинального населения сегодня достигает 43 млн чел. Можно проанализировать и определить, кто эти люди и почему их доходы ниже прожиточного минимума. Специальный анализ существующей статистики и экспертные оценки показали, что, во-первых, вследствие различий в оплате мужского и женского труда, что связано не столько с уровнем их профессионализма, сколько с фактором дифференциации заработков межотраслевого характера, миллионы работающих женщин, занятых в «феминизированных» отраслях, имеют заработки ниже прожиточного минимума; во-вторых, старость в России имеет «женское лицо», так как доля женщин в пенсионном возрасте почти в 3 раза выше доли престарелых мужчин, учитывая чрезвычайно низкий уровень пенсионного обеспечения, когда коэффициент замещения составляет лишь 25%, численность обездоленных пенсионерок также составляет миллионы человек, пенсии которых ниже прожиточного минимума; в-третьих, наиболее незащищенными в российском обществе являются материнские (неполные) семьи, где либо мать и дети, либо мать с детьми-инвалидами фактически лишены достойного материального обеспечения.

Вторая проблема – социальная поляризация.

Наиболее тяжелое последствие экономических преобразований в России связано с чудовищной социальной поляризацией населения и дезинтеграцией общества, которые возникли как бы в одночасье. Интенсивный рост дифференциации доходов был следствием не только «шоковой терапии» 1992 г., но связан с характером рыночных преобразований 90-х годов, в результате которых произошло активное и стремительное перераспределение огромных общественных богатств в интересах тонкой прослойки слоя наиболее «ловких». Все мероприятия экономического характера, проводимые правительством после 1999 г., лишь усиливали и укрепляли экономические позиции богатых и очень богатых. Среди них: плоская шкала налогов с доходов физических лиц, введение единого социального налога, реформа пенсионного обеспечения, включающая накопительную компоненту.

В результате поляризация доходов, измеряемая коэффициентом фондов, составляет сегодня более 15 раз и постепенно возрастает, формируя на одном полюсе все увеличивающееся число

миллионеров и миллиардеров, замораживая и даже снижая доходы основной части населения (20% «нижних»). Рассматривая распределение доходов в гендерном разрезе, видим, что его «левая» часть (начало статистического ряда) в большей мере включает женщин, в то время как правая – плотнее заполнена мужчинами (конец статистического ряда). Поляризация доходов имеет гендерный характер.

Третья проблема – индивидуальный потенциал здоровья.

Многолетние исследования, осуществленные в различных регионах России (Таганрог, Москва, Саратовская и Новгородская области), привели к парадоксальному выводу: несмотря на то что продолжительность предстоящей жизни у мужчин (популяционное здоровье) сегодня на 13 лет меньше, чем у женщин, из которых пять лет жизни они потеряли в течение последних десяти лет, индикаторы индивидуального здоровья как в среднем, так и во всех возрастных группах у женщин ниже, чем у мужчин. Разрыв составляет примерно 10% и касается не только самооценок, но и показателей распространенности хронических болезней, тяжести и множественности патологий. Этот парадокс имеет биологическое и социальное объяснение.

Вместе с тем индивидуальное нездоровье женщин непосредственным образом сказывается на качестве репродуктивных процессов и состоянии детей. Так, основные патологии беременных включают анемию, болезни почек, поздний токсикоз. Статистика показывает, что вслед за ростом анемии у беременных увеличивается доля рожденных уже больными. Их сегодня более $\frac{1}{3}$. Они не компенсируют свое здоровье на протяжении жизненного цикла и, вступая в детородный возраст, сами рожают больных. Так общество попадает в «социальную воронку», из которой можно выйти лишь усилиями нескольких поколений, если не предпринять серьезные профилактические меры.

Четвертая проблема – негативные жилищно-коммунальные условия. Динамика уровня и качества жилищной обеспеченности сопровождается серьезной поляризацией, когда часть граждан страны имеет в собственности элитное жилье огромного размера и роскошного благоустройства, обладая двумя-тремя квартирами на семью и особняками, в то время как $\frac{3}{4}$ семей нуждаются в улучшении жилья. Негативные жилищные условия отрицательным образом влияют на состояние здоровья и образ жизни всех групп и слоев населения. Однако в наибольшей степени в данном случае страдают женщины, на плечи которых ложится обустройство семейного быта.

Рассмотрение четырех наиболее острых социальных проблем показывает, что страдающей стороной во всех случаях являются женщины, а следом за ними – дети. И, возможно, поэтому они сильнее ощущают сбои, которые происходят в социальной жизни российского общества, воспринимая их не только холодным рассудком, но и с определенной долей эмоций. Возникает закономерный вопрос, касающийся гендерной структуры тех организаций, которые принимают решения в области социальной политики. Возможно, отставание в реформировании социальной сферы существенным образом связано с тем известным обстоятельством, что органы российской власти и чем «выше», тем больше, представлены мужчинами, которые быстрее находят аргументы против развития «социалки»? Если это так, тогда напрашивается вывод, что необходимы существенные изменения: социальные структуры должны если не состоять целиком из женщин, то включать их большинство. Тогда окончательные решения будут целенаправленны и эффективны. Может быть, этот вывод носит экстремальный характер, но от него можно уходить, «ослабляя» требования гендерных соотношений.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Социальная модернизация и гендерные стереотипы.....	3
Глава I. К методологии гендерных исследований	23
Гендерные стереотипы в социальном познании и практике	23
Устойчивость и изменчивость повседневных гендерных идеологий.....	42
Правовые ценности и гендерный аспект становления гражданского правосознания	58
Глава II. Гендерные противоречия на рынке труда	83
Неравенство женщин и мужчин в доступе к кредитам. Женское предпринимательство в России.....	83
Стереотипизация разделения труда между мужчинами и женщинами.....	102
Гендерная проекция социально-экономических проблем в Республике Дагестан.....	122
Разделение домашнего труда как ресурс гендерной идентичности.....	132
Гендерная составляющая трудовой миграции из стран СНГ в Россию	155
Трудовая деятельность и здоровье	173
Глава III. Гендерные стереотипы и современные демографические проблемы России	186
Реальность и утопии демографической политики.....	186
От традиционного к современному типу демографического воспроизводства.....	210
Двойной груз социальных стереотипов в пожилом возрасте	227
Трансформация гендерных стереотипов в семейной сфере	246
Заключение.....	263

Научное издание

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В МЕНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Утверждено к печати Ученым советом

Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

Зав. редакцией Г.И. Чертова. Редактор Ю.Л. Соколова

Художник Т.В. Болотина. Художественный редактор В.Ю. Яковлев

Технический редактор О.В. Аредова

Корректоры З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая

Подписано к печати 02.03.2009. Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 17,0. Усл.кр.-отт. 17,0. Уч.-изд.л. 17,0. Тираж 800 экз. (РНФ – 300 экз.)
Тип. зак. 1625

Издательство «Наука» 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru

www.naukaran.ru

ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6